

СЕМЬЯ И ШКОЛА

3 МАРТ 1970

ЖУРНАЛ ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ

Улица, двор — край ребячьего суверенитета... Мир, где взрослые в лучшем случае — только в гостях... Вы его не знаете? Остерегаетесь? Бойтесь? Попробуйте понять! (Читайте в этом номере „Ребята во дворе“).

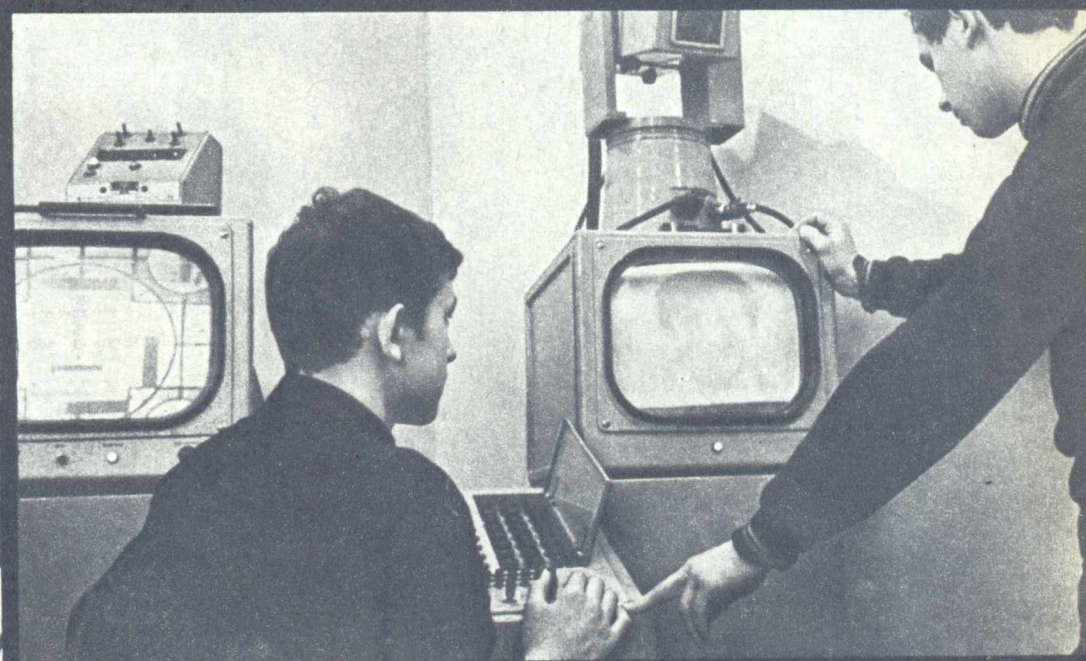
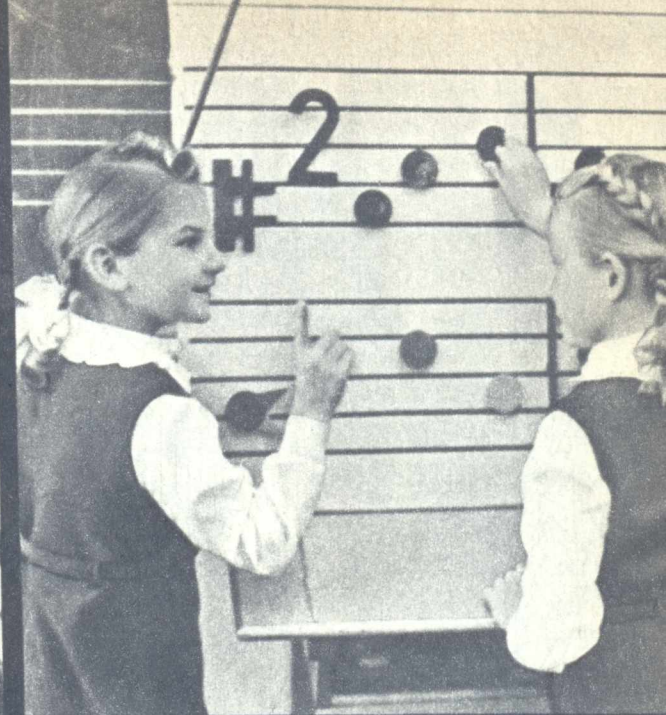
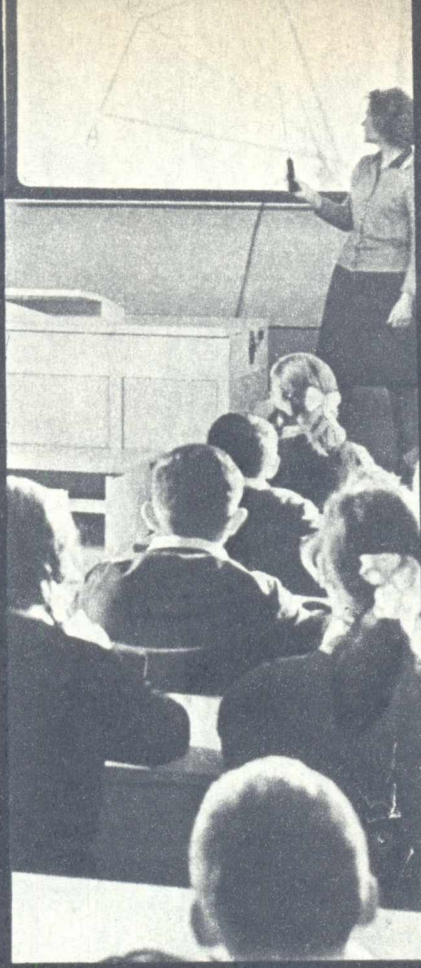
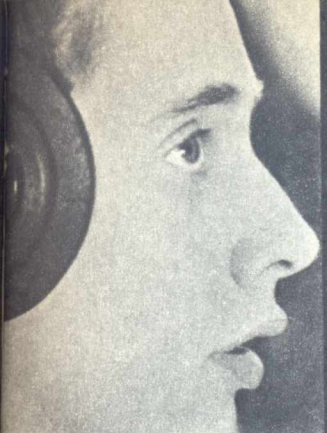

... Сложные приборы (действительно, модель атома углерода на снимке — это уже не просто наглядное пособие, а сложный прибор!) и магнитофонная запись для уроков литературы, вычислитель-

ные машины и проекционный аппарат, телевидение и магнитная нотная доска — это только несколько примеров помощи, которую готова предоставить школе современная техника.

..... В известном предании царь Птоломей I обращался к Евклиду с просьбой указать ему кратчайший и удобнейший способ познания геометрии. „О царь, — сказал ему мудрец, — нет царской дороги

в геометрии“. Не знаю, что ответил Евклиду Птоломей, но для педагогов авторитет великого математика оказался недостаточным“. (Из статьи „Реальность и соблазны техники в обучении“).

С великим чудом природы —
рождением ребенка —
соединяется
чудо человеческое —
материнская любовь.
Любовь, в которой поровну
нежности и мужества.
Животворная любовь,
поднимающая младенца
до человека.
Женщинам
посвящен первый
весенний праздник в году.
Возникший
как день борьбы
за свободу
и равноправие женщин,
в нашей стране
он стал торжеством
признательности
и уважения к ним.
Будьте здоровы,
и счастливы,
наши бабушки, матери,
жены и сестры!
И наши младшие,
легконогие,
смешливые девочки,
растите гордыми и сильными,
славными дочерьми
славного народа.

Нина Свиридова. Материнство

содержание

л. карпинский ● энергия знаний	2
кодекс здоровья	5
н. хрулев ● главная роль	6
м. балакина-королева ● о моем сыне	10
а. маркушевич ● реальность и соблазны техники в обучении	12
ребята во дворе: в. журавлев ● стихийные группы: опыт исследования; а. и о. лавровы ● стихийные группы: а как быть родителями?	14
родителям новичков	
е. мишарева ● что надо знать первокласснику?	18
письма. ответы. комментарии	20
что за правилом?	
с. файнберг ● не таской, а лаской	22
консультации „семья и школы“	24
из педагогического наследия	
жан-жан руссо ● эмиль, или о воспитании	26
представляем: „квант“	31
по ленинским местам	
в. жукова ● петроград. смольный	35
в. емельяков ● песенка	36
путь и профессии	
с. павлов ● требуется доказать	40
в. большевов ● на конвейере стопроцентности	42
книги	
е. аксенова ● женщина с большой буквы; з. садалова ● небо войны; л. аннинский ● землю — шагами; а. ивич ● нужно „слово“; недавно выпущено...	44
читательские курсы: р. орлова ● особенно близка	48
кино	
на киностудии им. м. горького: а. гербер ● обдумывающие житье; идут съемки	50
киноклуб: л. димкина ● остается прекрасное; мой фильм	52
радио	
кооп. „репортаж о событиях невероятных“	54
телевидение	
л. стефанова ● уроки доброго учителя	58
на 64 клетках	59
поиграйте с малышами	
не опаздывая, „р“	60
спортивный клуб „снежинка“	62
история одной картины	
л. осипова ● человек. народ. мир	64

семья и школа

ежемесячный журнал для родителей
Академии педагогических наук СССР
март 1970 года № 3 25-й год издания

ЭНЕРГИЯ

ЗНАНИЙ

Л. КАРПИНСКИЙ

...В ОБЛИКЕ СОВЕТСКОГО РАБОЧЕГО СЛИ-
ВАЮТСЯ ВОЕДИНО ЧЕРТЫ СОЗНАТЕЛЬНОГО
ТРУЖЕНИКА ИНДУСТРИИ, ПРИОБЩЕННОГО К
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, И АК-
ТИВНОГО БОРЦА ЗА НОВУЮ ЖИЗНЬ, УТВЕРЖ-
ДАЮЩЕГО ВЫСОКИЕ НОРМЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ
ОТНОШЕНИЙ».

*Из Тезисов Центрального Комитета
Коммунистической партии Советского
Союза „К 100-летию со дня рождения
Владимира Ильича Ленина“.*

Помните ли вы скульптуру Родена «Мыслитель»? Чело-
век в глубоком раздумье. Мускулистая рука подпирает
голову. Натруженная рука и думающая голова... Многим
революционерам, попадавшим из России в Париж,
Ленин советовал посмотреть в Люксембургском музее
эту скульптуру...

Соединение мысли и труда нам, обладателям полу-
векового опыта советского развития, представляется
нормальным. Но для осуществления этого Коммунисти-
ческая партия неустанно добивалась, чтобы в соответ-
ствии с ленинской программой рабочая и крестьянская
молодежь могла учиться и усваивать культуру.

Культурная революция в нашей стране освещена
мыслью и заботами Ленина.

Пришлось, как известно, начинать с азов. Из каж-
дых ста жителей дореволюционной России 76 были негра-
мотными. Как-то старый дореволюционный журнал
«Вестник воспитания» уныло подсчитал, что для ликви-
дации неграмотности в России потребуется больше
двухсот лет. Но революция ввела свои измерения. В де-
кабре 1919 года В. И. Ленин подписал декрет о ликви-
дации безграмотности среди населения РСФСР. А в
1929—1930 годах в школах ликбеза обучалось уже
свыше 32 миллионов человек.

Сегодня современник с интересом читает удостове-
рение, выданное прошедшему ликбез. В удостоверении
есть «Наказ окончившему пункт ликвидации неграмот-
ности»:

«1. Ты — герой, дорогой товарищ! Взрослому очень
трудно научиться читать, писать, считать. А ты научился.
Ты победил на фронте просвещения. Хвала тебе.

2. Помни, что ты теперь должен читать газеты, книги,
чтобы понимать, что делается вокруг тебя...

4. Тебя обучили грамоте, но вокруг тебя много негра-
мотных. Они не идут в школу потому, что трудно
учиться, и не понимают они, как это важно. А ты теперь
понимаешь это. Приведи же их в школу. Пойди к ним,
убеди их. Это — твой долг».

В этом документе уже отражено новое обществен-
ное мышление. Знания становились нравственной нор-
мой жизни, непременным условием полноценности бы-
тия.

Ныне СССР — страна сплошной грамотности. В 1914—
1915 годах в школах Российской империи училось 9,6 мил-
лиона ребят. В советских школах в 1967, юбилейном,
году обучалось более 48 миллионов человек. Их учили
больше 2,5 миллиона учителей. Почти треть населения
страны теперь имеет высшее и среднее (полное или
неполное) образование. В 785 вузах Советского Союза
в том же году занималось 4 миллиона 311 тысяч сту-
дентов.

Прошло немногим более пятидесяти лет, и «культур-
ный долг» столетий был возвращен сполна. Такова прак-
тика.

Но огромное значение имеет и идеология нашей
культурной революции, ее ленинская философия.

В противоположность «культурникам» (как называл А. В. Луначарский некоторых представителей старой просвещенческой интеллигенции), видевшим в рабочих массах «слепых кротов», ждущих пришествия в свои норы «детей солнца», Ленин и его соратники высоко оценивали духовные возможности рабочего класса. Да, рабочий вынужден был питаться крохами со стола господской культуры до той поры, пока был подавлен нищенскими формами быта, всеми условиями труда и жизни обрекался на одичание. Но эта «низкая истина» была опрокинута ходом революции.

Вдумаемся в логику развития трудового творчества. На первом субботнике в депо Москва-Сортировочная комиссар депо Яков Кондратьев долго выколачивал заржавевший шкворень рессоры. На помощь пришел молодой здоровяк Андрей Каракчеев. Отодвинул Кондратьева плечом: «Видно, рессора тебя не боится, знает, что силенки маловато...» Поднял кувалду и с четвертого удара выбил шкворень. **Кувалда решала.**

Первые ударники из бригады «Партизан» на Златоустовском механическом заводе всего только и сделали, что разделили одну операцию на несколько: станки выстроили в ленту, объединили точильщиков по пятеркам да беготню в кладовую уничтожили. Один лишь пожелтевший листок бумаги — немудреная схема новой организации труда — стал, по выражению Бориса Галина, «динамитом, готовым взорвать тихую безмятежную жизнь»... Это было в 1928 году. **Решала смекалка.**

А через три года Никита Изотов энергично возражал в «Правде»: «Говорят, Изотов сильный, Изотов крепкий, потому он так хорошо работает. Чепуха! Не в силе дело... Скажу без хвастовства — я даю выработку потому, что овладел техникой дела». **Начала решать техническая квалификация.**

В сообщении о лауреатах Ленинской премии 1966 года была названа фамилия старшего мастера Харьковского тракторного завода Ивана Павловича Смирнова. Его метод горячей накатки шестерен признан важным научным вкладом в технологию производства. Теперь рабочее место слесаря стало местом паломничества специалистов. Брались интервью, снимались фильмы, делались расчеты о чудо-станке. На основе расчетов научные институты разработали целые серии механизмов. Сам Иван Павлович долгие ночи просиживал над чертежами и книгами. Он воплотил в себе новый тип рабочего, «оснащенного» научным знанием. **Мысль и труд соединились в исм.**

Четыре характерных эпизода. Итог один — внушительная культурная победа рабочего класса.

В культурном развитии не происходит волшебного-топливных превращений. Оно выдвигает немало сложных проблем.

Спросите у рабочих, занятых на конвейере, — довольны ли они содержанием своего труда. Окажется, правда, что какую-то часть удовлетворяют даже однообразные операции. Вот некоторые объяснения: «Операции я хорошо знаю и могу их выполнять, даже не смотря, а думая о своем»; «Нравится, так как привыкла к своей работе, и если у меня дела (домашние. — Л. К.) в порядке, работа совсем идет быстро». Кто же эти рабочие? Главным образом, женщины с образованием 4—5 классов.

Основную же массу занятых на конвейере — как правило, это молодые люди со средним образованием — такая работа не устраивает потому, что, поглощая внимание (особенно поначалу), не требует творчества: «Каждый день одно и то же — очень утомительно»; «Надоело выполнение одной операции, хочется освоить много новых, для этого я учусь...» Именно в стремлении вырвать свою мысль из плена монотонности, в стремлении к образованию ищут себя эти рабочие.

Сегодня нас беспокоит конфликт между шагнувшим впе-

ред человеком и несложными условиями его труда. А завтра? Научно-технический прогресс может вызвать «голод» в подготовленных кадрах.

Обратимся к труду рабочих на современных автоматических агрегатах, например на обслуживании усовершенствованной установки непрерывной разливки стали. Напомним, что такая установка на заводе «Красное Сормово» оборудована 55 электромоторами, 140 измерительными приборами, 10 телевизионными камерами, 2 телевизионными приемниками, что в ее конструкции применены гидравлика, пневматика, электроника, телемеханика. У операторов разных отделений умственный труд (осмысливание его цели и способов, подготовка к процессу, управление и контроль за работой механизмов) занимает от 53 до 88 процентов времени. У наладчиков — почти все 100.

На многих предприятиях признаки надвигающихся сложностей уже ощутимы. Скажем, на комбинате «Севвероникель» среднетехническое образование ныне обязательно для 19 ведущих профессий: аппаратчиков, горновиков, кочегаров котлов, модельщиков, плавильщиков всех видов печей, слесарей, флотаторов, электромонтер-наладчиков и т. д. Полного среднего образования требуют 30 профессий, а еще для 36 видов работ необходимо иметь за плечами по крайней мере 7—8 классов.

В этих расчетах — не пожелание, а неумолимое производственное требование. Дело в том, что автоматизированная техника меняет само понятие трудовой квалификации. Если раньше она измерялась главным образом специальными навыками и опытом, то теперь все больше — широкими общеобразовательными знаниями. Экономисты показывают: в сфере научных знаний и развития образования «добывается» возрастающая доля материальных богатств общества. Например, по данным академика Струмилина, в 1960 году за счет возросшего уровня образования и квалификации работников в стране было получено около 23 процентов национального дохода — не менее 33,7 миллиарда рублей.

При этом имеется в виду не только утилитарное, хотя и очень важное, обстоятельство: подсчитано, что каждый класс общеобразовательной подготовки ускоряет овладение новыми операциями. Речь о большем. О том, что самые богатые общественные кладовые кроются в человеческих способностях и желаниях и, следовательно, самый щедрый, надежный источник пополнения этих богатств — всесторонне развитая личность.

Десятилетия — год от года — подтверждают мысли Ленина, высказанные им в заметках на тезисы Н. К. Крупской «О политехническом образовании». Лишь «крайне тяжелое хозяйственное положение республики», по мнению Ленина, требовало в то время слияния общей школы 2-й ступени с профтехшколами. «...Но вместе с тем, — подчеркивал Ленин, — дабы не было превращения в ремесленничество, надо установить следующие точные правила:

1) избежать ранней специализации; разработать инструкцию об этом;

2) расширить во всех профтехшколах **общеобразовательные предметы.**

И далее. «Задача школ 2-й ступени (вернее: высших классов 2-й ступени) (12—17): дать вполне знающего свое дело, вполне способного стать мастером и практически подготовленного к этому **столяра, плотника, слесаря и т. п.,**

с тем, однако, чтобы этот «ремесленник» имел широкое общее образование...»

Чрезвычайно современно звучит эта забота: «дабы не было превращения в ремесленничество»!

Желая обсудить, как этого добиться, в редакции од-

ной из газет недавно собрались философы и деятели искусств, педагоги и социологи, научные и практические работники. Они заранее условились говорить не столько о достигнутом, сколько о проблемах. Прислушаемся же к этому разговору.

Мы строим общество, в котором человек — высшая ценность, создаем новые отношения, принципиально превосходящие все, что знает капиталистическая действительность, которую французский писатель Антуан Сент-Экзюпери как-то назвал обществом «людей, погруженных в рутину разных профессий». Между тем некоторым еще представляется, будто достаточно человека обучить специальности, чтобы возвысить его душу. Это путь к «воспитанию» техников, лишенных внутренней жизни. Общая культура — это тот коммутатор, через который не только разум человека может «обмениваться» с логикой современной техники, но и человек может говорить с человеком как гражданин с гражданином. Потому что для советского человека понятие «общая культура» непременно включает в себя овладение идейным наследством Коммунистической партии и сознательную патристическую убежденность.

Почему же раздаются заявления: мол, нужно ценить человека как специалиста, и кому какое дело, упивается ли он музыкой Бетховена, плачет ли над «Оводом», задумывается ли над Толстым и Шолоховым? Выходит, кому какое дело до самого человека!

Бряд ли все, кто придерживается подобных взглядов, сознательно исповедуют философию техницизма. Скорее, здесь стихийный результат некоторых явлений века.

Век, действительно, удивительный. Ведь он принес открытия Эйнштейна, энергию атома, радио и телевидение, кибернетику, наконец, взлет в космос. Кажется, что ключи от тайн мироздания хранятся именно в карманах физиков, химиков, математиков, биологов. Но почему же забывают при этом, что научно-творческое сознание — особое? Оно не оставляет мысль в узкой канве профессионального интереса, а выводит на широкий круг общественных явлений.

Это означает и новый подход к народному образованию, курс на всеобщее среднее образование. Обратите внимание: в профтехучилищах значительно расширяют теоретические дисциплины и все больше открывается таких профессиональных школ, которые наряду со специальностью дают знания по программе десятилетки.

Советским людям стал понятным и желанным идеал гармонического человека. Однажды наладчик крупных штампов на Горьковском автозаводе, Герой Социалистического Труда Александр Иванович Косицын прочел в газете статью «Образование и профессия. Всегда ли союзники?», где намекалось, что вроде бы не всегда, что хватит рабочему и восьми классов. Такого, мол, мнение «деловых людей» — начальников цехов, мастеров. Прочел и разозлился: «Сказал бы я им, что они просто напросто бескрылые деятели! В просвещении и образовании рабочего класса — сила нашего государства».

...Есть в воспоминаниях о Ленине такой эпизод. Вскоре после революции задумали путиловские рабочие организовать при заводской школе детскую художественную студию. А где раздобыть рояль, струнные инструменты? В отделе народного образования сказали: «Идею вашу мы одобряем, товарищи путиловцы, но сами понимаете: время сейчас тяжелое, нет ни топлива, ни хлеба, а вы со своей студией...»

Придется годик подождать!»

Решили путиловцы идти в Смольный, к Ленину. Добились приема, рассказали о своей затее.

«— Вы слышите, что путиловцы хотят? — обратился товарищ Ленин ко всем, кто был в его кабинете. — Они хотят создавать свою трудовую интеллигенцию, а им гово-

рят: «Подождите годик!» Никаких промедлений, студию надо организовать!

Снял он сейчас же трубку с телефонного аппарата и, связавшись с Отделом народного образования, сказал: — К вам придут путиловцы — дайте им все, что нужно».

В 1918 году ВЦИК принял «Положение о единой трудовой школе РСФСР». В обращении Государственной Комиссии по просвещению говорилось: «Вообще под эстетическим образованием надо разуметь не преподавание какого-то упрощенного детского искусства, а систематическое развитие органов чувств и творческих способностей, что расширяет возможность наслаждаться красотой и создавать ее. Трудовое и научное образование, лишенное этого элемента, было бы обездушенным, ибо радость жизни в любования и творчестве есть конечная цель и труда и науки».

...Сегодня в доме потомственного рабочего звучит музыка Глинки и Чайковского, Бетховена и Грига. В семье крестьянина значительная часть бюджета откладывается на газеты и журналы. Академик, художник, инженер, драматург пишут в графе о социальном происхождении: «из рабочих» или «из крестьян». На страницах газет и журналов, в аудиториях библиотек, клубов люди «обыкновенных» профессий ведут творческое обсуждение произведений прозы и поэзии. Интеллигентность из качества когда-то давно чуть ли не отрицательного, противоречащего классовому самосознанию пролетария, превратилась ныне в важнейшее достоинство человека труда.

Вдохновенный труд, патристическая энергия, обширные знания — вот черты героя нашего коммунистического времени.

кодекс здоровья

Верховный Совет СССР утвердил Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении, которые войдут в силу 1 июля 1970 года. В основе нового закона — сформулированные Владимиром Ильичем Лениным принципы общедоступной, бесплатной и квалифицированной медицинской помощи. Вместе с тем в нем отражены значительные достижения нашей страны в области здравоохранения. Именно наше государство первое в мировой истории приняло на себя ответственность за здоровье своих граждан, обеспечивая им бесплатное лечение. Только в 1970 году расходы на здравоохранение и физическую культуру у нас составят 9,2 миллиарда рублей — на 700 миллионов больше, чем в прошлом году. Подлинный гуманизм, забота о каждом члене общества — вот что прокизывает строки нового закона. Закон касается всех и каждого, и в обсуждении его принимали участие не только медицинские работники, но и представители всех слоев населения.

Наш корреспондент встретился с главным педиатром РСФСР доктором медицинских наук, Маргаритой Владимировной ЖИЛИНСКОЙ и попросил ее ответить на несколько вопросов.

КОРРЕСПОНДЕНТ: Нас, понятно, интересует та часть законодательства, которая относится к детям.

М. В. ЖИЛИНСКАЯ: Здоровью детей и подростков в Основях законодательства уделяется большое внимание. Не говоря о разделе, посвященном охране материнства и младенчества, практически почти каждая статья так или иначе касается здоровья подрастающего поколения, идет ли речь о гигиенических и противоэпидемических мероприятиях, о расширении сети детских учреждений, о санитарных требованиях к жилищам или о спортивных сооружениях, о развитии туризма... Когда наши архитекторы планируют новые районы, озеленение городов, когда строители возводят новые стадионы и бассейны, когда мы добиваемся, чтобы чище был воздух в городах, не загрязнялась вода, — все это в первую очередь необходимо именно нашим детям. В нашей же собственной медицинской работе по-прежнему главное — профилактика. Важно предупредить заболевание. Именно этот принцип отражен в законодательстве. В настоящее время сто тысяч детских врачей и акушеров-гинекологов заботятся о здоровье матери и ребенка. Специализированные лечебно-профилактические центры для длительного поэтапного наблюдения за больными детьми — вот в чем видим мы главное направление.

Нашим научно-исследовательским институтам предстоит расширить научные изыскания по вопросам физиологии ребенка, чтобы выдать практические рекомендации по воспитанию здоровых детей.

КОРРЕСПОНДЕНТ: В Основях законодательства говорится, в частности, о создании здоровых условий труда. Для наших ребят место, где они трудятся, — школа. Что вы думаете о роли школы в охране здоровья подрастающего поколения?

М. В. ЖИЛИНСКАЯ: Школа объединяет более 45 миллионов детей и подростков от 7 до 17 лет, то есть в таком возрасте, когда закладывается фундамент физических и моральных качеств человека. Конечно же, важно, чтобы их серьезный учебный труд был организован правильно. Огромна здесь роль учителей и школьных врачей, но задачу следует понимать шире. Есть над чем подумать составителям программ и учебников, конструкторам школьной мебели, работникам общественного питания. В Основях законодательства об этом сказано коротко: «Детям, находя-

щимся на воспитании в детских учреждениях и обучающимся в школах, обеспечиваются необходимые условия для сохранения и улучшения здоровья, гигиенического воспитания. Контроль за охраной здоровья и проведением оздоровительных мероприятий в детских учреждениях и школах осуществляют органы и учреждения здравоохранения совместно с органами и учреждениями народного образования...» — но все причастные и детям люди видят за этим громадный объем работы, уже сделанной и той, что предстоит сделать.

Наша система медицинского обслуживания детей зарекомендовала себя с хорошей стороны. В детских поликлиниках и дошкольных учреждениях организовано диспансерное наблюдение за детьми дошкольного возраста, основная цель которого — выявление детей с различными отклонениями и лечение их до поступления в школу. В дальнейшем особенно важен контакт медицинского и педагогического персонала. Только их совместными усилиями можно создать оптимальные санитарно-гигиенические условия в школе и поставить как следует физическое воспитание учащихся.

КОРРЕСПОНДЕНТ: В последние годы общеобразовательная школа претерпевает существенные изменения: в начальных классах дети учатся по новой программе, осуществляется переход ко всеобщему среднему образованию, становится все больше школ с преподаванием ряда предметов на иностранных языках, групп и школ с продленным днем. Поэтому особенно актуально положение Основ законодательства, предусматривающее, что «учебно-трудовая нагрузка и режим занятий детей определяются по согласованию с Министерством здравоохранения СССР». Что вы думаете об этом?

М. В. ЖИЛИНСКАЯ: В настоящее время наши научно-исследовательские институты изучают состояние здоровья школьников, обучающихся в различных типах школ, то, как дети привыкают к новым программам, как влияют на них различные виды профессионального обучения, каков наиболее рациональный режим. Разумеется, эти исследования заслуживают большого внимания, а результаты их необходимо быстрее и шире вводить в практику образования и здравоохранения.

КОРРЕСПОНДЕНТ: Не могли бы вы остановиться и на вопросе гигиенического воспитания в школах?

М. В. ЖИЛИНСКАЯ: В свое время об этом говорил первый народный комиссар здравоохранения Н. А. Семашко: «...без санитарной культуры не может быть культуры вообще...» Мы рассматриваем здесь на участие школьных учителей, воспитателей дошкольников. Считаем необходимым улучшить подготовку учителей по школьной гигиене, расширить различные формы гигиенического воспитания, больше привлекать к этой работе врачей детских поликлиник и домов санитарного просвещения. Надо добиваться того, чтобы родители получили необходимые знания об охране и укреплении здоровья ребенка.

КОРРЕСПОНДЕНТ: Не могли бы вы отметить хотя бы некоторые вопросы, которые были поставлены во время обсуждения Основ законодательства.

М. В. ЖИЛИНСКАЯ: В частности, предлагали открывать новые лечебно-профилактические учреждения для детей, например ночные профилактории по типу взрослых, где дети с заболеваниями почек, печени, сердечно-сосудистыми заболеваниями могли бы получать квалифицированную помощь. Отмечалось, что больше внимания надо уделять горячим завтракам в школах, надо создать интернаты для детей, требующих длительного специального лечения. Считают, что необходимо окончательно решить, кто должен проводить медицинское обслуживание школьников 15—17 лет — терапевты или педиатры.

КОРРЕСПОНДЕНТ: Известно, что по количеству врачей на 10 тысяч населения мы обогнали такие высокоразвитые страны, как США, Англия, Япония. И все же, видимо, врач нуждается в поддержке общественности.

М. В. ЖИЛИНСКАЯ: Безусловно. Очень важно, что обязанности по охране здоровья закрепляются отныне за всеми государственными и общественными организациями. Конечно, они и раньше помогали нам, но теперь это записано в законе. Важно, что Основы законодательства призывают бережно относиться не только к своему здоровью, но и к здоровью всех членов общества. Со страниц родительского журнала мне и хочется обратиться к отцам и матерям: давайте вместе охранять здоровье наших детей!

Лет тридцать тому назад Горьковский ТЮЗ объявил необычную премьеру — спектакль силами детей. Его поставил новый режиссер Николай Николаевич Хрулев.

Спектакль удался. Но самое интересное было после спектакля. Режиссер представлял залу участников. Группами выводил их на сцену. Многих, если не всех, называл по именам, рассказывал, какие они прочли книги и что узнали, прежде чем сочинить свои роли и соорудить костюмы. И какая это была увлекательная работа, потому что дети вообще талантливы.

Вот сколько лет помнится этот спектакль, и не как произведение искусства сценического, а как явление искусства педагогического. Поэтому я в свое время не очень удивилась, узнав, что Хрулев бросил театр и перешел в школу. А еще раньше, про совсем юного преподавателя литературы, оказывается, говорили, что он бросил школу и пошел в театральный вуз.

А он вовсе ничего не бросал, никаких превратностей судьбы в этом не было, никаких разочарований и поисков себя. Он рано и твердо стал учителем и никем иным себя не мыслил.

Не так давно засиделись мы с ним допоздна, и он в разговоре оживил одно юношеское воспоминание. Студенты любовались игрой молодого солнца. «Ах, если бы я умел рисовать, я бы запечатлел эти буйные и нежные краски!» — сказал один. Другой подхватил: «А мне хочется сейчас музыки, торжественной, сильной... Но вот тоже жаль — не могу извлечь ни одной ноты». Николай Николаевич к тому это вспомнил, чтобы пояснить: творчество — да, невозможно без чувства и мысли, но и без умения невозможно тоже.

Чувству и мысли педагога нужен был дополнительный профессиональный инструмент. Он любил театр, и театр был необходим в его учительстве. Такое счастливое совпадение образовало его педагогическую индивидуальность. Случись, что его страстью стала бы живопись или музыка, — все равно, это предназначалось бы детям. Не только он дает им, но и они ему: в детской среде приходит к нему раскованность, которая так необходима вдохновению.

Не в актерстве Хрулев упражняет учеников — в человечности. Опыт переживаний, действенную, а не умозрительную оценку поступков и побуждений — вот что в числе прочего прекрасного несет подросткам их серьезная и веселая игра. Учитель, таким образом, использует театр по исконному, прямому назначению.

Н. Н. Хрулев — заслуженный учитель, награжден орденом Ленина, о нем много писали. Теперь вот, выйдя на пенсию, он сам написал. Книгу Н. Н. Хрулева выпускает издательство «Искусство». С удовольствием читала я толстую рукопись и попросила Николая Николаевича сделать выборки из нее для нашего журнала, потому что значение его книги, конечно, шире, чем раскрытие опыта школьного театра: эта поэма — педагогическая.

Да, театр — многолетнее увлечение всей 8-й горьковской школы, и у Хрулева достаточно помощников, он с благодарностью рассказывает о них. Однако с каждым (из ста!) он должен поговорить сам, каждому дать подходящую роль, а если такой нет, то создать вместе с ним... Такого не успеть в свободное от уроков время. Этим надо жить. Хрулев и живет. Его личные интересы слились со школой и с театром.

Но погодите привычно думать об учительской жертвенности. Я покажу вам одно место из его книги:

«Пришла в школу бабушка узнать про внука. Оглушенная взрывной волной перемены, она прижалась к стенке и тут увидела меня:

— Батюшки мои, как же вы тут живете?!

— Живем, матушка моя, да еще как живем!»

Л. ИВАНОВА

Н. ХРУЛЕВ

РОЛЬ

1. талантливы все!

ГЛАВНАЯ

Я стою на палубе. Какой воздух, какое небо, какая гладь воды! Хорошо!

Первое время как-то даже не хочется ни с кем знакомиться: и одному не скучно в этой водно-воздушной голубизне. И только уж вволю надышавшись ею, начинаешь приглядываться к пассажирам. Они тоже начинают с тобой разговаривать. Обычно спрашивают: куда едете, где работаете? Соболезнуют, что приходится возиться с детьми: они ведь треплют нервы! Соболезнование сменяется интересом, когда говорю, что я не только учитель, но и режиссер.

Слово «театр» — волшебное слово. Все связанное с театром кажется людям таким заманчивым и необыкновенным. И в глазах пассажиров я сейчас несколько приподнят. Но тут выясняется, что я ставлю спектакли для детей в обычной школе и мои актеры тоже дети, и я слышу разочарованное: «Это же далеко от настоящего искусства!».

Далеко от настоящего искусства? А я и здесь, на пароходе, не могу отрешиться от воспоминаний о последней нашей премьере, к этим воспоминаниям присоединяется даже вдохновение, и я чувствую на лице своем улыбку: такое удовольствие вызывать сюда, в голубой простор, образы детей и образы пьес.

...Раз в году, в марте, я ставлю обычно спектакль. Подготовка его идет с сентября, нет, даже с августа, с июля, впрочем, для меня она идет всегда.

...Помню, как-то в конце лета я захворал и лежал в больнице. Плохо двигались руки и ноги. Полиартрит. Длинные, тягучие ночи. Как бы забыться? Беру книгу. Пальцы не слушаются. Умудряешься перебирать листы локтем и даже подбородком. С грустью смеешься над собой. Больничная библиотека бедна. И вдруг — тоненькая книжечка Могилевской о крепостной Насте-кружевнице и основателе русского театра Федоре Волкове. Эти 30—40 страниц стали основой спектакля «Первый русский». Большую часть бессонной ночи я теперь думал над инсценировкой. Это поднимало меня, и я поправлялся.

...Идем с ребятами в домик Каширина. Вот комната бабушки с ее огромной кроватью, пухлыми подушками, с божницей, парадная комната, где висят дедовы мундир и шляпа, знаменитая кухня. Тут на полу, обливаясь кровью, умирал Цыганок; тут и скамья, на которой дед порол ребят, в углу ушат с замоченными розгами. Ребята слушают экскурсовода, а Валерка тянет меня и шепчет:

— Вот бы нам такой спектакль поставить. Мы бы такой в точности домик смастерили, все бы срисовали. И вещи-то не больно какие! Отыскали бы!

А ведь правда! Как это я раньше не додумался. Сцены из детства Горького! «Валерка, — нагнулся я к нему, — тебе приз надо дать за такую идею...»

И родился впоследствии такой спектакль.

...Прихожу в Дом народного творчества, спрашиваю, нет ли чего для нас. «Есть», — отвечают, — пьеса интересная, но на 15 ролей, у вас большой драмкружок?» Отвечаю, что нам 15 мало. «Тогда, — говорят, — вам подойдет вот эта: 14 мужских ролей и 8 женских».

— И это — мало!

— Сколько же вам надо?

— Сто!

Дело в том, что я вовлекаю в постановку всех, кто ни пожелает. Я не имею права сказать: «Тебя я возьму — у тебя талант, а ты иди себе, нет у тебя способностей». Во-первых, так не бывает, а во-вторых, и, главным образом, искусство есть радость. Искусство помогает мыслить и чувствовать. Искусство объединяет и учит жить в коллективе и для коллектива. Наконец, искусство — источник красивого. Как же я могу решиться отогнать человека и лишить его радости мысли

и чувства красоты?! Нет, никому отказать я не смею и не могу. Я только должен найти такое дело, в котором человек мой почувствует себя свободным и естественным.

Да как не взять было хотя бы нашего Сашу, доставившего в свое время много хлопот учителям, который ходит за мной, клянит: примите... А может, участвуя в работе над спектаклем, он почувствует значение организации, коллектива. Это самое большое, что бы сделало искусство для него, непоседы и лодыря.

Итак, каждый раз нас собирается не меньше ста. Это заставляет искать не пьесу, а книгу, которую можно было бы инсценировать, приспособляя к нашей многообещающей «труппе». Я ищу такой материал, при помощи которого могла бы развернуться детская душа — любая, желающая творить. Поэтому в наших спектаклях всегда есть массовые сцены. Но из кого состоит масса? Мне нужен и стар и млад. Мне все нужно! И те, и другие, и третьи. Вот сцена: женщина спешит на поезд, ведет за руку сынишку. Она — из десятого класса, он — из второго. На ярмарке клоуны, балаганщики, торговцы, покупатели, дети с пряниками, со свистульками...

Никакой у нас не драмкружок, играем всей школой!

...Надо приниматься за инсценировку. Передо мной книги — основная и дополнительные. Основная та, что проложит сюжет, определит сцены, наметит их последовательность, укажет единое действие. Дополнительные же помогут ярче обрисовать характеры, выбрать сцены-эпизоды, способствующие раскрытию основного сюжета, а также запастись репликами, выражениями, обогащающими язык действующих лиц. Эту кропотливую работу я делаю, разумеется, не один, наш авторский коллектив довольно велик — в нем старшеклассники и многие мои коллеги-учителя.

...Но вот уж где подлинное творчество детей, так это при работе над массовыми сценами. Участвовало у нас в этих сценах 70, 80 и больше человек.

Многие театры, включая и столичные, позабывали бы размерам нашей «труппы». Причем эта «труппа» с большими претензиями. Наши исполнители не будут изображать, как иногда в театрах, однородную массу, которая гудит или повторяет одну и ту же фразу в различных вариациях, от чего получается шум, издали несколько похожий на волнение толпы. Наши исполнители даже обидятся, если станешь учить их такому гудению. Они, безусловно, спросят — кого они играют, где, что именно надо говорить, то есть без мудрых слов спросят о типаже, образе, едином действии, ритме. И мы раскрываем перед ними и образ, и ритм, и внутреннее действие. У них должны быть обязательно свои слова и ряд мизансцен, а может, и целая сцена. Эпизод-эпюд должен быть ярким, заметным, как говорят, на виду, а не где-то там в гуще, на третьем плане. Наш «актер» требовательный и пройти мимо себя не позволит. Поэтому у нас каждая роль — главная!

...В спектакле о Володе Ульянове решено представить симбирский бульвар на откосе. Берем книгу Нечволодовой и Резниченко «Юность Ленина», читаем про Новый венец и Старый венец. Новый венец — для «чистой публики». Здесь играет духовая музыка (у нас музыка за сценой). Скамейки. Прекрасный вид на Волгу. Стараемся представить гуляющую публику: девиц на выданье, молодых чиновников, купцов с женами и людей «попроще» — мастеровых, лотошников... На нашем бульваре появляются и местный поэт, и учителя гимназии, и гимназисты, и газетчик, и нищий, и шарманщик, и паренё с гитарой... Сидят, проходят, встречаются, собираются кучками... Ведут арестантов. Публика затихла. В толпе мальчуганы. У них в руках птичка, которую они купили. Арестованные в кандалах и птица в клетке... Мальчишкам почему-то делается жал-

ко птичку. Но они колеблются: жалко и денег, заплаченных за птичку. И все-таки они ее выпускают...

В одной нашей инсценировке герой уезжает из дома. Мы задумали показать сцену на перроне. Наши планы — выстроить два вагона (неполных) со стыком, две лестнички — вход в вагоны; перед вагонами площадка для провожающих. Отъезжающие и провожающие. Не стоять же будет эта толпа?

Жизнь перронная всем знакома. Проводы и встречи... Слезы и улыбки. Люди службы и пассажиры... Крики, смех, разговоры, восклицания, напутствия... Что, как не перрон, даст нам богатство эпизодов, чувств и красок. В книге их нет. В книге только сказано, что герой уезжает. Книга для чтения, но не для спектакля, а нам так нужно точно представить, что там было на перроне, и массу сделать двигающейся, живой. Перрон даст нам возможность занять всех желающих участвовать в этом спектакле.

Вот и раздумываем: а что если мы побываем на настоящем перроне, понаблюдаем за людьми и выхваченные отсюда эпизоды перенесем на сцену? Сделаем зарисовки для декораций, почувствуем ритм и темп вокзальной жизни.

И вот мы, «художники» и «литераторы», присутствуем при отходе поезда. Смешно было наблюдать нам самим друг за другом, за тем, как кто-то зарисовывает или записывает в блокнот. С каким недоумением, вероятно, рассматривали нас посторонние, изредка решаясь спросить: откуда мы и что делаем? «Из театра, — с гордостью заявляли ребята, — для постановки!»

Мимо пробежал, и не один раз, какой-то молодой человек с букетом. «Муся, — кричал он, — Муся, ты здесь?» Наш «корреспондент» неотступно шел за ним. В его блокноте значилось: молодой человек... букет... Муся... от вагона к вагону.

Плачет чья-то девчушка. В руках у нее пакет с вишнями... Стояла, смотрела по сторонам. Мать никуда не велела отходить. Какой-то озорник поддал пакет, вишни рассыпались... Наши быстро собрали девочке вишни. «Не реви, вот твои вишни». А сами, конечно, смеялись и сразу все записали.

Я ходил по перрону и незаметно наблюдал за своими. Да, разные бывают ребята! Одни как-то удачно могут заметить и выбрать, другие растерянно ищут, пока им не укажут. Часто эпизод воспринимается по-разному. Девчушку с вишнями мне жалко, а мои смеются. Мать возвратилась с билетами. Мальчугана на вещах нет. Мать в панике: «Вова, Вовуля!» Записаны реплики. «Вон он где, ваш Вовуля! Под вагоном сидит». С криком мать извлекла своего Вовулю, тут же нашла лапала. Нашим опять смешно. Карандаши от хохота не повинуются.

А тут плач. Женщина плачет. Сына взрослого провожает. Прерывистый шепот: «Не плачь. Ведь приеду же. А то так тебя к себе перевезу». Мои притихли. И только когда мать с сыном вошли в вагон, записали.

Я намекаю ребятам, чтобы они не проходили мимо образных выражений. Колоритный, яркий язык нам дороже всего. Вот в наших записях женщина из деревни и, видимо, дочь ее лет четырнадцати уязвывают мешки: «И туды и сюды глядела, нетути тебя». — «Я, мам, плутала, плутала... Хлеба-то купила, а пошла не в ейную сторону».

Какая чудесная предстоит работа по обработке добытых материалов! Конечно, не все они войдут в текст инсценировки. Надо выбрать, оформить, соединить...

14—15—17 прожитых лет уже накопили в душе подростка изрядную сумму впечатлений. Что-то человек видел сам, о чем-то узнал из книг, из рассказов старших. Театр мобилизует эти впечатления.

В нашей инсценировке о Федоре Волкове («Первый русский») вторая картина — ярмарка. О таких торго-

вых площадях ребята и читали, и слышали от пожилых, да и сами видели базары. Один из ребят по пьесе торговец, а вот и его творчество — зазывы. (Звук — крикливый, рифма — дешевая, но так и должно быть!)

*«Деревянные ложки,
Глиняные плошки,
Всех фасонов чашки.
Мишки, Ваньки, Сашки,
Покупай не брезгуй!
Крепки эти штуки —
Бей хоть в обе руки!»*

Или прибаутка уличного сапожника:

*«Подшиваю сапоги
Всем на радость. Подходи!
Пяток голых не увидишь,
Пальцы резать погожу,
Всем заплату посажу.
Будет крепко. Удружу».*

Слышали, читали, вспоминали, дополняли своим... Инсценировка обогащается в процессе работы. Я вернусь к перрону. Пусть десятиклассница Рита (мать) уходит за билетом, давая напутствие второкласснику Юре (сыну). Слова-указания вырываются, как говорят, сами собой. Мать возвращается — сына нет: испуг, плач, крики. Сын извлекается из-под вагона — укор, шлепки, слова слова. Текст рождается во время действия. Все удачное можно записать и внести в инсценировку. А если Рита и Юра повторят этот этюд несколько раз, то основное в тексте укрепляется. Рита с Юрой сами «написали» свои роли.

Инсценировка не кончается до репетиции. На репетиции может быть сокращен монолог, перефразировано выражение, сделана необходимая вставка. Я ни на минуту не забываю, что имею дело с детьми (дети — и актеры и публика, дети — и авторы) — все помогают инсценировать, и поэтому, зорко следя за содержанием и речью, я упорно поощряю их творчество, в чем бы оно ни выразилось.

...Вся школа знает о начале записи на участие в спектакле. Школа как бы преобразовывается в театр со своими цехами. Не все же хотят быть актерами. Некоторые интересуются электротехника, других — шитье костюмов, третьих — столярные работы над декорациями, четвертых — окраска, художественное оформление. Тут соглашаются принять участие и радиокружок, и физический, и домоводства...

Я спускаюсь с лестницы, меня обступают:

— Что будем ставить? Когда?

— Нам можно участвовать?

— А как же! Пишите имя, фамилию, класс и кладите записку мне в карман, — смеюсь я.

Карманы мои все пухнут и пухнут...

Чьи-то глаза остановились на мне. Девочка как бы спрашивает: «Я бы, может, и хотела, но боюсь, у меня не выйдет». «А этого не может быть, — вслух отвечаю я. — У каждого человека есть своя «изюминка». (Смеется, поняла!) И у вас есть...» Мне эта девочка понравилась осторожностью и вдумчивостью.

— А я хотел бы участвовать, — говорит выпускник, но ведь у нас и сочинения и... математика...

— А в театр вы тоже не собираетесь нынешний год ходить? И в кино тоже?

— Нет, что вы!

— Ну и на это хватит времени, лишь бы было стремление. А когда сочинение, мы не будем назначать ваши репетиции. Вообще, мы репетируем в дни и часы по общей договоренности. Я буду иметь вас в виду, а вы подумайте.

...Мне нужен маленький, шустрый мальчуган. Иду в первый класс.

— Я, я... Дядя, возьмите меня!

— Да ведь нужно петь.

— А-а-а, — запели сразу в разных концах класса.

— Они на все согласны, — улыбается их учительница.

...Подходят в обнимку три девицы:

— Запишите. Только условие: не на второстепенные роли.

Зная из практики, чем можно остудить у девочек пыл премьерства, говорю (говорю правду, такое требуется в постановке): «Есть хорошие роли старух!» — «Разве мы так на старух похожи?» — хихикают девятиклассницы. «Ну так, — говорю, — хотите кухарку, боевую, смешную, в грязном платье с подбитым фартуком?»

Я злоупотреблял. Я знал, что девицы представляют себя на сцене во всем блеске красоты. Я как-то получил письмо от одной руководительницы драмкружка, в котором она в числе вопросов задавала мне и такой — как отучить девушек упиваться «выигрышными» ролями? Я стою сейчас перед этими тремя и как будто отвечаю на то письмо:

— Очень жаль, девочки, что вы не искусство любите, а себя, хотите покрасоваться каким-нибудь необыкновенным нарядом, прической, чтобы все обратили внимание на вашу внешность. Знайте, любую роль в любом платье можно сыграть так, что зритель заметит, отзовется. Вы подумайте. И если серьезно решите, то приходите. А кого вы будете играть — пожилую ли, молодую, в грязном или радужном платье, — не знаю.

Их записок я в кармане не нашел.

Мальчишки не боятся ни рваной одежды, ни положения действующего лица, но у них есть свои желания, например наклеить усики или баки. Как пожилым хочется вернуть золотую пору детства, так подросткам — стать скорее взрослыми.

Семиклассник:

— Опять играть мальчишку! С прошлого года я уже вырос.

— Ну, не мальчишку, а почти юношу. Ученик на заводе тебе в самый раз.

— А парик будет?

— А зачем? Твои волосы вполне подходящи.

— Подходящи?! На заводе вон какие парни есть, и усы растут и...

— И бачки, хочешь сказать? Как хочется тебе усы-то скорее. Подожди, пройдет время, и мальчишкой не будешь. Хватишься, да поздно будет!

Подбегаящие и подающие записки сразу с двух-трех слов выдают себя. Передо мной и тихие, застенчивые, и боевые, развязные, с лукавыми глазами, и задумчивые, сосредоточенные, и улыбатые — всякие. Смотрю на лица, разговариваю и пытаюсь поймать, определить в каждом его «когонек», или, как я уже выразился, «изюминку». Чтобы ярче все выразилось, иногда разговариваю подолгу.

Как-то, выходя из учительской, я столкнулся с мальчуганом: небольшой, широкоплечий, он вскинул на меня почти черные глаза. Инстинктивно я что-то почувствовал в нем.

— Ты в каком классе? Как тебя зовут?

Он прошел в учительскую, вероятно, обдумывая, почему я его спросил.

А я искал паренька на роль десятилетнего Миши Лермонтова. Взгляд ли мальчика, серьезный, глубокий, или ладная его фигурка, но было что-то такое, что привлекало к нему внимание. Классная руководительница после пояснила мне: «Хороший мальчик, круглый сирота: отец погиб на фронте, а мать недавно умерла. Живет у тетки, учится хорошо. Возьмите его, постарайтесь подбодрить, несколько успокоить и скрасить его

мрачные дни. Он чуткий мальчик и чувствует все красное», — добавила она.

Тетка не выявила особенного удовольствия, но и не противилась, когда ее спросили, как она смотрит на участие Володи в спектакле. Какое-то равнодушие было в ее глазах. Зато Вова сиял, когда мы с ним уговаривались.

Да, по-разному встречали наши затеи родители. Были и такие, которые разрешали сыну заниматься у нас, но при каждой двойке запрещали ходить на репетиции, и мы ждали его недели по две, недоумевая — наш ли час в неделю явился причиной этой двойки. Но значительное большинство родителей присылали благожелательные записки: «Не возражаю против участия сына в спектакле». Или «Очень рада такому увлечению», «Будем благодарны за работу с сыном», «Ради бога, займите его чем-нибудь» и т. д.

...Понадобились три-четыре мальчугана класса шестого. Нашлись вербовщики, тут же привели пяток. Среди них был заика.

— Мы не брали, а он хочет!

— Ничего, и он нужен будет!

— Вот видишь, а ты в слезы...

...Теперь имена на записках должны оживиться, то есть за ними должна появиться, раскрыться личность. Теперь мне предстояло понять, о чем думает эта черная голова или белокурая с маленькой косичкой, чем живет, чем дышит этот человечек.

Я давал им несколько маленьких упражнений. Прося прочитав стихотворение, я постоянно наталкивался на «Парус». Стихотворение задавали на уроке, оно было маленькое и особых затруднений не представляло. «Бежит парус одинокий...» В чтении я не чувствовал ни одинокого паруса, ни шторма. Да простит мне Лермонтов, меня ввергал в уныние его прелестный «Парус». Значит надо «раскусить» другим способом.

— Скажи фразу «Принеси воды» в различных случаях жизни — ты просишь, ты требуешь, тебе плохо, плохо твоему товарищу.

— Мама тебя лишила кино. Сядь с горечью.

— Мама простила тебя — встань обрадованный.

— Испугался ужа. Ползет около твоих ног...

...Осталось распределить роли, и самое трудное — чтобы роль увлекла человека, чтобы он понял, полюбил ее. Тут может быть недоумение, недовольство, возмущение. Все надо привести, как говорят, к общему благополучию. Успокоить всех, настроить на работу и внушить, что его роль — одна из видных и нужных и что исполнить ее может только он.

Тут не обойдется без некоторой ласковой хитрости.

Ставя пьесу о Федоре Волкове, мы показываем сцену тех времен. Женские роли тогда играли актеры-мужчины. В труппе Волкова их исполнял всегда друг его, впоследствии ставший крупным актером. По ходу действия в тексте есть его недовольство тем, что Волков все ему да ему поручает женские роли. Вот в этом роде сказал и мой «актер», когда я ему объявил о своем намерении. Юноша ужаснулся, представив себя в женском платье!

— Что это! Ну уж... Почему я? Так засмеют...

— Умный никогда не засмеется. А почему тебе? Потому — что весь твой облик не резкий, не грубый. Не Диму же брать на эту роль. Он громоздкий, у него резкие, крупные черты лица.

— Что же я на девочку что ли похож?

— Что значит похож? Кто об этом сказал? Но тебя легче загримировать. У тебя нежный цвет кожи, мягкие черты, курчавые волосы, ты меньше ростом, стройнее... — Я описывал его, боясь как бы не сказать чего лишнего. Я искал сейчас, за что бы можно зацепиться, чем поднять в его глазах эту роль. Что бы еще найти? — Ты понимаешь, в этой роли есть интересное

место. На репетиции волковский актер не захотел играть эту роль и во время спора с Волковым снял парик. Когда ты будешь исполнять эту сцену и сдернешь в недовольстве женский парик, весь зал ахнет, эффект будет поразительный!

Я не ошибся. Геннадий захохотал и согласился.

Ставили «Крестьянскую свадьбу». Это сцены из северного фольклора. Ванек ходил за мной буквально по пятам:

— Хочу играть жениха. Дайте мне играть жениха!

А я давно остановился на Севе. Его рост, его фигура, его открытое выразительное лицо — все подходило для этой роли. Щупленький Ванек сюда решительно не годился, но его просьба, переходящая даже в какую-то мольбу, начинала меня определенно беспокоить.

Наконец я не вытерпел и несколько резко ответил ему:

— Ладно! Будешь играть жениха.

Если бы вы видели, как он повеселел! Он ходил торжествующий, старался почаще попадаться мне на глаза и улыбался. А я думал: «Что мне делать, как поступить, не огорчая Ваньку?»

Иду по коридору, изобразив на лице некоторую озабоченность. Он ее замечает:

— Н. Н., вы кого-то ищете?

— Да так... тут... для одной роли...

На другой день, видя, что я опять хожу и приглядываюсь ко всем, он спрашивает:

— А для какой роли вы ищете?

— Да ты же жениха играешь, тебе-то что беспокоиться?

— Нет, все-таки. Может, я помогу...

— Видишь, Ваня, есть тут одна, особенно трудная роль. Ее не всякий сыграет.

— Какая?

— Она значительно труднее твоей. На сцене — большая изба, масса народу. Жених-то только сидит за столом, а один мальчишка, маленький, удаленький, — я говорю с соответствующей заманчивой интонацией, — а мальчишка пробрался ползком в избу, да на полати, — тут я хитро улыбаюсь, — да с полатей-то и смотрит на всю свадьбу. И публика перед глазами и сцена. Да, тут надо ловкого...

Потом уж он теребил меня:

— Н. Н., дайте мне эту трудную роль. Я сумею... и в избу проберусь и на полати залезу.

— Да ведь ты получил роль жениха?!

— Ну, что жених. Сидит за столом...

— Нет, Ваня, как-то неудобно. То жениха, то этого мальчишку играть. Какой-то ты непостоянный. Потом захочется тебе новую, третью роль.

— Да, нет же, нет! Эту уже насовсем!

— Ну, хорошо! В последний раз. Так и быть, дам тебе эту роль. И больше у меня чтобы не менять!

А на спектакле, сидя в публике, я видел, как Ванек пробрался в избу, ловкими ухватками забрался на полати и лукаво, задорно смотрел оттуда. Не вытерпел, как я ни запрещал, — взглянул в публику, увидел меня и снова переключил взгляд на свадьбу. Я заметил — он был доволен. Чего же еще?! А я-то как!

(Продолжение следует)

М. БАЛАНИНА-КОРОЛЕВА

О МОЕМ

СЫННЕ

Рассказ матери
академика Сергея Павловича Королева

Думая о Сереже, я стараюсь осмыслить: как он вырос? Какие впечатления детских лет повлияли на его будущее?

Родился он в Житомире 30 декабря 1906 года. Это по старому стилю. Малыш с большими глазами и вихорком на головке. По народной примете это вихор счастья. Вскоре я поступила на Высшие женские курсы, и Сережа с трех лет жил у моих родителей в Нежине.

Вспоминаю свои приезды. Сын увлекался всевозможными постройками из песка, палочек, кубиков и прежде всего тащил меня к ним — посмотреть. Память у него была изумительная — сказки быстро схватывал и запоминал. Особенно ему нравилась сказка про ковер-самолет. Может, это случайно? Но вот в пять лет он видел взлет первого авиатора Уточкина...

Я считала, что мужчина должен быть твердым, смелым, мужественным. Вот в глубине сада Сережа оставил игрушку. Уже вечер, в саду темно, но все-таки говорю:

— Иди, принеси!

А сама спрячусь за кустами и с трепетом прислушиваюсь, не случится ли чего, не испугается ли Сережа.

Мужество — качество не только волевое, но и моральное. И я всегда требовала от сынишки: «Смотри в глаза и говори правду!»

Вот и все мои «воспитательные принципы». Но, видимо, не в них только дело. Теперь я понимаю, что роди-

тели больше воспитывают своим характером. А у нас в семье все деятельные. Я и сейчас, хоть мне 82 года, не могу сидеть без дела. Вот и думаю: может, в этом тоже один из истоков беспокойного Сережиного характера?

Дед и бабушка показывали Сереже буквы, учили складывать из кубиков слова. Однажды мы обнаружили, что Сергей уже «грамотен». У меня и сейчас хранится открытка-«автограф» Сережи. Крупные неровные печатные буквы, а цифра 2 смотрит в обратную сторону.

В 1916 году я вторично вышла замуж — за инженера Григория Михайловича Баланина, а на следующий год мы переехали в Одессу. Квартира у нас была на Платоновском молу, недалеко от базы гидросамолетов. Однажды за обедом сын попросил меня:

— Дай мне две простыни.

— Зачем тебе?

— А я прикреплю их к рукам и ногам вместо крыльев, взберусь на эту трубу (из нашего окна виднелась огромная труба строящейся электростанции) и полечу. Как птица!

— Да ты разобьешься! — сказал отчим. — У птиц крылья жесткие, на них можно опереться в воздухе. А простыни для этого не годны...

Плавал он прекрасно и, когда подрос, часто заплывал с товарищем далеко. Подплывает к базе гидросамолетов и глядит. Как-то его окликнул дежурный:

— Что торчишь в воде? Давай помогай.

Сергея дважды не надо просить. Сразу подключился к делу — мотор чистить. Подружился с летчиками, те стали знакомить его с мотором, с машиной.

Это уж потом он мне рассказал, а тогда, представьте, молчал, я ничего не знала.

Он вообще не любил хвалиться. Однажды спас тонущую женщину — вытащил за волосы. Тут набежал народ, а он скрылся в толпе.

Дома он всегда был старательный, усидчивый. Взялся что-либо делать — не бросит, пока не кончит. А если сказал, сам сделаю, не допустит, чтобы кто-нибудь ему помог. С благодарностью вспоминаю мужа — он много сделал для воспитания у Сережи сильной воли.

Однажды Сергей попросил у меня 50 копеек на вступительный взнос в Общество авиации и воздухоплавания Украины и Крыма (ОАВУК). Позже он стал здесь активистом. Очень любил книги, много читал. Его привлекали для пропаганды авиационных знаний в рабочих кружках. Меня это удивило — ведь подросток еще!

— Ну что ты можешь? Что ты знаешь? — говорила я.

— А я учусь и учу, — спокойно ответил Сережа. — Читаю, а потом рассказываю другим. И меня слушают.

В мастерской стройпрофшколы, где сын учился, он был из самых рьяных в труде. Кроме того, активно работал в планерном кружке; помню, стал строить планер собственной конструкции. Трудно это было без знания высшей математики. Вот он и начал самостоятельно ее изучать. И осилил! Очень любил Сережа чертить. Его работы поражали меня тщательностью выполнения.

В общем, Сергей добился своего. Авиационно-технический отдел ОАВУК признал его планер годным для постройки.

Сын мечтал о поступлении в Академию воздушного флота. Я сама поехала «разведать» обстановку. Принял меня начальник академии. Прежде чем ответить на мои вопросы, он сам с удивлением спросил меня:

— А вы кем ему приходиться?

— Я мать.

Начальник недоверчиво пожал плечами: уж больно молодая мама. Потом, просматривая бумаги, развел руками:

— Как же такого ребенка в академию? Ведь ему еще восемнадцать нет. А наши слушатели — народ солидный, с воинскими званиями.

— Конечно, он еще мальчик, — вынуждена была согласиться я. — Но вот справка, что им создан планер оригинальной конструкции.

Начальник прочитал справку, помолчал, потом сказал:

— Хорошо, подумаем, решим.

Решение действительно состоялось — и положительное. Но оно пришло с опозданием. Тем временем в Киевском политехническом институте открылось авиамеханическое отделение, и Сергея приняли туда.

Студенческая жизнь нелегка. И мы не могли оказывать Сереже достаточной материальной помощи. Но он не унывал. Снял угол на частной квартире, стал подрабатывать чем можно — работал грузчиком, строительным рабочим, разносчиком газет.

В Сереже рано уже стали проявляться такие черты характера, как ясность цели, упорство и энергия, жажда знаний. Но, пожалуй, самое характерное — это удивительная целеустремленность. Уже в 15 лет он твердо выбрал себе путь и шел к цели — стать инженером, строить планеры и самолеты и самому на них летать. Его справедливо называли одержимым. Он отдавал любимому делу всего себя, без остатка.

С 1927 года Сергей — студент одного из старейших вузов в стране, Московского высшего технического училища. В то время мы уже жили в Москве, и у сына была отдельная комната, заставленная двумя рядами столов с грудями чертежей. Он учился и одновременно работал. Дорожил каждой минутой. Видимо, это и родило шутивно-грубоватый плакат, вывешенный им на стене комнаты: «Кончил дело, не забудь уйти. Убирайся!»

В эти годы он создает новые планеры. Увлекается идеями Циолковского. В качестве дипломной работы берется за конструирование легкомоторного двухместного самолета. Работой его руководит авиаконструктор А. Туполев.

В 1930 году сын получает диплом инженера-аэромеханика. Вместе с товарищами он был инициатором создания ГИРДа (Группа изучения реактивного движения). Организационное заседание состоялось в конце 1931 года в нашей квартире. Я вначале не знала, о чем идет речь, только слышала за дверью шум, громкие и возбужденные голоса. Я принесла чай, и сын познакомил меня со своими соратниками — Цандером, Победоносцевым, Тихонравовым.

ГИРД был создан на общественных началах при Осоавиахиме. Средства на работу отпусались мизерные. И сами организаторы ГИРДа так шутивно расшифровывали название своей группы: «Группа Инженеров, Работаящих Даром».

Время от времени Сергей обращался ко мне с просьбой:

— Mamочка, мне нужно двадцать (пятнадцать, тридцать) рублей.

Приходилось выкраивать из домашнего бюджета. А однажды сыну приглянулись чайные ложечки.

— Mamочка, дай мне одну.

Я сейчас не помню, для чего она понадобилась — то ли ради серебра для технических целей, то ли ради реализации ее как ценности. Но так или иначе несколько серебряных ложечек пошло на развитие деятельности ГИРДа...

Я не стану рассказывать о дальнейшей жизни сына — она составляет неотделимую часть славной истории завоевания космоса, осуществленного нашей Родиной. Мне хочется в заключение лишь сказать, что наши отношения меньше всего были похожи на обычные отношения матери и сына. Может, причиной было и то, что я совсем молодой вышла замуж и рано родилась сын. Мы с Сергеем всегда были близкими друзьями, понимающими один другого с полуслова.

Так было до конца его жизни, до последнего нашего с ним разговора...

реальность и соблазны техники в обучении

А. МАРКУШЕВИЧ,

вице-президент

Академии педагогических наук СССР

К техническим средствам учебного процесса относится всякая техника (от самой примитивной до современной), используемая с целью облегчения и повышения эффективности труда учащихся по усвоению знаний, умений, навыков и труда учителя по передаче, закреплению и проверке знаний.

В таком широком смысле понятие технических средств охватывает все дидактические пособия. Но наглядными пособиями содержание этого понятия не исчерпывается. Например, средства, позволяющие автоматизировать проверку контрольных работ учащихся, не являются наглядными пособиями, но, конечно, относятся к техническим средствам учебного процесса.

Можно без труда назвать те потребности экономики, военного дела, наконец, просто бытовые нужды, которые послужили первым толчком для постановки соответствующей технической проблемы, для появления многих крупных технических изобретений. Мы не сомневаемся в том, что недалеко то время, когда и педагогика будет ставить проблемы, способствующие побуждению технического прогресса. Пока же нужно признать, что возможности современной техники во много раз превосходят то, что требует от нее педагогика. Педагоги еще робко и неуверенно прибегают к технике для решения своих задач. Некоторое исключение составляют специалисты по частным методикам, дающие заказы на наглядные пособия того или иного вида, но и здесь движение часто происходит по одним и тем же проторенным дорожкам.

Словом, в современных условиях долг за педагогикой, а не за техникой и развитие технических средств обучения, начиная от замысла и кончая использованием, — это прежде всего педагогическая задача! Конечно, для ее правильного решения необходимо изучать технику и ее возможности хотя бы в той мере, чтобы уметь сообщить свой замысел конструктору.

Нужно помнить, однако, что даже самая примитивная техника, техника, которую с полным правом можно назвать первобытной, и в наше время с пользой применяется для создания новых дидактических пособий. Примером могут служить получившие в последнее время за рубежом широкое распространение так называемые палочки Кюизенера — окрашенные деревянные палочки различной длины, надлежащее использование которых в начальном обучении позволяет, по свидетель-

ству видных специалистов (Курепа, Гаттеню), добиваться в сжатые сроки основательных знаний по арифметике у детей.

К. Гаттеню, бывший профессор Лондонского университета и секретарь Международной комиссии по изучению и усовершенствованию преподавания математики, отмечает, что если раньше не хватало нескончаемых повторений, чтобы обеспечить запоминание связей между целыми числами, то теперь можно работать над дробями с пятилетними детьми, а семилетние могут демонстрировать математическое развитие, свойственное школьникам 12 лет и более.

К этому высказыванию можно относиться с разумной долей скептицизма, но одно несомненно: даже технически примитивные средства, хорошо продуманные и умело применяемые, могут привести к значительным результатам в обучении.

Большие соблазны для педагогики связаны с современными «думающими» машинами, которые выполняют не только сложнейшие вычисления, но и переводят тексты с одного языка на другой, дают информацию научно-технического характера по самым разнообразным вопросам, искусно играют в шахматы и т. п. Можно задать целью разработать такие программы действия для этих машин, чтобы они могли осуществлять, скажем, функции преподавателя математики или языка, причем не только сообщать новые сведения, но и отвечать на вопросы учащихся, указывать и поправлять их ошибки и т. д. Разработка таких программ может представлять несомненный интерес для педагогики, так как заставит лишиться раз основательно и глубоко продумать систему действий и приемов, лежащих в основе преподавания определенного предмета, и придать этой системе столь четкую и совершенную форму, чтобы она могла направлять действия машины. Поучительными могут быть и наблюдения за эффективностью преподавания такой машины, наблюдения, из которых можно извлечь, что именно меняется, когда человека со всеми его сильными и слабыми сторонами живого существа, с его эмоциями и личным обаянием мы заменяем машиной, не имеющей, естественно, многих чисто человеческих качеств, но зато обладающей громадной памятью, способностью производить в ничтожно малые сроки сложнейшие рассуждения, бесконечно терпеливой и беспристрастной.

Надо заниматься созданием таких машин, как, например, машины по проверке письменных и контрольных работ, машины-экзаменаторы, машины, которым можно поручить обработку звуков при обучении иностранным языкам, и другие, то есть таких, которые освободили бы преподавателя от однообразной работы, требующей больших нерациональных затрат времени.

Следует выделить в качестве основных технические средства, основанные на применении радио, кино, телевидения, магнитной записи речи и магнитной памяти, телефона и т. д. Такое выделение вполне оправдано, так как подобные средства являются весьма гибкими и мощными и способы их применения в процессе обучения представляются в основном довольно ясными, но на практике эти способы используются еще в далеко не достаточной мере.

Ныне учебный фильм, специальная передача по радио или телевидению, лента магнитофона становятся рядом с книгой в качестве необходимых учебных пособий, и возможно, что вскоре возникнет вопрос о продуманном рациональном распределении функций между ними так, чтобы, например, учебник не брал на себя задачи, которые значительно полнее и лучше может осуществить фильм, телепередача или магнитофонная запись.

Особое значение должны приобрести фильмы и передачи, рассчитанные на активное их восприятие, на такое, при котором не только сообщаются определенные

сведения, но и одновременно отрабатываются и закрепляются умения и навыки. Примерами могут служить уроки гимнастики, разучивание песен по радио, уроки танцев или иностранных языков по телевидению. Мы полагаем, что большие, еще не использованные возможности имеются здесь и в изучении других предметов: математики, физики, химии и т. д., и особенно в изучении основ производства и в первоначальном профессиональном обучении.

Большие и благодарные перспективы открываются перед нами, когда мы задаемся целью рационализировать и облегчить труд педагога, высвободить его время и силы для решения наиболее существенных и сложных задач обучения и воспитания, для работы над собой.

Если преподаватель захочет индивидуально поработать с каждым из 15 студентов своей группы по 2 часа, то ему придется затратить 30 часов, чтобы прочесть каждому определенный текст, выслушать переводы, поправить ошибки, дать советы. Но он может разместить всех своих студентов по индивидуальным кабинетам, снабженным телефонами и магнитофонами, сесть за специально оборудованный пульт и читать текст по телефону так, что его услышит каждый из студентов, осуществляющих синхронный перевод, при этом преподаватель может включать для контроля ту или иную кабину, вмешиваясь в случае необходимости в работу студентов. Для более детального последующего контроля к его услугам будут соответствующие магнитофонные записи.

Второй пример относится к методике проверки усвоения знаний (широко используется за рубежом, в частности в учебных заведениях США). Для проведения испытаний, например, по общему курсу биологии в университете заготавливается список, скажем, 60 вопросов, охватывающих весь курс, причем на каждый вопрос дается готовый ответ в 5—6 вариантах, отмеченных литерами А, В, С, так что лишь один вариант ответа является верным, а остальные ложными, но по форме более или менее правдоподобными (конечно, такими они могут представиться лишь человеку, не овладевшему курсом). Задача студента заключается в том, чтобы на заранее заготовленном листе проставить название университета и свое имя и затем специальным карандашом подчеркнуть для каждого вопроса ту литеру, под которой, по его мнению, помещен верный ответ. Все испытание независимо от числа студентов (100—200 или более) длится $1\frac{1}{2}$ —2 часа. Остается проверка. Ее может произвести сам преподаватель, сличая листки, заполненные студентами, с находящимся у него правильно заполненным листом. Но эту же работу, и притом с огромной скоростью, может выполнить за него машина. Принцип действия ее основан на том, что черточки, проведенные карандашом, меняют определенным образом электропроводящие свойства соответствующих участков бумаги, так что машина может «читать» ответы студентов, считая лишь верные из них.

Ограничусь лишь этими двумя примерами. Думается, что они в достаточной мере показывают, какие огромные, далеко не использованные возможности готова предоставить современная техника для освобождения учителя от выполнения некоторых однообразных операций.

Мне хотелось бы высказать некоторые соображения о возможном направлении развития технических средств обучения в будущем. Но для этого понадобится разбег из далекого прошлого. Дело в том, что проблема облегчения и сокращения процесса обучения имеет весьма почтенную давность. В известном предании царь Птоломей I обращался к Евклиду с просьбой указать ему кратчайший и удобный способ познания геометрии. «О царь, — сказал ему мудрец, — нет царской

дороги в геометрии». Не знаю, что ответил Евклиду Птоломей, но для педагогов авторитет великого математика оказался недостаточным. Более 2000 лет они искали и продолжают искать облегченные пути к знанию не для царей, конечно, а для детей и юношества.

Усилия педагогов не были тщетны. Они научились преподносить в доступной форме каждому нормальному ребенку знания, которые в древней Греции были достоянием бородатых мужей, они сделали путь познания, по крайней мере на отдельных его участках, занимательным и даже приятным, но они почти не сократили протяженности этого пути и лишь несущественно уменьшили общую затрату сил учащегося на его прохождение, ибо и в наше время, как и во времена Евклида, нужны годы для изучения языка или геометрии. И это во второй половине XX века, когда мощности и скорости, которыми овладело человечество, в десятки и сотни тысяч раз превосходят те, что были доступны в древней Греции! Даже сложнейшие мыслительные операции люди научились выполнять на машинах в течение часов и минут, в то время как еще в начале этого столетия они требовали многолетних усилий больших коллективов, квалифицированных специалистов!

Нам представляется, что развитие науки позволяет уже сейчас говорить, правда, пока только гипотетически, о большой и трудной, но не безнадежной задаче, которая еще 10—20 лет тому назад казалась полностью фантастической: разработать технические средства, которые позволяли бы путем не непосредственного, а косвенного только влияния на мозг учащегося стимулировать и ускорять его мыслительные процессы в такой мере, чтобы без вреда для его здоровья процесс перехода от одного состояния мозга, соответствующего незнанию, к другому, соответствующему знанию, совершался не в течение лет или месяцев, как ныне, а в течение дней, часов и минут. Такая постановка задачи может вызвать у многих недоверчивую улыбку или пожимание плечами. Но есть основания верить в то, что технические средства обучения будут со временем развиваться именно в таком направлении.

Модернизация школьных программ, начавшаяся в последние годы, предъявляет повышенные требования к воображению учащихся и их способности абстрактно мыслить. К близкому в обучении добавляется все больше такого, что нельзя ни увидеть простым глазом, ни осязать пальцами. Достаточно назвать проблему строения материи или структуру и жизнедеятельность клетки, раскрываемые на молекулярном уровне. Как много нужно еще трудиться над созданием новых совершенных схем, моделей, опытов и демонстраций, кинофильмов и телевизионных передач, которые сделают все эти глубокие и тонкие предметы познания доступными, выпуклыми и обозримыми для детей!

И наконец, еще раз на тему о необходимости крайне бережного отношения к старым, испытанным средствам. Сравнение возможностей технических средств обучения с книгой убеждает нас, что книга выдерживает труднейший конкурс и остается наиболее эффективным орудием познания, особенно когда речь идет о самостоятельной работе. Нужно только понять, что мы далеко не всегда учим детей, как извлекать из книги все, что она в себе содержит и что она может дать пытливому читателю.

Положа руку на сердце, разве мы, взрослые и вполне грамотные люди, все умеем читать книгу? Вспомните, что, отдавая должное Пушкину, его называли не только первоклассным писателем, но и первоклассным читателем, а Гете признавался, что употребил 80 лет, чтобы научиться читать, и не знает, вполне ли достиг своей цели. Да, чтение — великое искусство, а это значит, что ему нужно не уставая учиться и в нем совершенствоваться!

стихийные группы: опыт исследования

**В. ЖУРАВЛЕВ, заведующий кафедрой
педагогики и психологии
Кубанского
государственного университета**

То, о чем мы хотим рассказать, представляет собой опыт исследования общения подростков и старших ребят в стихийных товарищеских группах. Нас интересовало: чем заняты такие группы, как они влияют на личность подростка? В поле нашего зрения было 110 стихийных групп на территории трех городов и нескольких десятков сел Липецкой области.

Среди увлечений и дел, которыми живут группы, легко выделить ведущие. На первом месте — спорт: футбол, хоккей, коньки, лыжи. Меньше пользуются вниманием баскетбол, настольный теннис, волейбол. Подростки сами отыскивают свободные дворы, пустыри, любые территории, подходящие для спортивных игр. Первый успех рождает новую инициативу. Скажем, группа отвоевала себе спортивную площадку. Ребята складываются, идут работать, чтобы собрать деньги на простейшее оборудование. Иногда сами изготавливают его. Порой ребята вместе моделируют, конструируют, строят голубятни, мастерят что-нибудь. И все же таких примеров немного. Можно сказать, что большинство стихийных групп живет пассивно-потребительски.

Своеобразна психологическая атмосфера в таких группах. Дисциплина в игре нередко сочетается с отрицательным поведением в других ситуациях. (Кстати, это опровергает распространённое мнение, будто спорт уже сам по себе дисциплинирует подростков). Увлечение каким-то видом спорта редко связано со стремлением приобрести настоящее спортивное мастерство. В то же время большим авторитетом у ребят пользуются хорошие спортсмены. Они-то и способны оказывать заметное влияние на поведение членов группы.

Круг игровых занятий в группах (не считая спорта) весьма беден. По сути он ограничивается беспорядочными пробами физических сил, случайной борьбой и бегом, играми в войну, в прятки, в снежки. Нередки игры в домино, в карты, в орлянку.

Часто, собравшись вместе, подростки часами без дела стоят у подъездов, подолгу слоняются по улицам. Впрочем, лишь со стороны такие встречи кажутся бессодержательными. Ребята делятся друг с другом всевозможными историями, анекдотами, пересказывают прочитанные книги, спорят о разных вещах. Различия в возрасте и жизненном опыте делают обмен информацией особенно интенсивным. Возможность узнать что-то новое, свобода в выборе тем — все это придает таким встречам привлекательность.

Поэтому такие встречи и прогулки нельзя расценивать как нечто предосудительное. Другое дело, когда бесцельное, вольное времяпрепровождение становится основным и привычным. Оно легко может толкнуть на путь антиобщественных поступков. Особенно это ка-

сается смешанных групп, куда, наряду со школьниками, входят подростки, которые не учатся, не работают. В ряде случаев это выглядит как бездумная шалость (налет на клумбу в сквере, чтобы подарить букет девушке, проникновение в чужой сад), однако встречаются и более серьезные, уголовно наказуемые проступки. Порой возникают драки между самими подростками.

Особенно тревожным является коллективное потребление спиртных напитков. В городских группах это встречается в четыре раза чаще, чем в сельских.

Нет резкой границы между «благополучными» и «неблагополучными» подростково-юношескими объединениями. В жизни вполне здоровой группы можно встретить отдельные предосудительные действия. И, наоборот, в «неблагополучной» группе антиобщественные поступки соседствуют со здоровыми увлечениями.

Нельзя недооценивать той роли, которую стихийная группа играет в жизни подростка. Здесь юная личность испытывается на оригинальность и глубину знаний и мыслей, на прочность моральных качеств, на самостоятельность и твердость решений и поступков. Отношения, возникающие в этой группе, побуждают и растят у ребят такие качества, как товарищеская солидарность, способность к самооценке и к оценке окружающих, умение повести за собой. Группа нередко ограничивает эгоизм отдельных своих членов, формирует у них определенные коллективистические черты и своеобразную дисциплинированность.

Атмосфера стихийной группы свободна от руководства взрослых, от ограничений школьного распорядка. Здесь ребята чувствуют себя не так, как в обычной домашней-школьной обстановке. Тут и риск, связанный с предосудительным действием, и ощущение свободы, независимости в разговорах и поступках, и проявление своей взрослости, самостоятельности.

В отличие от организованных школьных коллективов, в таких группах нет четкой структуры, однако и здесь замечаются определенные элементы руководства, подчинения, распределения ролей. Выявляются вожаки. Кто они? Вот краткие сведения об отдельных вожаках обследованных нами групп:

- 17 лет. Студент. Хороший футболист.
- 18 лет. Рабочий. Физически силен, опытен. Умеет направлять ребят куда хочет.
- 17 лет. Учащийся профтехучилища. Увлечен радиоделом. Любит возиться с малышами.
- 17 лет. Учащийся профтехучилища. Честен и прямо по характеру.
- 18 лет. Окончил 10 классов, рабочий металлургического завода. Физически силен. По-своему щедр — угощает младших папиросами.
- Хулиган, дерется, курит. Увлечен футболом.
- Старший по возрасту. Физически сильный, удалой. Намерен идти в военное училище.
- Учится из-под палки, дерзок со взрослыми. Умеет и любит драться. Увлечен книгами о войне. Капитан футбольной команды улицы.

Таким образом, главные черты вожака: старшинство по возрасту; превосходство в физической силе и жизненном опыте; независимость по отношению к взрослым.

Какие выводы напрашиваются из нашего исследования?

Стихийная товарищеская группа — закономерное социальное явление, отвечающее потребностям подра-

стающего человека. Но, будучи стихийной, она несет в себе и положительные и отрицательные начала.

Крайности в подходе к ней и неразумны, и нереальны. Вряд ли правильно искусственно изолировать своего сына или дочь от такой группы. Взрослые не так уж беспомощны, хотя и неразумно пытаться прямо вмешиваться в жизнь группы или попросту «запрещать» ее.

Мы уже говорили, каким авторитетом пользуются среди ребят люди с более высокой спортивной квалификацией. Но подобный авторитет имеет любой специалист в той области, которая близка к интересам группы (туризм, игра на каком-нибудь музыкальном инструменте). Так что возможности влияния взрослых не столь уж малы. Важным «каналом» влияния являются и сами подростки. Тут много зависит от ума, душевности и такта со стороны родителей, педагогов. Близость к подростку позволяет не только знать жизнь группы, в которую тот входит, но и помочь ему занять достойное место в этой группе, стать инициатором хороших дел в ней, воздействовать своим примером на других ребят.

Некоторые черты стихийных товарищеских групп, делающие их особенно привлекательными для ребят (независимость от взрослых, сочетание разных возрастов, романтика, свобода обмена мнениями, стремление к доказательству своего мужества), полезно учитывать и в работе с организованными детскими коллективами.

стихийные группы: а как быть родителям?

А. и О. ЛАВРОВЫ

...Не претендуем на открытие, утверждая, что для ребенка улица, двор — арена поистине драматических событий и переживаний. Действительно, там он приобретает первые, но вполне определенные навыки поведения в обществе. А подчас это связано с многократными пробами и ошибками, порождающими конфликты.

Даже для дачадовских ребят, вроде бы имеющих опыт взаимодействия со сверстниками, выход во двор сопряжен с массой нешуточных проблем. Тут они попадают в разновозрастную и разношерстную компанию, предоставленную обычно самой себе, в эту самую почти стихийную саморегулирующуюся вольницу, лишь время от времени претерпевавшую краткое вторжение взрослых.

Дома — или в том же детском саду — отношения ребенка с окружающими как-то налажены, устойчивы. Здесь же ему приходится приспосабливаться к меняющейся то и дело ситуации. Только собрались втроем играть в мяч, как вбежали во двор два брата-забияки. Тут же в мирную забаву врывается дух соперничества, недавний коновод оттеснен на задний план...

Есть такая непознанная, но реальная вещь, как симпатии и антипатии. Ребята отлично изучили друг друга, и к Сереже, например, лежит душа, а к Вадике нет. Даже без всяких причин (а неизвестных причин тоже бы-

вает предостаточно). Оттого одни ребята легко формируются в дружную компанию, а иные, сколько ни своди их вместе, отталкиваются, как однополюсные магниты.

Когда психологи взялись изучать, как ведут себя взрослые люди, соединяясь для решения какой-то задачи, то выяснилось, в общем, четыре типа: одни могут действовать, лишь руководя; другие предпочитают справляться самостоятельно, без начальников и исполнителей; третьи заботятся главным образом о том, чтобы «угодить в струю», подладиться к остальным; четвертые настаивают на равноценном участии каждого в решении задачи.

И в детских коллективах мы наблюдаем нечто похожее. Разумеется, тут проявляется не только темперамент ребенка, но и его «домашний багаж», тот опыт общения, который он приобрел в семье.

Мамы и папы не прочь порой сами сколотить ребячью компанию. Желание похвальное, но требующее такта и зоркости. А не то:

— Вот вы, девочки, возьмитесь за руки, мальчик встанет сюда, а ты, малыш в синей шапочке, чего смотришь, иди к нам! Ну, теперь все вместе...

Но... игра не клеится. Родители пытаются втянуть своего пассивного сына в общую возню — а он упрямится. И силком вы ничего не добьетесь. Дело не в том, чтобы с налету исправить что-то в отношениях ребенка с ровесниками, а в том, чтобы постепенно, разумно, терпеливо пестовать такие качества личности, которые помогут ему найти верное место в любом коллективе.

Чтобы понять, чего не хватает ребенку, надо быть осведомленным о том, как он держится в группе. Понаблюдайте (деликатно!).

Видите, например, что ваш сын никого не боится. Хорошо. Но если он пользуется этим для угнетения младших, слабых — бейте тревогу, вмешайтесь. Или он помалкивает, более шустрые им помыкают. Обидно. Так и привыкнет быть в тени. Подбодрите его, вооружите чем-то для завоевания авторитета.

Чем? В ребячьем содружестве высоко ценятся смелость и ловкость. Почти вровень с ними идут умение считаться с товарищами, организаторский талант, общительность, информированность.

Порой удивляешься, до чего чутко, по малейшим признакам дети определяют «задаваку», «воображалу». А ведь за «воображал» целиком в ответе родители. Захваливание ребенка и пренебрежительные отзывы о всех его сверстниках подряд — вот что обычно плодит несчастных «воображал».

Индивидуализм встречается детьми в штыки. Но тут нет жажды нивелировки. Яркая индивидуальность, напротив, принимается, уважается и даже «опекается» двором.

Стабильный успех в компании обеспечивают организаторские задатки — умение руководить игрой, внести в нее четкость, активный ритм, каждому найти соответствующий «участок», примирить недовольных, блеснуть новой выдумкой.

Доступно это родителям — развить организаторскую жилку в ребенке? Вне всяких сомнений.

Многие ли из нас тщательно следят, чтобы сын или дочь доводили любое дело до конца? Чтобы не переоскакивали с одного на другое при малейшей помехе? Распределяя домашние обязанности, подыскивают ли ребенку — ну, раз в неделю — такое занятие, в котором

он оказался бы инициатором, руководителем и ответственным лицом? Или в котором нужна смекалка, изобретательность, четкость? Ставят ли перед ребенком иногда задачи на планирование хотя бы в рамках домашнего хозяйства? Например, есть перечень дел, которые предстоит сделать вдвоем-втроем за час. Какая очередность дел предпочтительнее? Какое размещение сил выгоднее? Что можно выполнять параллельно, а что нет? И т. д.

Слушая невнятный еще, но взволнованный рассказ малыша о событиях во дворе: «Все побежали, и я... а там была одна девочка... она взяла и...», — кто задумывается, какую бы идею, какой совет подбросить малышу, чтобы завтра он не бежал за всеми, а тоже проявил бы самостоятельность и умение быстро ориентироваться, как та восхитившая его девочка?..

Об информированности долго говорить не приходится, тут все ясно. «Источников информации» много. И прежде всего вы сами. В вашей же власти поощрить увлечение, интерес к чему-то, заботиться о том, чтобы у ребенка были пособия, книги, детские журналы, содержащие в наши дни море разнообразных полезных сведений.

А теперь обратимся к общительности, точнее сказать, к искусству общения.

Что тут посоветовать родителям?

Во-первых, не замораживайте естественную общительность ребенка. В малыше существуют доверчивость, душевная распахнутость и рядом — осторожность. Инстинкт познания побуждает его вступать в контакт с возможно большим количеством людей. Инстинктивная бдительность заставляет остерегаться людей неизвестных.

Если ребенку слишком рано и настойчиво начинают растолковывать разницу между «своими» и «чужими», да еще и припугивать неведомыми «страшными дядями», осторожность иногда одерживает верх, и в сознании ребенка образуется барьер робости, недоверия или, как минимум, стеснительности.

Ребенок не должен быть навязчивым, но его так, в сущности, просто сделать скованным, неловким, что ограничивать рекомендуется лишь безудержную жажду лезть ко всем без разбору.

Детям же, страдающим застенчивостью, надо обязательно помочь ее побороть. Пригласите кого-то из ребят поиграть к вам домой, в привычной обстановке ваш малыш почувствует себя более свободно; позвольте взять во двор интересную игрушку, которая привлечет к нему внимание сверстников.

В высшей степени полезны всем без исключения ребятам лет с десяти какие-то поручения — типа условиться за вас о встрече с кем-либо, навести справку в домоуправлении и прочее. Пусть привыкают не теряться в беседах с посторонними. Понемножку-понемножку, шаг за шагом у ребенка вырабатывается спокойная, свободная повадка в любых обыденно-житейских ситуациях...

С превращением ребенка в подростка резко повышается потребность в товариществе, в близких друзьях, в компании. И хотя состав ее меняется, потому что ломка характеров и интересов то сводит, то разводит подростков, но влияние «своей» группы делается чрезвычайно важным. Именно здесь ребята демонстрируют друг перед другом свою взрослость, здесь получают признание, которого зачастую так не хватает им дома, в семье.

Авторитет родителей слабеет (а в острых случаях почти сходит на нет), значение же оценки и примера товарищей увеличивается как никогда прежде. И для старших наступает нередко время тревог, подозрений и страхов. «Вот нашел себе дружку! Неужели вокруг получше ребят нет?»

Всегда ли упрек справедлив? Нет.

«Своя компания» выбирается подростком не с бухты-барахты. В этом выборе проявляются не только интересы и увлечения, толкающие его искать партнеров по лыжным прогулкам, например, или по игре в шахматы, или по конструированию моделей. В выборе приятелей обычно сказывается все полученное ребенком воспитание.

Ребенок, которого держали в ежовых рукавицах, слишком стесняли всякого рода запретами, в подростковый период сплошь и рядом тянется к лихим, отчаянным сорвиголовам. В них воплощены для него самые возжеланные качества: они делают то, что «нельзя».

Ребенок необщительный, туго заводящий новые знакомства, порой вынужден довольствоваться какими-никакими приятелями, хотя, возможно, способен по своему уровню принадлежать к группе более «содержательных» ребят.

Ребенок, лишенный серьезных, ярко выраженных интересов (в чем тоже немалая вина воспитания), приживается в группе, как правило, на вторых ролях или без конца меняет товарищей, не умея создать фундамента для глубокой дружбы.

Так что «нашел себе дружку» — не просто дурной вкус или результат злой воли подростка. Но как же уберечь от плохих влияний? Ответ один — это воспитание в ребенке четких черт характера, самостоятельных взглядов на добро и зло — словом, воспитание личности. Тогда подросток, даже и попав в компанию не первого класса, не рискует раствориться в ней и принять безоговорочно ее стиль поведения.

Подросток испытывает острую потребность в признании и уважении со стороны сверстников. От отношения товарищей зависит не только поведение ребенка, но и его эмоциональное благополучие. Ради достойного места в коллективе ребенок, особенно подросток, готов, что называется, на все. Нужно это строго учитывать.

Если вы станете грубо распекал ребенка при приятелях, унижать его публично, напоказ — ответом будут дерзости (тоже напоказ). Если станете в глаза корить его товарищей, гнать их, когда они приходят в дом, вы больно ударите по самолюбию ребенка и добьетесь лишь отчуждения. Никакие «не смей!», никакие «прокляну!» не достигнут цели. Подросток станет хитрить, скрываться, но не предаст дружбы. Скандалы усугубят его упрямство.

И еще одно — не ломайте дров попусту, не забывайте об объективности при оценке окружения подростка. Главным критерием для вас должен быть не внешний (даже и экстравагантный) вид ребят, не их словечки, манеры (тут масса напускного) и прочие детали поведения. Главное — чем увлечены они, чего хотят, к чему тянутся.

Чтобы узнать это, надо внимательно взглянуть в державшихся вместе ребят. Вот вам и еще резон не гнать их из дому в подворотню. А взглядевшись, поняв хоть отчасти, что их объединяет, вам будет легче определить, стоит ли вмешиваться. И если, к сожалению, да, то и средство будет легче отыскать.

Каждый человек — неповторимый мир. И не только потому, что нам выпадает на долю переживать разные события, оказываться в несхожих ситуациях. Ведь бывает, что живут люди в одном месте, в одинаковых условиях и в одно время, а возмись они рассказывать о себе — у каждого выйдет своя особая повесть. Всяк по-своему, в соответствии со своим характером, со своими взглядами, представлениями и опытом воспримет и оценит происходящее вокруг и разные извлечет для себя уроки...

А откуда у нас берутся эти взгляды и представления? Что формирует, строит, складывает характер? Наверное, в свою очередь, среда, время, события, люди влияют на становление личности...

расскажите
о своей жизни

МЫ ПРЕДЛАГАЕМ: расскажите о себе, о том, что примечательного было в вашей жизни. Какие вы извели радости, через какие вам пришлось пройти испытания? Какие встречались вам люди и какой оставили след в вашей памяти?

Разделяете ли вы мнение, согласно которому все в человеке начинается с детства?

МЫ ОБЪЯВЛЯЕМ КОНКУРС НА ЛУЧШУЮ АВТОБИОГРАФИЮ. Конкурс проводится в течение 1970 года. Последний срок присылки рукописей 31 декабря 1970 года. Рукописи направляйте по адресу: Москва, Г-117, Погодинская улица, 8, редакция журнала „Семья и школа“. На конверте непременно пишите: „На конкурс“.

НАШ СОВЕТ: не обязательно описывать все полностью и по порядку. Можно выбрать любой важный для вас жизненный этап или одно событие. Если окажется, что по каким-то причинам вам неловко называть людей, о которых придется упомянуть, можно заменить настоящие имена вымышленными. Но во всем остальном ваше повествование должно быть правдивым. Не гонитесь за красотой описаний. С нашей точки зрения, основное достоинство текста автобиографии — простота и документальность.

УСЛОВИЯ КОНКУРСА: рукопись, отпечатанная на машинке, не превышающая 20 страниц машинописного текста, должна быть подписана автором с указанием адреса и места работы.

Председатель жюри М. П. Прилежаева, заместитель председателя Л. М. Иванова.

ЖЮРИ ОПРЕДЕЛИТ ЛУЧШИЕ РАБОТЫ И ПРИСУДИТ ПРЕМИИ.

По рекомендации жюри наиболее содержательные автобиографии будут публиковаться в журнале „Семья и школа“.

Рецензий и отзывов участникам конкурса жюри не дает. Рукописи не возвращаются.

родителям новичков

ЧТО надо знать перво класснику?

Е. МИШАРЕВА,
научный сотрудник
Научно-исследовательского
института школ
Министерства просвещения РСФСР

Учебный год близится к заключительной четверти. Первоклассники вполне вошли в школьную жизнь, привыкли к ее порядкам и требованиям, стали дисциплинированными, внимательными. Родители тоже сблизились со школой, и уже не кажутся им такими «страшными» новые требования к обучению.

Программа по математике успешно выполняется. За прошедшее время ребята многому научились. Они считают до 100. Решают простые и составные задачи. Пользуются буквенной символикой, решая простейшие уравнения. Сравнивают числа и выражения. Выделяют знакомые геометрические фигуры. Ныне первоклассники изучают правила прибавления числа к сумме и суммы к числу, вычитания числа из суммы и суммы из числа. (Подробнее об этом можно прочесть в статье Н. Уткиной «Считаем до ста» в № 12 «Семьи и школы» за 1969 год).

Впереди — непродолжительная четвертая учебная четверть. Она, видимо, будет иметь свои трудности прежде всего потому, что дети уже несколько устали, внимание стало менее устойчивым. К тому же она приходится на теплые весенние месяцы, когда ребятишек неудержимо тянет на улицу. Учитывая все это, программа заключительной четверти предлагает немного нового материала. Главное — повторить и закрепить пройденное за год. Это поможет устранить пробелы в знаниях, расширить творческие задания, развивающие математическое мышление.

Разумная помощь детям со стороны родителей в это время просто неопределима. А для этого им полезно знать: какими умениями и навыками должны владеть первоклассники к концу учебного года?

Прежде всего, хорошо знать устную и письменную нумерацию чисел в пределах 100. Важно, чтобы ребенок умел объяснить, как образуется любое следующее число, как связаны между собой предшествующие и по-

следующие числа. Ответ будет звучать примерно так: «Любое следующее число можно получить, прибавив к данному числу единицу. А предыдущее — отняв от данного числа единицу. Каждое последующее число на единицу больше предыдущего. А каждое предшествующее — на единицу меньше следующего». Пусть приведут примеры. Скажем: «Число семь стоит в ряду натуральных чисел на седьмом месте. Оно стоит между шестью и восемью, после числа шесть и перед числом восемь. Чтобы получить семь, можно к шести прибавить единицу или от восьми отнять единицу. Перед числом семь стоят числа: один, два, три, четыре, пять, шесть. После числа семь стоят числа: восемь, девять, десять». Нумерацию проходили в первом полугодии, но возвращаться к ней полезно в течение всего года.

Попутно хорошо поработать и над десятичным составом чисел, закрепляя знание поместного значения цифр. Возьмите любое число в пределах сотни. Спросите: сколько в нем десятков? Сколько отдельных единиц? Сколько всего единиц? На каком месте пишутся десятки, на каком — единицы? Что показывает цифра, стоящая на первом месте справа? (Сколько в числе единиц). На втором месте справа? (Сколько в числе десятков). Изредка давайте арифметические диктанты такого типа: «Запиши число, состоящее из пяти единиц первого разряда и трех единиц второго разряда». «Запиши число, следующее за числом восемьдесят девять». Число, стоящее между сорока пятью и сорока семью. Число на единицу меньше ста» и т. д.

Желательно повторять таблицу сложения в пределах 10 и соответствующие случаи вычитания. Таблицу ребенок должен усвоить до автоматизма. (Она помещена на стр. 79 учебника). Вычитание производится на основе знания состава чисел. Скажем: «Девять — это четыре и пять. Значит, отняв пять, мы получим четыре». Складывая и вычитая в пределах 20, ребенок основывается на знании нумерации, а также случаев сложения и вычитания в пределах 10.

Не допускайте, чтобы при счете дети пользовались пальцами, палочками или другими предметами. Такой счет с помощью дидактического материала (но не пальцев) производится лишь в первой четверти, когда дети наглядно — на квадратиках, кружочках, палочках — считают в пределах пяти.

В основе программы 1-го класса лежат четыре правила, к которым сводятся все случаи сложения и вычитания. Первое из них — правило прибавления числа к сумме — изучается сейчас в третьей четверти. Важно, чтобы дети хорошо поняли и усвоили: число к сумме можно прибавить разными способами, из которых один окажется наиболее удобным. Если ребята хорошо овладели первым правилом, остальные три не вызовут у них никаких затруднений.

Пожалуй, только над последним — правилом вычитания суммы из числа (оно как раз проходит в четвертой четверти) — потребуются поработать больше. Дело в том, что замена знака «плюс» на «минус» перед вторым слагаемым может вызвать у учащихся затруднение. Например, $50 - (30 + 6) = (50 - 30) - 6 = 20 - 6 = 14$. Здесь полезно обратиться к наглядности, используя вырезанные из вкладыша в учебнике полоски с кружками (они обозначают десятки) и отдельные кружки (они обозначают единицы). Проиллюстрировав с помощью таких полосок и кружков тот же пример $50 - (30 + 6)$, ученик ясно увидит: легче всего сначала от круглых десятков отнять круглые десятки ($50 - 30$), а затем вычесть из 20 оставшихся 6 единиц.

После того как ребенок решит пример и объяснит избранный способ, попросите его прочитать написанное. Важно, чтобы чтение было грамотным. Наш пример он должен прочитать так: из пятидесяти вычесть сумму тридцати и шести.

Некоторые родители сомневаются, нужны ли подробные записи решения примеров вида: $86 + 7 = (80 + 6) + 7 = 80 + (6 + 7) = 80 + 13 = 93$. На первый взгляд запись действительно громоздка и не очень нужна. Но это лишь на первый взгляд. Подробная запись упражняет в быстром и правильном счете, помогает выбирать наиболее удобный прием, заменять число суммой удобных слагаемых, прочно запоминать состав чисел. Постепенно длинная запись сокращается. Но очень полезно при решении примеров вида $28 + 36$, $74 - 49$ попросить ученика подробно объяснить: как он считал? Почему выбрал данный способ?

Требуйте всегда грамотно называть все компоненты действий (слагаемые, сумма, уменьшаемое, вычитаемое, разность). К концу года ребенок научится свободно пользоваться терминологией.

Дети обязаны уметь самостоятельно решать простые и составные задачи изучаемых видов, составлять формулу решения задачи и задачу по данной формуле. Понятно, составные задачи требуют большей тренировки. Пока ученики решали простые задачи, новой и сложной операций для них была одна — правильный выбор арифметического действия. Переход к составным задачам создает еще одну трудность: из условия задачи нужно сначала выбрать данные для получения промежуточного результата. А затем уже использовать его для получения ответа на основной вопрос. Для этого важно хорошо разбираться в роли каждого данного в задаче. Пусть ученик подробно анализирует задачу, объясняет: Что узнавалось первым действием? Что вторым? Чему равно неизвестное число? Как ответить на вопрос задачи? (Подробно о методике этой работы рассказывается в уже упоминавшейся нами статье Н. Уткиной).

Как можно чаще задавайте вопросы: Почему? Что это значит? Зачем? Докажи. Объясни. Как можно решить по-другому? Как проверить решение?

Полезны задачи творческого характера: «Придумай похожую задачу», «Подбери новые числовые данные», «Составь задачу по ее краткой записи или формуле» и т. д. Важно, чтобы у ребят появился вкус к поиску.

В 1-м классе дети получают элементарное представление об именованных числах (без введения самого этого термина). Они усваивают названия мер длины — метр, дециметр, сантиметр, — знают, что $1 \text{ м} = 10 \text{ дм}$, $1 \text{ м} = 100 \text{ см}$, $1 \text{ дм} = 10 \text{ см}$ и наоборот. Чтобы закрепить у школьника умение превращать и раздроблять именованные числа, хорошо использовать упражнения из учебника, типа: $30 \text{ см} = \dots \text{ дм}$, $7 \text{ дм } 6 \text{ см} = \dots \text{ см}$ и т. п. Пусть ребенок научится показывать реальную величину метра, дециметра и сантиметра, тренируется практически определять размеры предметов и выражать их в усвоенных мерах длины.

Геометрический материал в 1-м классе невелик и, как правило, не вызывает никаких затруднений. Все же полезно систематически предлагать ребенку определять форму того или иного предмета. Он должен уметь вычленить и правильно назвать знакомую геометрическую фигуру, начертить отрезок заданной длины, измерить длину отрезка, пользуясь ученической линейкой.

Хотелось, чтобы родители обратили внимание на навыки самоконтроля у детей. Обычно они не видят своих ошибок. Стать «зрячими» им помогут различные упражнения. Скажем, предложите решить пример или задачу другим способом. Или пусть ребята на глаз прикинут реальность полученного результата. Или по указанному правильному ответу проверят и найдут ошибку в решении. Или решат задачу, рассуждая вслух.

Нельзя предвидеть всех трудностей, с которыми могут столкнуться первоклассники. Но если родители хотя бы частично реализуют наши советы, это будет хорошей помощью детям.

говорят дети

Лариса, 5 лет.

— Ты ходишь в школу?

— Нет, я еще вырастаю. Я еще капельку маленькая, а ноги уже большие — как у муравья.

— Вчера у меня такое ужасное сердце было!

— Почему?

— Мы такую газету получили: там про бабу-ягу...

— Слышите, у меня лоб скрипит? Это шишка набита.

Леня, 3 года.

— Тут поднялась такая шуматоха!

Вернувшись из цирка, рассказывает:

— Показывали дикийские игры...

Лена, 3 года.

Рассматривает картинку:

— А где у этого зайца охотник?

— А как люди заходят в телевизор?

Мама долго, обстоятельно объясняет.

Лена терпеливо слушает. После:

— А как они оттуда выходят?

Записали наши читатели: Т. Осмиховская (г. Одесса), С. Кауфман (г. Баку), М. Бердичевская (г. Киев).

своими словами

Мой сын учится в пятом классе. Классная руководительница предложила ребятам написать ко дню рождения Владимира Ильича Ленина обязательства.

— А мне что обещать? — спросил дома сын.

— Разве у тебя все в порядке? — в свою очередь спросила я. — Подумай, от каких недостатков ты хотел бы избавиться и какие хорошие черты приобрести.

Долгая возня с оформлением — и наконец мелкими буквами выведен текст:

— «Обещаю быть менее многословным и более сдержанным. Не говорить «сейчас». Стараться учиться на «4» и «5». Быть честным и добрым...»

На следующий день мы узнали, что подвели сына, поставили (по его словам) в «дурацкое положение». Оказывается, учительница при всем классе сказала ему, что все «написали, как люди, а он какую-то отсебятину, не обязательство, а письмо маме...» Оказывается, был дан образец, как писать обязательство. Сын, правда, в тот день пропустил школу, мы ходили с ним к врачу. И вот он принес домой этот образец: «Выполнять трудовую дисциплину, общественные поручения. Учиться на «хорошо» и «отлично». Выучить стихотворение и посадить цветок».

Почему я об этом пишу? Согласитесь, любое дело, даже самое прекрасное, можно свести к формальной условности. Дать такое стандартное обязательство, даже посадить в горшочек цветок — легко. Куда труднее внушить ребенку, что он должен хорошенько подумать, прежде чем обещать что-то. Привить ему ответственное отношение к своему слову.

Между тем у классного руководителя была, на мой взгляд, отличная возможность дать волю детской искренности. Ведь писал же когда-то Маяковский — «Я себя под Лениным чищу», так почему же желание «избавиться от

многословия» в обязательство не годится, а привычные слова — «выполнять поручения» — считаются единственно верными?

Признаюсь, я нарушила дружбу семьи и школы. Не знаю, кого я тут спасла, а чей авторитет подорвала, но посоветовала сыну обязательство не переписывать (ведь честно написал, искренне), а про цветок и стишок дописать. Умные, всепонимающие друзья сказали, что я зря травмирую ребенка, нечего осложнять его жизнь... Пусть будет как все.

И я засомневалась. Подумала — может, правы они, а я делаю что-то для сына и для себя вредное. Вот тогда и решила написать вам.

С уважением
МАМА

ОТ РЕДАКЦИИ. В любом случае, конечно, надо ценить и поддерживать искренность ребенка. И личное обязательство, конечно, тоже лучше писать своими словами. А на счет нарушения дружбы семьи и школы и авторитета, что вам сказать? Все зависит от того, в какой форме происходят педагогические дебаты между родителями и учителями. Вы просто посоветовали сыну не переписывать обязательство, а надо было перед этим побывать в школе. Уверены, что разговор с классной руководительницей избавил бы вашего сына от неловкости, которую он, несомненно, испытывает.

а помнишь...

Бабушка Анна Петровна, доставив мне свою восьмилетнюю внучку, шумно вздохнула: «Хоть в праздник отдохну. Замучилась совсем». «Постарела бабушка, — с грустью подумала я, — это с Маришкой-то трудно!»

На прогулке мы веселились от души. Были на ВДНХ. На открытой эстраде у фонтана «Дружба народов» Маринка за лихое «Яблочко» получила приз — смешного медвежонка. Мы так устали, что казалось, не дойдем до выхода. Но, как в сказке, прямо около нас остановился яркий автопоезд, мы забрались в открытый вагон-

чик, и тут Марина обратилась к мужчине: «Дайте место ребенку». Тот от неожиданности встал, но выпрямиться так и не смог: вагончики автопоезда невысокие — он и ехал до конца, неудобно наклонив голову.

Но это был, пожалуй, больше грустный, чем праздничный, день. Вечером я подводила печальные итоги: отказалась от мороженого («Нельзя есть на улице»), не захотела слушать сказку («Вредно читать перед сном»). И это «Дайте место ребенку». Да, во всем этом надо было разобраться.

Как-то я поехала к брату. Вошла в знакомый двор. Ни бабушка, ни Маринка не заметили меня. Бабушка о чем-то разговаривала с другими бабушками, а племянница играла в «съедобное-несъедобное» с двумя девочками. Я не стала их окликать, а тихонько сидела на дальней скамеечке. Оглушенная и разозленная бесконечными поучениями, которые неслись в адрес Маринки из окна дома и со скамейки, где сидела бабушка: «не бери снег руками», «дыши носом — горло простудил», «говорила тебе не бегай, а то упадешь», — я стала вспоминать: вот здесь у нас была крепость. Мы ее делали каждую зиму. Ух, как замерзали руки! Но мы опять «брали снег руками», и устраивали крепость, и отчаянно защищали ее от посягательств мальчишек из соседнего дома...

Дверь открыл брат Саша. «Слушай, Сашка, — закричала я с порога, — а кто у нас Мересьева играл в том спектакле, помнишь?» Сашка удивленно посмотрел на меня, потом вдруг неожиданно рассмеялся: «Да Володька же Лебедянский! Его еще тогда Жучка покусала, которая у нас в роли медведя была, а потом ему 40 укулов сделали и врач сказал, что Володька вправду как Мересьев». — «Да, а еще помнишь, ты нас «из окружения выводил». А я медсестрой была и тебя по снегу на тряпке тащила...»

Мы увлеклись и все вспоминали, вспоминали. Маринка была тут и внимательно слушала нас. «А помнишь...» Мы с Сашей вспомнили многое. В этот вечер ни о чем больше я не стала говорить с братом.

С. СТАНКИНА
Москва

почему таня не справляется?

Нас беспокоит девятилетняя дочь Таня. Мы с мужем много работаем (он инженер-строитель, я зубной врач на заводе), не всегда имеем возможность последить за ней. В последнее время ее поведение резко изменилось в худшую сторону. Стала много врать, и не из-за боязни, физически мы ее не наказываем, а только внушаем, что врать — позорно. Плохо учится в 3-м классе (а первые два закончила без троек), повторяет одни и те же ошибки, равнодушна к отметкам. Больше всего любит гулять на улице. Учится Таня во вторую смену и тем не менее часто опаздывает в школу. Задания по уборке в квартире «не успевает» выполнить, хотя и уроки вовремя не готовит, и часть из них готовим вместе по вечерам.

Мы беседуем с дочерью, она прямо до слез расчувствуется, обещает измениться. Но никакого сдвига не происходит. Мало того, я чувствую, что она привыкает к нашим речам и все слабее реагирует на них.

В свободное время всей семьей мы ездим на пляж, в лес, играем в бадминтон, зимой ходим на лыжах. Но, к нашему огорчению, Тане все это быстро надоедает. Она с удовольствием променяла бы наше общество на уличных подружек.

А ведь в общем дочь у нас неплохая, добрая, для людей все делает, любит животных, цветы (но воду у них менять уже не любит).

И последнее — самое неприятное и стыдное. Три недели назад у нас гостила бабушка, и внука тайком взяла у нее 5 рублей. Обнаружив это, бабушка рассказала мне, и мы обе плакали от отчаяния. Потом я спрашивала у Тани, зачем ей понадобились деньги. Говорит, покупала «бутерброд с колбасой». Про остальные деньги говорит, сама не знает, где они, растеряла. Но я уже не верю.

Вот такая у нас обстановка! Кажется, скоро плюну на все методы воспитания и буду сечь, если поднимется рука. Конечно, глупость написала, но, будьте добры, помогите нам.

МАТЬ
г. Ставрополь

ОТ РЕДАКЦИИ.

Уважаемый товарищ!

В отчаянии вы теряете самообладание. Но, к счастью, пока еще только в мыслях. Как легко иные родители, раздраженные своей беспомощностью, хватаются за ремень. И тогда воспитание становится еще более трудным, мучительным — и для взрослого, и для ребенка.

Мы, как и вы, считаем, что дочь у вас неплохая, добрая. А главное, она по-своему, по-детски сама понимает, что ведет себя «не так». И даже искренне хочет измениться. Но проходят минуты раскаяния, и все продолжается по-старому.

О чем же это говорит? Ведь поступает она плохо не потому, что испорчена. И не меняет своего поведения не потому, что озлоблена или враждебно упряма. Тут дело в другом — само положение, в котором оказалась девочка, таково, что она не в состоянии с ним справиться.

Утром вы с мужем уходите на работу. Таня остается дома. В школу она идет во вторую смену. Таким образом, девятилетней девочке предстает одной, без взрослых, и достаточно разумно провести несколько долгих часов. За это время она должна: позавтракать, приготовить домашние задания, убрать квартиру, погулять, собраться в школу. Не правда ли, требуется немалое умение управлять собой, чтобы все это выполнить?

Дети, которые по своей натуре и характеру предшествующего воспитания подготовлены к такой самостоятельности, с этим справляются. Но Таня, видимо, не из их числа. И хотя она все понимает, но соблазны прежних детских радостей — игр и гулянья, фантазирования и свободного времяпрепровождения — оказываются сильнее ее...

Отсюда все и начинается. Разумный распорядок дня сломен.

Уроки остаются неприготовленными, домашние поручения — невыполненными, время для сбора в школу сорвано. От этого потом происходят неприятности. Чтобы защититься от них, девочка начинает лгать.

Ваши справедливые слова бьют мимо цели. И вы сами видите, почему. «Она привыкает к нашим речам, — пишете вы, — и все слабее реагирует на них». Нет, одними разъяснениями здесь не обойтись.

Опасный момент сейчас в вашей родительской жизни. Девочка «входит во вкус» вольного житья, уже сама стремится расширить его соблазнительные возможности.

Очевидно, условия чрезмерной самостоятельности и свободы, в которых оказалась девочка, пока для нее непосильны. Думается, что вы должны помочь дочери укрепить волевые качества, научить правильно действовать в условиях самостоятельности. Тане нужен контроль. Нужно руководство взрослого.

Помните, однако, руководство — не опека. Не так уж трудно добиться, чтобы в присутствии взрослого Таня все делала как следует и хорошо вела себя. Главное в другом — чтобы все это она научилась выполнять без вмешательства и даже присутствия взрослого. Тут требуется особая «тактика». Она заключается не только в том, чтобы помочь ребенку, когда он не умеет, показать — когда он не видит, потребовать — когда он уклоняется от исполнения. Еще более важно вовремя «отойти» от девочки, когда она сама начинает справляться с трудностями. Поощрить инициативу — когда она уже сама окажется способной находить лучший путь. Предоставить свободу выбора — когда она уже научится правильно выбирать. Так, последовательно, будет расширяться ее самостоятельность.

Давая эти советы, мы понимаем ваши бытовые трудности. Однако, по нашему мнению, случай настолько серьезен, что просто опасно подчиняться сложившимся обстоятельствам. Лучшим выходом была бы группа продленного дня в школе. Но так или иначе за Таней нужен глаз, ее нужно твердо и неуклонно приучать к ответственности за свои поступки.

что за правилом?

не таской, а лаской

С. ФАЙНБЕРГ,
кандидат медицинских наук

Существует немало общеизвестных правил воспитания детей, многократно повторяющихся в педагогической литературе, народных пословицах и поговорках: „Привычка — вторая натура“; „В семье должно быть единство требований“; „Выполняйте все обещания, данные детям“; „К каждому ребенку должен быть свой подход“ и т. д. и т. п. Одни из этих положений основаны на опыте предыдущих поколений, другие — на здравом смысле, третьи — на привычных представлениях, четвертые — на тех чувствах, которые мы испытываем к детям, пятые — на высказываниях авторитетных педагогов. В подавляющем большинстве эти положения бесспорно правильны; некоторые правильны лишь частично, при определенных условиях. Большинство родителей, если и не всегда выполняют их, то верят в их бесспорность, верят „на слово“; иные же отмахиваются от них, как от надоедливой говорильни. Наш цикл не случайно назван „Что за правилом?“ Мы надеемся показать читателям, что за каждым из этих правил стоят не только гуманистические доводы или житейский опыт, но и реальные биологические, физиологические, психологические механизмы и процессы. И нарушение этих правил — не только проступок против духа современного воспитания, но и противодействие законам природы. А природа, как известно, неуклонно мстит тем, кто нарушает ее законы. В нашем первом очерке пойдет речь о правиле, которое еще и сегодня является предметом споров, еще и сегодня имеет противников — если не в науке, то в житейском обиходе.

Одна из характернейших черт последнего столетия — отказ человечества от использования резких болевых воздействий в обучении, воспитании, обуздании, дрессировке.

Это характерно, хотя и в разной степени, для разных стран и народов и для самых различных сфер деятельности.

Исследователи обоснованно утверждают, что болевые методы не оправдали себя в уголовном наказании, не помогают при воспитании детей, затягивают дрессировку животных.

Между тем до этого все человечество тысячелетиями применяло именно болевые методы в обучении, в воспитании, обуздании, дрессировке.

В чем же дело?

Одни убеждены, что мы лишь в недавнее время поняли, что физическими наказаниями пользоваться нецелесообразно; другие считают, что мы просто стали добрее и что эта доброта до добра не доведет.

Давайте попробуем разобраться, в чем тут дело; разобраться спокойно, откинув, хотя это и не всегда легко, чувство жалости или негодования. Намеренно отвлечемся в данном случае от нравственных, социальных категорий и понятий, будем оперировать лишь законами и понятиями физиологии. Что же действеннее с этой точки зрения? Резкие или мягкие методы воздействия?

Что такое боль? В чем ее биологический смысл?

Боль есть сигнал острой опасности для организма, требующий немедленных и энергичных мер, чтобы избежать этой опасности сейчас и наперед остерегаться ее.

Лисенок схватил ежа, накололся на его иглы и на опыте усвоил, что хватать ежей нельзя; собака сунула лапу в огонь, обожглась и больше не сунется к печке или к костру. Боль есть биологически целесообразный сигнал.

Мы можем использовать болевое воздействие в своих целях: ударяем кнутом лошадь, и она бежит быстрее; ударяем плеткой собаку, пытающуюся схватить мясо со стола, и она перестает это делать.

Казалось бы, все очень просто: правы сторонники применения болевых воздействий в обучении и воспитании, и отказ от них — лишь дань жалости. Наказывая за нежелательные поступки и награждая за желательные, мы сможем управлять поведением ребенка; и чем резче будут наказания и награды, тем быстрее мы достигнем цели.

В глубине души иные так и смотрят на этот вопрос, и если не высказываются открыто, то лишь из-за страха быть обвиненными в «негуманности» и «ретроградстве».

Однако на самом деле проблема совсем не так проста, а решение вовсе не столь однозначно; иначе едва ли гуманные методы одержали бы столь решительную победу.

Вы хотите научить собаку просовывать лапу в круг и не просовывать в квадрат. Попробуете подкармливать ее, когда она протянет лапу в круг, и ударять ее, когда она потянется к квадрату. И тут, к своему удивлению, обнаруживаете, что ваш метод крайне неэффективен. Обучить собаку отличать круг от квадрата, применяя резкие болевые раздражители, будет куда труднее, чем если бы вы, подкармливая «за круг», просто отодвигали ее лапу от квадрата, не причиняя ей боли.

Дело в том, что собака, боясь получить удар «за квадрат», не будет протягивать лапу и к кругу.

Переходя на язык физиологии, мы скажем, что резкое болевое воздействие «за квадрат», разливаясь по соседним участкам коры мозга, «затормозит и круг», то

есть не даст возможности выработать тонкую дифференцировку.

Непрерывный социальный и технический прогресс требует все более тонкой дифференциации во всех видах трудовой деятельности, во всех аспектах обучения и поведения. В рабовладельческом обществе надсмотрщик, угрожая бичом, заставлял раба напрягаться при переноске камней для постройки, и этот метод воздействия приносил рабовладельцу выгоду. Нетрудно себе представить, какой результат получился бы при попытке стимулировать бичом трудоспособность рабочего при шлифовке оптической линзы или ученого во время решения сложной математической задачи. Именно это в первую очередь, а не соображения гуманности заставляло хозяев в капиталистическом обществе орудием эксплуатации сделать не бич, а рубль, так как слишком грубое воздействие не давало возможности выполнять тонкие трудовые процессы.

И суть процесса воспитания сегодня — это создание у ребенка сложной системы тонких дифференцированных навыков — навыков труда, учебной работы, поведения. Полагаться здесь на резкие методы воздействия — не только негуманно или несовременно, но и с точки зрения психофизиологии попросту бессмысленно.

Опыт показывает, что ребенка несравненно труднее обучить бытовым и трудовым навыкам, наказывая за ошибки, чем мягко поправляя. Ребенок, находящийся под страхом наказания за случайную ошибку, чаще всего ее и совершит.

Если вы пригрозите ребенку: «Принесешь еще раз двойку — попадет как следует!» — вы можете твердо рассчитывать, что, запуганный этой возможностью, он как раз и не сумеет сосредоточиться и принесет вам двойку.

Интересный эксперимент проведен в лаборатории эмоций, руководимой профессором П. В. Симоновым.

Человек выполнял работу, успех которой зависел от правильности его реакции на слабые звуковые сигналы. За пропуск сигналов в одной серии экспериментов «наказывался» он сам (наказание было безвредное, но достаточно неприятное), в другой серии — наказанию подвергался партнер по опытам. Оказалось, что почти все участники опыта волновались сильнее (степень волнения определялась по изменению пульса), когда наказание угрожало им самим, — и тем не менее различали сигналы хуже.

Этот эксперимент, на наш взгляд, еще одно подтверждение тому, что страх перед болью хотя и усиливает желание ее избежать, но мешает деятельности, требующей тонкой дифференцировки.

Итак, подытожим все сказанное. Болевое (и шире — резкое, шоковое) воздействие вызывает лишь целостные, не расчлененные по своей природе реакции ярости или страха. Сегодня при обучении от ребенка требуется прямо противоположное: способность к точному различению многообразных внешних сигналов, умение — столь же тонкое и точное — управлять своими действиями, своим поведением.

Это, в свою очередь, требует чрезвычайно тонкой дифференциации процессов возбуждения и торможения в коре головного мозга. А при разлитом, тотальном возбуждении, которое вызывает боль или страх, такая деятельность оказывается попросту невозможной. И потому они не могут быть оружием воспитателя. Сегодня его оружие — доброе или строгое слово, терпеливое, разумное воздействие, помощь, поддержка.

Как видите, принцип «Физические наказания недопустимы» — это не только педагогический или нравственный, но и неизбежный психофизиологический принцип. И тем, кто его нарушает, мы советуем запомнить, что они «воспитывают» в противоречии с природой.

„Телевидение и дети“

— тема эта попала
на газетные страницы и в планы
научных исследований.

Тема эта
наверняка интересует всякого,
у кого дома есть ребенок
и телевизор.

Наш журнал вводит новую рубрику —

„Телевидение и дети“

Беседа психолога,
советы врача,
слово писателя,
письмо матери,
«круглый стол»
по проблемам
учебного телевидения,
социологическое исследование,
обзоры детских передач —
все это вы найдете под рубрикой

„Телевидение и дети“

Сегодня мы обращаемся
к читателям журнала с просьбой:
пришлите свои соображения
и предложения.

Это позволит нам лучше и точнее
вести в журнале разговор на тему

„Телевидение и дети“

консультации

„семьи и школы“

В школе, где учится мой сын, первоклассники выводили первые палочки и крючки в тетрадах, которые почти ничем не отличаются от обычных — в них только прямые линейки. Кроме того, учительница требует, чтобы при написании слов ученики не отрывали перо от бумаги. Никакого нажима и закруглений они не соблюдают. Правильно ли это? Мне бы хотелось, чтобы у сына был красивый, четкий почерк.

И. ГЛЕБОВА
Сахалинская область

Уважаемая товарищ Глебова! Графика письма, которой обучали в школе до недавнего времени, пришла в некоторое противоречие с массовой практикой письма и с запросами сегодняшней школы.

Учителя не всегда имели возможность выработать у детей прочные навыки письма: только научат их писать по косой сетке, как надо переходить на две линии с редкими наклонными, а затем на одну линию.

Первоклассники много времени и усилий тратили на освоение сложных элементов букв — закруглений, волосных и планевидных линий.

Но вся эта работа пропадала впустую, так как уже в пятом классе учащиеся вынуждены писать быстрее, и, естественно, они не могут соблюдать тех правил каллиграфического письма, к которым их так старательно приучали в начальной школе.

Как же лучше учить письму? Этот вопрос широко обсуждался в педагогической печати. Специалисты разработали новую методику обучения письму. В течение нескольких лет она проверялась в школах Российской Федерации, а также в ряде союзных республик.

С 1969/70 учебного года Министерство просвещения РСФСР разрешило вводить в школах новую систему обучения письму. Она предполагает безнажимное, безотрывное письмо с использованием упрощенного шрифта алфавита.

В основу шрифта положен классический письменный алфавит с учетом изменений, которые вносятся в начертания букв при скорописи.

Наблюдения показали, что при безнажимном письме быстрее вырабатываются устойчивые навыки письма: правильный наклон, ритмичность, плавность, то есть формируется почерк.

Благодаря простоте начертаний букв учитель имеет возможность быстрее переходить к написанию слов, предложений, активизировать мыслительную деятельность учащихся.

Специально разработанные методические приемы обучения письму способствуют выработке скорописи. Это дает возможность учителю более рационально и эффективно использовать время урока, в частности увеличить количество упражнений. При измененной системе письма во многих случаях дети быстрее, чем раньше, осваивают чтение, пишут грамотнее.

Правильный наклон букв зависит главным образом от положения тетради и от того, как сидит ученик за партой, поэтому в тетрадах для первого класса и откажутся от косых линий.

Школам разрешено использовать новую систему обучения письму только в том случае, если сам учитель хорошо овладел методикой и все учащиеся обеспечены тетрадами с разливочкой в две линии (расстояние между ними в 4 миллиметра определяет высоту букв) и новыми прописями (авторы Е. Н. Соколова и

Ф. Г. Голованова). В остальных случаях пока обучение проводится по прежней традиционной системе.

Имеются все основания считать, что, используя новую систему обучения, которая одобрена Институтом русского языка и Институтом славяноведения АН СССР, мы сумеем выработать у школьников правильный, красивый, четкий и устойчивый почерк.

М. ВАСИЛЬЕВА,
методист
Программно-методического
управления Министерства
просвещения РСФСР

Аа Ъъ Ввв
Гг Дд Ее
Ёё Жж Зз
Иий Кк
Лл Мм Нн
Ооо Пп
Рр Сс Тт
Уу Фф Хх
Цц Чч Шш
Щщ ь ы ьб
Ээ Ююю Яя
1234567890

Моей внучке четыре года, но она уже знает все буквы и просит, чтобы мы учили ее читать. Можно ли это делать сейчас или подождать, когда она подрастет? И надо ли делать эти занятия обязательными?

М. ИГНАТОВА
Крымская область

Уважаемая товарищ Игнатова! Разрешите начать ответ изда-лека. Вы, наверное, знаете: сей-час везде в большом ходу кибер-нетические устройства и киберне-тические идеи. Среди этих идей есть одна, как будто очень про-стая: идея обратной связи.

Без обратной связи, вообще говоря, не мыслимо ни одно наше действие. Если мы протягиваем руку за стаканом воды, обратная связь нам обеспечена прикоснове-нием к нему, ощущением этого предмета в ладони. Если мы бес-едуем со знакомым, его взгляд, мимика, реплики постоянно пока-зывают нам, как он принимает и понимает наши слова. Это тоже обратная связь.

Хорошо, а причем тут ваш во-прос?

Сегодня известны тысячи слу-чаев раннего обучения детей и грамоте, и математике, и чужому языку. Уже и в три года начинали это, и в четыре. Иногда — как пе-дагогический эксперимент, и за-нимались этим делом дипломиро-ванные педагоги и психологи, а иногда папы и мамы безо всякой науки (казалось бы) добивались, что их дитя в четыре года сво-бодно читало на родном языке. Были случаи, когда такое обуче-ние дорого обходилось малень-кому человечку: возникали нерв-ные расстройства, истощение моз-га, даже задержки умственного развития. Но это редкие случаи, обычно же все проходило благо-

получно. Это и не удивительно — ребенок учится с первых лет «играючи» запоминает и усваи-вает великое множество знаний.

Но есть одно ограничение. В три-четыре года ребенок при-вык знакомиться с окружающим миром так, как ему удобней. Он и в рот все сует не от голода, а пощупать, как осязается губами новый предмет. Он и обследует все вещи под столом и под кро-ватью не потому, что хочет выво-зиться в пыли: ему интересно, что «с той стороны». И когда стар-шие пресекают его попытки, вспомните, сколько горя и рыда-ний обычно бывает... Короче го-воря, ребенок в раннем возрасте не может учиться принудительно. Всем известный школьный воз-раст — 7 лет — определен не во-обще способностью принимать но-вые знания (она проявляется практически вместе со связной речью), а способностью терпения, способностью делать то, что нуж-но. Тут, конечно, другой во-прос — как воспитывать эту спо-собность; она тоже в 7 лет разная у детей и зависит больше всего от предвзятых усилий родите-лей.

Однако остается бесспорным: все удачные попытки раннего обучения основаны на умении превратить учебу в удовольствие для ребенка. Он сам должен под-ходить к взрослому и показывать новые выученные им буквы. Он сам должен напоминать, что сего-дня с ним не занимались, и тре-бовать этого. Как добиться такого положения? Ясно — сделать обу-чение интересным, поддерживать и поощрять малейший шаг впе-ред. И никакого принуждения, ни-какого понукания!

Иными словами: если вы хотите знать, можно ли учить вашего ре-бенка читать, — спрашивайте у

самого ребенка! Только не слова-ми спрашивайте, а делом. Приглы-дитесь, что особенно интересует девочку, и постарайтесь каким-то образом соединить эти интересы с предполагаемым обучением. На-чните показывать, рассказывать. Затем прекратите, на день, дру-гой, третий. Малышка не напоми-нает вам сама, не просит идти дальше?.. Значит, вы в чем-то оплошали — подумайте и поста-райтесь начать по-другому. Опять то же самое? Сделайте третью по-пытку. Снова неудача?.. Ну уж тогда надо обождать — либо ре-бенок не готов, либо вы сами.

Следовательно, все дело в об-ратной связи: можете пытаться учить дитя чему угодно, в любом возрасте, но держите обратную связь! Ребенок зевает, отвлекает-ся, пытается удрать от вас? Вот вам верный признак неблагополу-чия. Немедленно прекращайте де-ло и не позволяйте себе думать, что малыш в чем-то виноват, «не дозрел», «надо его приучать». Нет, это вы в чем-то не дозрели, вино-ваты, вам надо придумать что-то иное. Обратная связь недвусмы-сленно указывает на это.

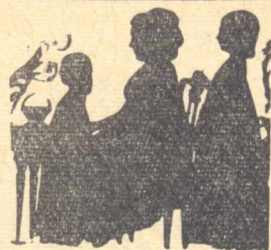
О первом приучении детей в семье к музыке или спорту, гра-моте или языкам есть много по-пулярных книг. Там рекомендуют-ся разные методы и подходы. Прежде чем пускать их в ход, стоит примерить — подходят ли они к вашему характеру, привыч-кам, темпераменту и опыту. Но главное — не в конкретных спосо-бах и методах, а в зоркости, в постоянном поглядывании на «объект воспитания»: Как идет дело? Все ли в порядке? Никто вам не скажет этого лучше, чем сам ребенок всем своим поведе-нием.

Ф. ИППОЛИТОВ,
кандидат педагогических наук

*из педагогического
наследия*

жан-жак руссо
эмиль,
или о воспитании

11 июля 1762 года на одной из парижских площадей был приведен в исполнение очередной приговор городского парламента (суда). Палач торжественно бросил в огонь преступное сочинение под названием «Эмиль». Сожжение книги никого удивить не могло. Такое случалось нередко. Удивительным могло показаться лишь то, что на этот раз на костер был отправлен не злободневный памфлет, а роман о воспитании. Поговаривали, что хорошо было бы заодно сжечь и самого автора, но он, увы, был далеко. Тайком перебираясь из одной швейцарской деревни в другую, ежеминутно опасаясь нападения возбужденной церковниками черни, он имел причины поразмыслить о превратности судьбы, в недолгий срок превратившей его, известного писателя и друга высоких особ, в повсеместного изгнанника.

Так начались новые (какие по счету?) скитания Жан-Жака Руссо, одного из самых замечательных и странных людей не бедного человеческого оригинальностью XVIII века.

Жан-Жак Руссо родился 28 июня 1712 года в Женеве, в семье часовщика. Первые детские годы мальчика были на редкость безоблачными и счастливыми. Сначала в отчем доме, а потом в семье дяди Жан-Жак проводит дни в беззаботных играх и простительных шалостях, жадно слушает рассказы и чтение взрослых, а вскоре (он очень рано научился грамоте) и сам зачитывается Плутархом и Тацитом. Все переменялось в один день — тот самый, когда Жан-Жака впервые несправедливо наказали за проступок, которого он не совершал.

Тем, кто хотел бы знать, надолго ли памятно детское горе, надо перечитать рассказывающие об этом дне страницы «Исповеди». На склоне лет, отделившись громадами пережитого, Руссо пишет об этом так, словно все было только вчера, словно боль не отошла, не утихла. Какой же она была в первую минуту, если целая жизнь не стерла, не сгладила ее...

Вскоре мальчика отдают в ученье к граверу. Но дело не пошло — Жан-Жак хоть и интересуется ремеслом, но гораздо больше времени отдает добываемым тайком книгам да шалостям — уже далеко не безобидным. В конце концов, когда однажды перед припозднившейся компанией подростков заперли городские ворота, Жан-Жак решает и вовсе не возвращаться в Женеву. Начинаются скитания. Он перебирается во Францию, потом в Италию, потом снова во Францию, служит где придется и кем придется — лакеем, домашним секретарем, учителем, переписчиком нот.

В 1741 году Руссо попадает в Париж, ему удается познакомиться с Вольтером, Дидро, д'Аламбером. Он становится своим в литературных и светских салонах — но так, на вторых ролях — то ли гость, то ли бедняк, ищущий покровительства. Годы идут, ему уже 37...

Как всегда в его жизни, перемена наступает неожиданно. Отправившись на свидание с Дидро, который за очередное свое сочинение отбывал положенное в Венсенском замке, Руссо случайно замечает в захваченной на дорогу газете объявление о конкурсе Дижонской Академии. Тема конкурсного сочинения «Способствовали ли науки и искусства очищению нравов?».

...Несколько месяцев — и вот уже «вся Франция» только и говорит: «Этот Руссо...» Не зря: трактат содержал вывод, который и нас сегодня может поразить, — «нет, не способствовали».

Уже в этом, первом сочинении отразилась самая суть его личности. Застенчивый, непостоянный, робкий в обыденной жизни, он был на редкость неустраним и последователен в сфере мысли. Уверенный в правоте

исходной посылки, он неизменно шел в своих суждениях до конца, даже если конечные выводы, казалось бы, противоречили общепринятому здравому смыслу. Так и в «Рассуждении о науках и искусствах» исходной для Руссо была мысль о противоположности человеческого неравенства; он находил основание утверждать, что науки и искусства не ведут к его уменьшению. И следовательно... Но на посылку не все обратили внимание; вывод же был замечен — в ту эпоху любили парадоксы.

На несколько лет для Руссо наступает пора безоблачной славы. Однако многое смущает поклонников, да и друзей: его странная привязанность к Терезе Левассер, простой служанке, его внешний облик (в светских салонах он появляется одетым, как мелкий ремесленник), его упорный отказ от денежной помощи высочайших особ (он по-прежнему предпочитает зарабатывать на жизнь перепиской нот). И когда начинается преследование «Эмиля», он с горьким изумлением обнаруживает, что единомышленников у него немного, а друзей и вовсе нет.

Однако пора сказать о том, какова была эта книга, в гневе на которую объединились католики и протестанты, которую после пугачевского восстания сочли необходимым запретить «просвещеннейшая» Екатерина II.

«Эмиль» — и роман, и педагогический трактат. Рассказывая историю жизни идеального воспитанника, Руссо одновременно дает программу идеальному воспитателю. Но прежде всего — спор. Церковь утверждала — человек от рождения испорчен, на нем — проклятие первородного греха; Руссо заявляет — человек от природы добр и совершенен. Воспитание должно сообразовываться с тем, к какому сословию принадлежит ребенок? Нет, требует Руссо, всегда и прежде всего воспитывайте человека. Труд — удел низших сословий? Нет, доказывает Руссо, это долг каждого и необходимейшее условие воспитания. Так, камень за камнем разрушает Руссо основы традиционного воспитания и воздвигает на обломках здание новой педагогики. Уже современники замечали, что здание это смахивает на хрустальный замок из сказки; упреки в утопизме и нежизненности с тех пор не смолкают уже два столетия. Что же, бесспорно — нельзя всерьез видеть в «Эмиле» практическую программу воспитания; в таком естестве она нереальна для любой эпохи. Книгу эту надо рассматривать скорее, говоря по-современному, как «модель», как «идеальную схему» воспитания, неустранимо логично выведенную из немногих главных оснований. И хотя попытки горячих поклонников Руссо применить его систему на практике неизменно кончались конфузом, сами эти основания (во всяком случае, многие из них) стали краеугольными камнями, на которых основывалась последующая педагогика. Не будем говорить о ближайших (по времени) его последователях, о Базедове, или Песталоцци, или даже о Толстом. Обратимся к эпохе гораздо более близкой.

Убедительную оценку тому, сколь важны суждения Руссо о роли и характере труда при воспитании, мы находим в книге Н. К. Крупской «Народное образование и демократия».

Наши читатели познакомятся сегодня с отрывками из второй части «Эмиля». Меньше всего хотелось, чтобы они увидели в этих отрывках лишь ряд практических советов. За два столетия наши знания о ребенке выросли неизмеримо, и многое в суждениях Руссо и неисклюшенному читателю покажется наивным. Но дух, пронизывающий эту книгу, которую можно назвать «декларацией прав ребенка», не должен быть нам безразличен.

1. За младенчеством следует второй период жизни.

2. Когда дети начинают говорить, они уже меньше плачут. Это естественный шаг вперед; один язык заменяется другим. Раз они могут высказать словами, что страдают, зачем же им выражать это криками, если только боль не настолько сильна, что ее не выразить словами? Если дети продолжают и после этого плакать, это вина лиц, их окружающих. Как только Эмиль хоть раз скажет: «Мне

больно», — то разве уж только самые сильные боли могут заставить его плакать.

3. Если ребенок слаб и чувствителен, если от природы склонен кричать ни с того ни с сего, то, делая эти крики бесполезными и ни к чему не ведущими, я скоро уничтожаю и самый их источник. Пока он плачет, я не иду к нему, и бегу, лишь только он смолкнет; скоро, чтобы позвать меня, он станет молчать или — самое большее — подаст только голос.

4. Если он упадет, ушибет голову, разобьет до крови нос или обрежет пальцы, я, вместо того чтобы с испуганным видом суесться около него, останусь спокойным, по крайней мере, на некоторое время. Беда случилась — необходимо, чтобы он перенес ее; всякая суестьливость с моей стороны только еще более напугала бы его и усилила бы ощущение боли. Когда поранишь себя, то в сущности мучит не столько сама рана, сколько страх. Я избавлю его, по крайней мере, от этого последнего страдания, ибо о своей беде он будет судить непременно так, как, по его взгляду, я сужу: если он видит, что я тревожно подбегаю, утешаю его и жалею, он сочтет себя погибшим; если же он видит, что я сохраняю хладнокровие, он скоро и сам ободрится и, когда перестанет чувствовать боль, будет уверен, что он исцелен. В этом именно возрасте мы берем первые уроки мужества и, переноса без страха легкие боли, постепенно учимся выносить и сильные.

5. Я не только не старался бы предохранить Эмиля от ушибов, но был бы очень недоволен, если бы он никогда не ушибался и рос, не зная боли. Страдание — это первая вещь, которой он должен научиться, и это умение ему понадобится больше всего. Можно, пожалуй, подумать, что дети для того и бывают малы и слабы, чтобы без всякой опасности брать эти важные уроки. Если ребенок полетит на пол, он не сломит ноги; если ударит себя палкой, не переломит руки; если схватит острый нож, то сожмет его слабо и неглубоко порежет себя. Я не слышал, чтобы на свободе дети убивались когда-нибудь до смерти, калечили себя или нанесли себе значительную рану, если только безрассудно не оставляли их на краю возвышения, одних около огня или с опасными по близости инструментами. Что после этого сказать о том арсенале орудий, который собирают вокруг ребенка с целью всячески оградить его от боли, так что, ставши взрослым, он остается во власти боли, лишенный мужества и опыта, при первой царапине считает себя умирающим и падает в обморок при виде первой капли своей крови?

7. У Эмиля не будет ни особых шапочек, ни корзин на колесах, ни тележек, ни помочей; по крайней мере, лишь только он научится переступать с ноги на ногу, его будут поддерживать только на мостовой и то для

того, чтобы поспешно ее пройти. Вместо того чтобы оставлять его копытеть в испорченном воздухе комнаты, пусть выводят его ежедневно на луг. Пусть он там бегает, резвится, пусть падает хоть сто раз в день — тем лучше для него: он скорее научится подниматься. Приятное чувство свободы выкупает собой много ран. Мой воспитанник часто будет ушибаться, но зато он будет всегда весел; если ваши ушибаются реже, зато они всегда стеснены, всегда на привязи, всегда скучны. Сомневаюсь, чтобы выгода была на их стороне.

8. Другая сторона развития дает детям еще меньше поводов жаловаться — я говорю о развитии их сил. Чем больше они могут сделать сами по себе, тем реже они нуждаются в помощи другого. Вместе с силой развивается знание, которое дает им возможность управлять ею. На этой именно второй ступени начинается собственная жизнь личности: тут она начинает сознавать самое себя. Память распространяет чувство торжества на все моменты ее существования. Она делается истинно единой, одной и той же, а следовательно, способной ощущать счастье и горе. Пора, значит, смотреть на ребенка как на нравственное существо...

11. Люди, будьте человечны! Это ваш первый долг. Будьте такими по отношению ко всякому состоянию, всякому возрасту, во всем, что только не чуждо человеку! Разве есть какая-нибудь мудрость для вас вне человечности? Любите детство, будьте внимательны к его играм и забавам, к его милому инстинкту! Кто из вас не жалел подчас о том возрасте, когда улыбка не сходит с уст, когда душа наслаждается постоянно миром? Зачем хотите вы отнять у этих невинных малюток возможность пользоваться временем, столь кратким и столь быстро от них утекающим, этим драгоценным благом, злоупотреблять которым они еще не умеют? Для чего вы хотите наполнить горестью и страданиями первые годы, которые мчатся так быстро и не возвратятся уже для них, как не могут возвратиться и для вас?..

33. Мудрый человек умеет оставаться на своем месте; но ребенок, не знающий своего места, не сумел бы на нем и держаться. Он имеет среди нас тысячу лазеек, чтобы выйти из него: обязанность руководителей — удерживать его, а это нелегкая задача. Он должен быть не зверем, не взрослым, а ребенком; нужно, чтобы он чувствовал свою слабость и не страдал от нее; нужно, чтобы он зависел, а не слепо повиновался; нужно, чтобы он просил, а не приказывал. Он подчинен другим только вследствие своих нужд и вследствие того, что они видят лучше его, что ему полезно, что может содействовать или вредить его самосохранению. Никто, даже отец, не имеет права приказывать ребенку то, что ему ни за что не нужно...

43. Знаете ли, какой самый верный способ сделать вашего ребенка несчастным? Это приучить его не встречать ни в чем отказа; так как желания его постоянно будут возрастать вследствие легкости удовлетворения их, то рано или поздно невозможность вынудит вас, помимо вашей воли, прибегнуть к отказу, и эти непривычные отказы принесут ему больше мучений, чем самое лишение того, чего он желает...

45. Как представить, чтобы ребенок, обуреваемый, таким образом, гневом и пожираемый самыми раздражающими страстями, мог быть когда-нибудь счастлив? Какое уж тут счастье! Это деспот, это в то же время самый низкий из рабов, самая жалкая из тварей. Я видел детей, воспитанных таким образом; они желали, чтобы им плечом своротили с места дом, чтобы дали петуха, которого они видели на шпике колокольни, чтобы остановили шествие полка и дали им подольше послушать барабанный бой, и, если не спешили им повиноваться, они оглашали криками воздух, не желая никого слушать.

46. Если это сознание власти делает их несчастными с самого детства, что же будет, когда они вырастут, когда их сношения с другими людьми начнут расширяться и умножаться? Привыкнув видеть, что все перед ними склоняется, как они будут изумлены, когда при вступлении в свет почувствуют, что все им противятся, и когда они окажутся подавленными тяжестью этой вселенной, которую думали двигать по своей воле!

Их заносчивый вид, их мелкое тщеславие навле-

кают на них одни оскорбления, презрение и насмешки; обиды сыплются на них градом; жестокие испытания скоро научают их, что они не знакомы ни со своим положением, ни со своими силами; не будучи в состоянии сделать все, они наконец приходят к мысли, что не могут сделать ничего. Все эти непривычные препятствия отнимают у них энергию, все это презрение заставляет их потерять себе цену; они становятся вялыми, робкими, заискивающими и падают настолько ниже самих себя, насколько выше хотели подняться...

50. Возвратимся к практической стороне. Я сказал уже, что ребенок ваш должен получать не в силу того, что он требует, но в силу того, что нуждается, должен делать не в силу послушания, но исключительно в силу необходимости; таким образом, слова «повиноваться» и «приказывать» будут вычеркнуты из их словаря, а тем более слова «долг» и «обязанность»; зато слова «сила», «необходимость», «невозможность», «неизбежность» должны занимать в нем видное место.

51. ...Из всех способностей человека разум, представляющий собой, так сказать, объединение всех других, развивается труднее всего и позже всего, а им-то и хотят воспользоваться для развития первых способностей! Верх искусства при хорошем воспитании — сделать человека разумным, а тут претендуют воспитывать ребенка с помощью разума! Это значит начинать с конца, из работы делать инструмент, нужный для этой работы. Если бы дети слушались голоса разума, они не нуждались бы в воспитании...

56. Обращайтесь с вашим воспитанником сообразно с его возрастом. Поставьте прежде всего его на должное место и умейте удержать на нем так искусно, чтобы он не пытался покинуть его. Тогда, не зная еще, что такое мудрость, он на практике получит самый важный урок ее. Никогда не приказывайте ему — ничего в свете, решительно ничего! Не допускайте в нем даже представления, что вы претендуете на какую-нибудь власть над ним. Пусть он знает только, что он слаб и что вы сильны, что, по взаимному вашему положению, он необходимо зависит от вас. Пусть он это знает, пусть научится этому, пусть чувствует это; пусть с ранних пор чувствует над своей гордо поднятой головой жестокое иго, налагаемое на человека природой, тяжелое иго необходимости, под которым должно склониться всякое ограниченное существо. Пусть он видит эту необходимость в вещах, а не в капризе людей; пусть уздой, его удерживающей, будет сила, а не власть. Не запрещайте ему того, от чего он должен воздерживаться; поставьте ему только препятствия, без объяснений, без рассуждений; что ему позволяете, позволяйте с первого слова, без упрашивания, без просьб и особенно без условий.

Дозволяйте с удовольствием, отказывайте лишь с сожалением; но все отказы ваши пусть будут бесповоротны, пусть не колеблет вас никакая настойчивость; пусть сказанное вами «нет» будет медной стеной, так, чтобы, испытав раз пять-шесть над ней свои силы, ребенок не пытался уже опрокинуть ее.

57. Таким именно способом вы сделаете его терпеливым, ровным, безропотным, смиренным — даже тогда, когда он не получит желаемого, ибо это лежит в природе человека — терпеливо переносить неизбежность вещей, но не сумасбродную волю другого. Слова «Нет больше» — вот ответ, против которого никогда не восставал ребенок, если только не считал его ложью...

62. Примем за неоспоримое правило, что первые природные движения всегда правдивы: в сердце человеческого нет исконной спорченности; в нем не находится ни одного порока, о котором нельзя было бы сказать, как и откуда он туда проник. Единственная страсть, прирожденная человеку, — это любовь к самому себе, или самолюбие, в обширном смысле слова. Это самолюбие само по себе, т. е. по отношению к нам самим, хорошо и полезно; а так как оно не предполагает того или иного необходимого отношения к другим, то и с этой стороны оно безразлично; дурным или хорошим оно делается лишь вследствие применения, которое дают ему, и отношений, в которые ставят его. Пока не явится руководитель самолюбия — разум, необходимо, значит, чтобы ребенок ничего не делал потому только, что его видят или слышат, — словом, ничего не делал из-за других, но делал лишь то, чего требует от него природа, и тогда он ничего не сделает нехорошего.

63. Я не говорю, что он никогда не наделает беспорядка, не поранит себя, не слмает, может быть, дорогой мебели, если она случится у него под руками. Он может наделает много дурного, не сделав ничего злого, потому что злой поступок обуславливается намерением повредить, а он никогда не будет иметь этого намерения. Если бы он хоть раз возмел его, все было бы уже потеряно: он был бы злым почти безвозвратно...

72. Помните, что, прежде чем вы осмелитесь взяться за формирование человека, вам самим нужно сделаться людьми; нужно, чтобы в вас самих был образец, которому тот должен следовать. Пока еще ребенок несознательно относится к окружающему, есть время все подготавливать так, чтобы первые взоры он бросал только на такие предметы, которые следует ему видеть...

75. Перестаньте обвинять других в своих собственных ошибках: зло, которое видят дети, меньше портит их, чем то, которому вы их научаете. Вечные проповедники, вечные моралисты и педанты, вы за одну идею, которую даете, считая ее хорошей, наделяете их сразу двадцатью другими, никуда не годными; поглощенные тем, что происходит в вашей голове, вы не видите действия, производимого вами на их головы. Неужели вы думаете, что в длинном потоке слов, непрестанно вами извергаемых, нет ни одного ложно понятого ими? Неужели вы думаете, что они не комментируют на свой лад ваших многоречивых объяснений и не найдут в них материала для составления своей системы, доступной их пониманию, которую сумеют при случае выставить против вас?..

92. Неугомонный ребенок ваш портит все, до чего ни дотронется. Вы не должны сердиться: удалите только с глаз долой все, что он может испортить. Он ломает свою мебель — не торопитесь заменить ее новой: дайте ему почувствовать вред лишения. Он бьет окна в своей комнате: пусть на него ночь и день дует ветер, — не бойтесь, что он получит насморк: лучше ему быть с насморком, чем безумным. Никогда не жалуйтесь на неудобства, которые он вам причиняет, но постарайтесь, чтобы он первый почувствовал их...

94. Я уже достаточно доказывал, что наказание никогда не следует налагать на детей как наказание, что оно должно всегда являться естественным последствием их дурного поступка. Итак, не гремите красноречием против лжи, не наказывайте детей прямо за то, что они солгали; но сделайте так, чтобы если они солгали, то на их голову пали и все дурные последствия лжи, которая ведет к тому, например, что нам совсем не верят, когда мы говорим правду, или,

несмотря на все наши оправдания, обвиняют в дурном поступке, которого мы не совершили.

105. Наставники! Бросьте кривлянье, будьте добродетельны и добры; пусть примеры ваши запечатлеются в памяти воспитанников ваших, в ожидании, пока не проникнут в сердца. Вместо того чтобы спешить требовать от моего воспитанника дел милосердия, я лучше сам буду совершать их в его присутствии и отниму у него даже возможность подражать мне в этом; такая честь ему не по летам; ибо важно, чтобы он не привыкал смотреть на человеческие обязанности только как на обязанности детские...

148. Если ничего не должно требовать от детей ради послушания, то отсюда следует, что нельзя учить их ничему такому, в чем они не видят действительного и непосредственного интереса для себя — удовольствия или пользы; иначе, какой мотив побудит их учиться? Искусство говорить с отсутствующими и слушать их, искусство делиться с ними издали, без посредника, своими чувствами, желаниями и помыслами — это такое искусство, полезность которого может быть ощутительной для каждого возраста. Каким же чудом это столь полезное и приятное искусство стало мукой для детей? Причина та, что их принуждают заниматься им против желания и делают из него такое употребление, в котором дети ничего не понимают. Ребенок не очень заинтересован в том, чтобы совершенствовать орудие, которым его мучат; но сделайте так, чтобы это орудие служило для его удовольствий, и он скоро будет заниматься помимо вашего старания.

149. Немало хлопочут найти лучшие методы для обучения чтению: придумывают конторки, карточки; комнату ребенка превращают в мастерскую типографии. Локк хочет, чтобы ребенок учился читать по игральным костям. Не правда ли, какое прекрасное изобретение? Какая жалость к ребенку! Но есть средство более верное, чем все это, средство, о котором всегда забывают; это — желание учиться. Внушите ребенку это желание и затем оставьте в покое ваши конторки и игральные кости — всякая метода будет хороша для него.

150. Непосредственный интерес — вот великий двигатель, единственный, который ведет верно и далеко. Эмиль получает иной раз от отца, родных или друзей записки с приглашением на обед, прогулку, катанье на лодке, с приглашением посмотреть какой-нибудь общественный праздник. Записки эти коротки, ясны, отчетливо и хорошо написаны. Нужно найти кого-нибудь, кто бы прочел их; такого человека не всегда найдешь в данное время или он мало склонен к услуге за вчерашнюю услужливость ребенка. Таким образом, случай, момент проходит. Наконец ему читают записку, но уже поздно.

Ах, если бы он сам умел читать! Получают еще записки: они так коротки! Содержание так интересно! Хотелось бы попробовать разобрать их; другие то помогают, то отказывают. Ребенок напрягает силы, наконец разбирает половину записки: дело идет о том, что завтра предстоит есть крем... Но где и с кем? Сколько тратьется усилий, чтобы прочитать и остальное! Я не думаю, чтобы Эмилю понадобилась конторка. Стоит ли говорить теперь о письме? Нет, мне стыдно пробавляться такими пустяками в трактате о воспитании...

156. Жалкое заблуждение — воображать, что телесные упражнения вредят умственным занятиям! Как будто эти два дела не должны идти рядом, как будто одним не должно всегда направляться другое!..

200. Детям нужен продолжительный сон, потому что они непрерывно в движении. Одно служит восстановительным средством для другого: потому-то мы видим, что они нуждаются в том и другом. Время отдыха — ночь, оно указано природой. Постоянно наблюдается, что сон бывает более покойным и сладким, пока солнце за горизонтом, а когда воздух разгорячен его лучами, он не дает нашим чувствам такого полного покоя. Таким образом, наиболее здоровой была бы, конечно, привычка вставать и ложиться вместе с солнцем. Отсюда следует, что в наших климатах человеку и всем животным нужно вообще зимой больше спать, чем летом. Но гражданская жизнь не настолько проста и естественна, не настолько ограждена от перемен и случайностей, чтобы следовало приучать человека к этому единообразию, пока оно не станет для него необходимым. Нужно, разумеется, подчиняться правилам; но первым правилом должна быть возможность без риска нарушать их, когда придет необходимость. Не вздумайте поэтому безрассудно изнеживать нашего воспитанника продолжительностью покойного, ничем никогда не нарушаемого сна. Предоставляйте его прежде всего, без всякого стеснения, закону природы; но не забывайте, что в нашей среде он должен быть выше этого закона, что он должен уметь без вреда для себя лечь поздно, встать рано, неожиданно быть разбуженным, проводить ночи на ногах. Если взяться за дело раньше, если идти вперед всегда осторожно и постепенно, то можно приучить темперамент к тем самым вещам, которые были бы для него разрушительными, если бы он подвергся им после полного уже своего развития.

201. Важно приучиться прежде всего к жесткой постели: это лучшее средство не находить потом ни одну постель дурной. Вообще суровая жизнь, раз обратившись в привычку, увеличивает число приятных ощущений; жизнь изнеженная подготавливает бесчисленную массу неприятностей. Люди, воспитанные слишком нежно, могут заснуть лишь на пуху; люди привыкшие спать на досках, заснут где угодно; кто, ложась спать, сейчас же засыпает, для того нет жесткой постели...

207. ...Если нам придется заметить — а это бывает редко — в каком-нибудь вялом ребенке склонность предаваться лени, то мы должны не поощрять эту склонность, которая может совершенно его притупить, но противопоставить ей какой-нибудь стимул, который возбуждал бы ребенка. Понятно, что речь идет не о насильственном принуждении к действию, а о том, чтобы расшевелить его, вызвав в нем какое-нибудь желание, ведущее к цели; и если это желание выбрано с толком и соответствует порядку природы, то оно сразу приводит нас к двум целям...

304. Итак, предположив, что моя метода есть метода природы и что я не ошибся в применении ее, мы привели нашего воспитанника через область ощущений к крайним пределам детского рассудка: первый шаг, который мы сделаем дальше, должен быть уже шагом взрослого.

ПРЕДСТАВЛЯЕМ: «КВАНТ»

ИЗДАНИЕ 1

1

новый журнал для школьников

Академия наук СССР и Академия педагогических наук СССР начали издание нового ежемесячного научно-популярного физико-математического журнала для старших школьников. Журнал называется «Квант». Его основная задача — удовлетворить растущий интерес школьников к проблемам физики, математики, кибернетики и астрономии.

В первую очередь журнал рассчитан на тех, кто уже увлекся физикой и математикой, посещает факультативные занятия, работает в школьном кружке или учится в физико-математической школе. Но в «Кванте» будет немало интересного и для тех школьников, которые еще не определили свой выбор.

«Квант» будет знакомить с современными достижениями науки и ее нерешенными проблемами, с историей великих открытий, регулярно публиковать статьи, расширяющие и углубляющие различные разделы школьной программы, показывающие их в новом, неожиданном для учащихся свете. В журнале будет много задач разной степени трудности. Специальный раздел отводится подготовке к вступительным экзаменам в вузы. Будет также отдел до-

машнего и школьного эксперимента. Часть своих страниц журнал предоставит самим учащимся. Там будут помещаться предложенные ими вопросы, задачи, опыты.

Авторы журнала «Квант» — известные советские и зарубежные ученые и педагоги.

Хотя журнал «Квант» адресован учащимся старших классов, он, безусловно, будет иметь и других читателей — учителей средней школы, студентов педагогических вузов и просто любителей математики и физики.

Академик И. КИКОИН,
главный редактор журнала «Квант»

2

закон инерции, гелиоцентрическая система и развитие науки

Характер развития науки драматичен. Но на большом историческом расстоянии даже крупные мазки на полотне науки сливаются, противоречия становятся незаметны и развитие науки кажется последовательным, строго логичным и все время направленным в одну сторону. На малом расстоянии наука понятна только профессионалам, а безусловно истинными кажутся сегодняшние представления. Поэтому, чтобы увидеть характер развития науки, расцвет и — такое тоже бывает — угасание отдельных ее областей, увидеть драмы идей, характеров, убеждений, надо всмотреться в ту науку, которая уже стала историей и понятна до конца — превратилась из арены битв в школьную прописную истину. Тогда, быть может, удастся по-новому и правильнее представить себе сегодняшний день науки.

Очень удобно проследить в этом отношении путь, который привел к открытию закона инерции. В школьном изложении этот закон выглядит очевидным и примитивным, и непонятно, почему для его открытия понадобился гений Галилея, Декарта и Ньютона.

Между тем закон инерции — один из величайших и, в соответствии с этим, один из самых глубоких, а поэтому и самых безумных законов физики.

Один из величайших — ибо он поистине универсален, будучи справедливым как для электронов, так и для галактик. Его не поколебала ни одна из революций естествознания XX века: ни теория относительности, ни квантовая механика.

Причина такой устойчивости закона инерции — в его глубине. Он потому и справедлив для всех без исключения объектов, что связан не со специфическими свойствами объектов, а с фундаментальными свойствами пространства и времени: с однородностью и изотропией пространства (то есть с эквивалентностью любых мест и направлений в пустом пространстве) и однородностью времени (то есть эквивалентностью любых моментов времени). В самом деле, если бы материальная точка, движущаяся по инерции, то есть не взаимодействующая со всем остальным миром, изменила, например, направление

своего движения, это могло бы означать только одно: неэквивалентность направлений в пространстве — направление, куда повернула материальная точка, чем-то отличается, стало быть, от всех остальных. Неоднородность времени также нарушала бы закон инерции.

Кстати, а как строго провести намеченные выше рассуждения? Рассуждения чрезвычайно глубокие и фундаментальные, связанные с определением основных понятий современной физики, например понятия физической прямой. В самом деле, что такое прямая? Не говорите только, что это кратчайшее расстояние между двумя точками. Ведь для измерения самого расстояния нужно заранее иметь уже готовую прямую — линейку. И еще вопрос для сторонников очевидности закона инерции: а как будет двигаться не взаимодействующее ни с чем материальное тело? Ну, скажем, как проходило бы движение нашей Земли, если бы вдруг исчезло притяжение Солнца? Сохранилось бы ее вращение вокруг оси или нет? А как двигался бы запущенный в космос волчок?

Не правда ли, после заданных вопросов закон инерции начинает казаться не столь уж наивно-очевидным? Он не просто неочевиден. Он первый безумный закон в истории науки. Ведь никто и никогда на Земле не видел равномерного движения без действия внешней силы. Абсолютно все, без единого исключения, эксперименты убеждают: без силы нет движения. Не случайно до Галилея считали, что скорость пропорциональна действующей силе. И это для обычных скоростей того времени правильный закон. Вот только очень уж неуниверсальный! От чего только не зависит в нем коэффициент пропорциональности! Над изучением этого коэффициента могут трудиться (и трудятся!) поколения ученых, тем более что с ростом скорости усложняется сам закон, сама зависимость между скоростью движения и приложенной силой.

Но как додуматься убрать эту всегда присутствующую силу? Как отказаться от абсолютной очевидности и от естественного пути все новых, все более и более тонких и сложных экспериментов?

Ответ истории неожидан и поучителен. Закон инерции, как и все основные законы механики — законы Ньютона, был рожден не на Земле, а на небе, и кто знает, когда он был бы открыт, если бы наше небо, как небо Венеры, было бы всегда закрыто облаками. Более того, закон инерции был открыт в результате ошибки! Галилей, открывший закон, считал, что по инерции тело может двигаться только по окружности!

Чтобы понять, как это произошло, нам придется проследить за историей, продолжавшейся 25 веков, историей становления гелиоцентрической системы, против которой выступали такие гении, как Аристотель и Архимед. Попробуем изложить современным языком, а значит, неизбежно несколько изменяя, аргументы споривших.

Впервые Землю лишили неподвижности еще в V веке до нашей эры. Сделал это Филолай, один из учеников Пифагора. Он считал, что Земля вместе с Солнцем и планетами вращается вокруг некоего центрального огня.

Спустя век у Филолая появился гениальный оппонент — Аристотель. Он отверг гипотезу Филолая как противоречащую существованию неподвижных звезд. Ведь если Земля движется, земному наблюдателю все звезды должны казаться движущимися! На опро-

вержение этого возражения ушло 23 века, из них 3 — уже после смерти Коперника!

В III веке до нашей эры Аристарх Самосский предложил систему, тождественную будущей системе Коперника: Земля и все планеты вращаются по окружности вокруг неподвижного Солнца. Противниками Аристарха стали Архимед и Аполлоний Пергский, ибо система Аристарха противоречила астрономическим наблюдениям. Во II веке до нашей эры это строго доказал Гиппарх. Оба ученых, Аристарх и Гиппарх, были одновременно правы и не правы: Земля и планеты вращаются вокруг Солнца, но не по окружностям, а по эллипсам! Казалось бы, до истины остался один шаг. Но шаг этот не удалось сделать не только Копернику, но и Галилею. Окружности в качестве орбит планет казались абсолютно бесспорными: они были единственными совершенными кривыми. Слова древних об обязательности совершенства орбит кажутся смешными. Андрэ Боннар в «Греческой цивилизации», вышедшей в 1959 году, пишет: «Жаль, что ученые, которые возражали Аристарху, не пришли к открытию Кеплера. Но предвидение о превосходстве кругообразного движения прочно укоренилось».

Переведем, однако, слова о превосходстве совершенных орбит на современный язык. Одной из ведущих идей современной физики, как уже было сказано, является идея об однородности и изотропии пространства. Из этой идеи вытекают основные законы физики. Но ведь если орбита планеты не является круговой, то в пространстве появляется выделенное направление наибольшей вытянутости орбиты, которое оказывается чем-то отличным от всех остальных направлений! То, что движение планет обусловлено их предысторией, было еще непостижимо.

Поэтому Птолемей (II век нашей эры) исходит из геоцентрической системы и, вводя сложную картину круговых орбит, объясняет все наблюдаемые факты. Более того, он получает возможность предсказывать движение планет и даже затмения Солнца и Луны. Это так поразило воображение древних, что его сочинение получило имя «Альмагеста» — величайшее. Птолемей стал первым в истории астрономом, которому удалось согласовать астрономические наблюдения со своей теорией. Великое достижение! Но, возможно, именно оно на многие века затормозило выяснение истинного движения планет: ведь все так хорошо, теория так прекрасно совпадает с экспериментом!

Проходит 17 веков, и история повторяется! Каноник Фрауэнбургского собора Николай Коперник стремится всего лишь привести систему Птолемея в соответствие с наблюдениями своего времени и замечает: систему Птолемея можно несколько упростить, если считать, что Земля и планеты вращаются вокруг Солнца, но по-прежнему по сложной системе окружностей. И опять, как и у Аристарха, у Коперника есть оппонент — один из величайших астрономов-наблюдателей всех времен Тихо Браге. Он отверг систему Коперника примерно по тем же причинам, что и Гиппарх систему Аристарха много веков назад. Тихо Браге не может принять столь усложненную негармоническую систему мира. Требование гармонии у Браге имеет столь же глубокое значение, как требование совершенных орбит у Архимеда и Гиппарха. Должны существовать основные законы природы, которые не могут не быть простыми. Конечно, это эстетическое утверждение невозможно

доказать, но оно вряд ли вызовет улыбку, если вспомнить, что простоту и изящество законов в качестве одного из критериев их истинности предлагал Эйнштейн!

И тут в истории науки появляется Кеплер, преемник Тихо Браге. Начинается новый тур научного поединка. Обработав наблюдения Браге (именно они составили фундамент для построения правильной картины Солнечной системы) и добавив к ним собственные наблюдения, Кеплер первым в истории человечества понял устройство Солнечной системы и пришел к великому закону: планеты движутся вокруг Солнца, но движутся по эллипсам!

В этом законе проявилась не только готовность Кеплера высказать столь безумную идею, отвергающую взгляды двадцати веков. Кеплеру еще и необычайно повезло. Благодаря огромной удаленности планет (особенно тяжелых) друг от друга их орбиты близки к эллипсу — одной из кривых, хорошо известных в его время.

Кеплер первым установил законы движения планет. Как он пришел к своему второму закону: в равные промежутки времени планеты описывают равные площади, — остается почти непостижимым. Ведь интегрального исчисления еще не существовало, и вычисление площадей было не столько наукой, сколько искусством: каждая кривая требовала своего подхода. Откуда вообще могла появиться мысль о совершенно необычном законе площадей? Вероятно, сказалось и раннее увлечение Кеплера — изобретения им в труде «О стереометрии винных бочек» (гений из прикладной задачи создает науку!) конкретные методы вычисления площадей, и почти мистическая вера в существование единых законов природы, и, вероятно, просто любовь к вычислениям ради вычислений, и то, что называется гениальностью.

Неприимчивым научным противником Кеплера стал его современник Галилей. Он первый поставил вопрос: что же движет планеты, заставляя их орбиты искривляться? Воздействие Солнца на таком расстоянии Галилей считал мистикой. Откуда планеты знают, что в следующий час они должны описать такую же площадь, как и в предыдущий? Требовалась принципиально новая постановка вопроса, потому что неправилен был сам привычный вопрос. А ответ Кеплера: «Планеты движет мировая душа», — разумеется, не мог удовлетворить Галилея. Но раз силы, действующей на планеты, не существует, рассуждал Галилей, значит, подобное движение — естественное свойство планет. Галилей назвал его инерцией и очень убедительно доказал ошибочное утверждение: причина вращения планет — инерция, движение по инерции может быть только движением по окружности, все точки которой равноправны (!). Движение по прямой Галилей полагал исключенным: переход со временем из одной точки в другую означал бы их неэквивалентность; кроме того, в этом случае тело никогда не достигло бы конечной цели (на современном языке — равновесного устойчивого состояния), а природа никогда не ставит себе недостижимых целей (то есть равновесное состояние рано или поздно наступает). Это рассуждение привело Галилея к противоречию не только с Кеплером, но и с самим собой: ведь ранее он доказал, что движение по кругу связано с центробежной силой! Противоречие казалось неразрешимым, и Галилей объявил, что на небесные тела центробежная сила не действует! А Декарт сделал ситуацию еще более

драматичной, показав, что движение по инерции — это движение по прямой. Что же двигает планеты? Выхода, казалось, не было. Но в год смерти Галилея родился Ньютон. Он вернулся к Кеплеру, к его законам, и на их основе создал точную науку о движении тел.

До сих пор речь шла только о столкновении идей, о спорах между рыцарями мысли: Филолаем и Аристотелем, Аристархом Самосским и Гиппархом, Коперником и Тихо Браге, Кеплером и Галилеем, — спорах, в которых выяснилось, что истина еще не родилась. Но ведь ученые — живые люди с их страстями, самолюбием, гордостью и способностью ошибаться даже в самом малом. Галилей был убежден в невозможности покинуть Землю и не заметил, что его формулы давали первую космическую скорость. Он объяснял приливы движением Земли вокруг Солнца (так хотелось первому указать явление, доказывающее это движение), но период приливов вдвое отличался от его расчетов и совпадал с результатами Кеплера. Галилей объявил совпадение у Кеплера случайностью, а сам наивно и беспомощно апеллировал к слухам, что где-то в Саргассовом море период приливов «правильный». Но одновременно он пытается связать неправильный период приливов в Средиземном море с его малой глубиной — и создает новую область науки: изучение поверхностных волн и волн в замкнутых бассейнах! Галилей открыл независимость периода колебаний маятника от амплитуды — и тут же, увлекшись, ошибочно распространил этот закон на любую величину амплитуды; обнаружил постоянство земного ускорения — и немедленно сделал вывод о его независимости от расстояния до Земли! Так ошибался основатель чуть ли не всех областей механики.

В густой смеси прозрений и заблуждений, без правых и неправых развивалась наука. А ведь при этом все, о ком шла речь, были гениями: их труды служат уже несколько веков; они продвинули все человечество на много десятилетий вперед (а чем, как не числом сэкономленных человеко-лет, определяется степень таланта?); много времени ушло на понимание и усвоение их идей — великая истина редко рождается простой и понятной.

Изложенная история развития науки, конечно, крайне упрощена и написана грубыми мазками, иногда с нарочитой конденсацией фактов. Но ясно, что развитие науки идет не по прямой телеграфного столба, а скорее — по сложной кривой дерева, ветви которого наклонены под разными углами к стволу и постепенно спрямляются, чтобы подняться на новый ярус истины.

М. АЗБЕЛЬ

3

над чем думают физики

В наши дни наука развивается необычайно быстро, и учебники, естественно, не успевают за этим развитием. Если знакомиться с какой-нибудь современной научной только по учебнику, может показаться, что в ней все уже сделано. Уже открыты все страны и нет белых пятен на карте Земли, найдены все законы — Ньютона, Кулона, Ампера, Джоуля — Ленца и т. д., созданы теория относительности и квантовая механика. Казалось бы, чего же еще? Но в действительности это не так, и физика стоит сегодня перед множеством нерешенных проблем.

Из какого вещества состоят элементарные частицы (электроны, нейтроны, протоны и т. д.) и каково их строение? Может быть, это однородные комочки неведомой материи, а может, как писал когда-то Валерий Брюсов,

...эти электроны —
Миры, где пять материков,
Искусства, знания, войны, тропы
И память сорока веков!

Какова природа сил тяготения, как они возникают и распространяются в пространстве? Что представляют собой ядерные силы? Где кончается периодическая система элементов и какие еще атомы можно в нее добавить? Существует ли где-то в бездонных глубинах космоса хотя бы один антимир, построенный из антивещества? Сколько у природы элементарных частиц и каковы их свойства?

О таких проблемах рассказывают сборники «Над чем думают физики?», выпускаемые с 1962 года издательством «Наука». Вот их названия:

- Выпуск 1. Физика атомного ядра. 1962 год.
- Выпуск 2. Элементарные частицы. 1963 год.
- Выпуск 3. Элементарные частицы. 1965 год.
- Выпуск 4. Физика атомного ядра. 1965 год.
- Выпуск 5. Квантовая макрофизика. 1967 год.
- Выпуск 6. Астрофизика. 1967 год.

Все эти книги — с самого переднего края науки. В них рассказывается о том, чем занимаются ученые в наши дни, а иногда и о том, чем они еще только собираются заняться.

Несмотря на то что в сборниках разговор идет о новейших проблемах физики, обычно очень трудных для понимания, он неизменно остается вполне доступным для старшенкассников. Авторы с большим мастерством используют весь арсенал средств подлинно научной популяризации: они приводят простые примеры и аналогии, используют ясные модели различных физических процессов, практически полностью обходятся без сложного математического аппарата. Статьи написаны образным языком и иногда читаются как художественные произведения.

Каждый, кто даст себе труд прочитать хотя бы одну из этих книг, почувствует могучее дыхание современной науки с ее интереснейшими проблемами.

В. ЛЕШКОВЦЕВ

4

как шутят физики

ФИЗИКА И БОГОСЛОВИЕ. Однажды (дело происходило в начале нашего века) на заседании Ученого совета университета выступил заведующий кафедрой богословия и заявил, что студенты-физики очень несерьезно относятся к его предмету, невнимательны на лекциях. В доказательство он привел особенно возмутительный пример:

— Поднял я на лекции одного, который сам не слушал и другим не давал, и сказал ему: «Молодой человек, я только что объяснял, что такое божественная сила. Повторите!» А он и говорит: «Божественная сила есть произведение божественной массы на божественное ускорение». Разве это не возмутительно?

Следующим взял слово один из профессоров физики.

— Совершенно согласен с предыдущим оратором: это действительно безобразие. Студент-физик обязан знать, что при умножении божественной массы на божественное ускорение в произведение войдет божественность в квадрате, следовательно, для получения божественной силы лишь один из сомножителей должен быть божественным.

МАКС БОРН ОБЪЯСНЯЕТ ТЕОРИЮ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ. Макс Борн был приглашен на званый обед. Сидевшая рядом дама попросила Борна разъяснить ей теорию относительности.

— Извольте. Только начну я с маленького предисловия.

Как-то ко мне приехал погостить коллега из Франции. Выяснилось, что он говорит по-немецки так же скверно, как я по-французски. Впрочем, о проблемах физики мы беседовали на языке формул и потому довольно быстро достигли прекрасного взаимопонимания. Worse обстояло дело, когда мы пытались говорить об обычных вещах.

В знойный день мы долго плутили по лесу. Устали,

и мне очень захотелось пить. Тут как раз мы набрали на ферму, и я предложил:

- Давайте купим молока.
- Молока? А что такое молоко?
- Это жидкость. Такая, знаете, белая жидкость.
- А что такое белая?
- Вам неизвестен белый цвет? Надеюсь, лебедя вы видели?
- А что такое лебедь?
- Лебедь — это большая птица с изогнутой шеей.
- С изогнутой шеей?
- Посмотрите на мою руку. Вот я держу ее изогнутой.

— А-а... Вот что такое изогнутая шея. Спасибо большое. Теперь я, кажется, понял, что такое молоко... После такого предисловия дама быстро перевела разговор на другую тему.

5

из задачника „кванта“

В стране Анчурии, где правит президент Мирафлорес, приблизилось время новых президентских выборов. В стране ровно 20 миллионов избирателей, из которых только один процент поддерживает Мирафлореса. Мирафлорес, естественно, хочет быть избранным, но, с другой стороны, он хочет, чтобы выборы казались демократическими. «Демократическими выборами» он называет вот что: все избиратели разбиваются на несколько равных групп, затем каждая из этих групп вновь разбивается на некоторое количество равных групп, затем эти последние группы снова разбиваются на разные группы и т. д. В самых мелких группах выбирают представителя группы — выборщика, затем выборщики выбирают представителей в еще большей группе и т. д. Наконец, представители самых больших групп выбирают президента. Мирафлорес делит избирателей на группы как он хочет, инструктирует своих сторонников, как им голосовать.

Сможет ли он так организовать «демократические выборы», чтобы его избрали президентом (при равенстве голосов побеждает оппозиция)?

XXXII МОСКОВСКАЯ МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ОЛИМПИАДА

6

нематематики о математике

В голове Архимеда было больше воображения, чем в голове Гомера.

ВОЛЬТЕР

Процветание и совершенство математики тесно связаны с благосостоянием государства.

НАПОЛЕОН

Какая наука может быть более благородна, более восхитительна, более полезна для человечества, чем математика?

ФРАНКЛИН

по ленинским местам

ПЕТРОГРАД. СМОЛЬНЫЙ

Ныне в это здание приходят тысячи людей со всех концов земли. Для них Смольный неразрывно связан с победой Великой Октябрьской революции, с именем ее вождя Владимира Ильича Ленина. Люди проходят длинными коридорами бывшего института благородных девиц, поднимаются наверх и на каную-то долю минуты застывают перед дверями в Антовый зал. Это здесь 25 октября (7 ноября) 1917 года, на экстренном заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, прозвучали ставшие теперь историческими ленинские слова: «Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась...»

Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная, третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма».

Вечером 26 октября (8 ноября) в Антовом зале Смольного Владимир Ильич выступал на заключительном заседании II Всероссийского съезда Советов с докладами о мире и о земле. Делегат съезда А. А. Андреев вспоминает: «Когда Ленин появился на трибуне, весь зал поднялся и сдвинулся к трибуне, где стоял Ленин. Он долго не мог начать свою речь из-за непрекращающихся аплодисментов и возгласов: «Да здравствует Ленин!»

В зале заседания творилось что-то невероятное. Аплодисменты перемешивались с криками радости. Тут уж были не только делегаты съезда, зал наполнился до отказа находившимися в Смольном рабочими, солдатами и

матросами. Люди становились на подоконники, выступы колонн, на стулья, лишь бы увидеть стоявшего на трибуне Ленина. В воздух летели шапки, кепки, матросские бескозырки, мелькали поднятые вверх винтовки. Так, стоя, съезд выслушал доклад Ленина о мире».

В ночь на 27 октября (9 ноября) съезд принимает написанные Лениным Декрет о мире, Декрет о земле и утверждает состав первого в мире рабоче-крестьянского правительства — Совета Народных Комиссаров. Председателем СНК был избран В. И. Ленин.

В Смольном Владимир Ильич работал сначала в комнатах № 75—76, а затем на этом же третьем этаже ему отдели под кабинет комнату № 67.

Рабочие дни главы Советского государства были заполнены до предела. Но был ли предел? Надежда Константиновна вспоминала, как даже ночью Владимир Ильич просыпался, шел к телефону, кому-то звонил, кого-то убеждал...

В Смольном при непосредственном участии Ленина создавались новые органы управления. Здесь начинали деятельность народные комиссары: земледелия, финансов, иностранных дел, просвещения.

К Владимиру Ильичу в Смольный приходили десятки делегаций: рабочие, матросы, солдаты, крестьяне-ходоки. И всегда Ленин находил время, чтобы побеседовать с ними. Он глубоко интересовался настроениями, мыслями народных масс.

К этим встречам в Смольном примыкают и выступления Владимира Ильича перед питерскими рабочими.

1 января 1918 года Ленин выступал на митинге, посвященном проводам на Западный фронт первого сводного отряда социалистической армии. Накануне Новый год Владимир Ильич и Надежда Константиновна встречали с рабочими Выборгской стороны в зале бывшего Михайловского артиллерийского училища. «Ильич... вззошел на трибуну... — вспоминает Надежда Константиновна, — и хоть говорил он просто, без громких фраз и восклицаний, но излагал он то, о чем он так неустанно думал последнее время, говорил о том, как должны рабочие по-новому организовать через Советы всю свою жизнь. Говорил и о том, как должны товарищи, едущие на фронт, вести там работу среди солдат. Когда Ильич кончил, ему устроили целую овацию... Потом в зале началось концертное отделение, а Ильич еще попил чаю в штабе, потолковал там с публикой, а потом мы постарались незаметно уйти. Воспоминание об этом вечере осталось у Ильича очень хорошим».

В Смольном В. И. Ленин написал около 200 статей, брошюр и других документов. Здесь им написаны «Декларация прав народов России», «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа» и другие работы.

Сейчас комната в Смольном, где жил Владимир Ильич, превращена в музей. Деревянная перегородка делит ее на две половины: кабинет и столовую. На письменном столе — телефонный аппарат, чернильный прибор, под стеклом — газеты того памятного, исторического времени...

Е. ЖУКОВА

Песенка

Рассказ

Рисунок Г. Калиновского

Если уж я так тяжело болен, думал Иван Иванович, выписавшись из больницы, пора срочно завещать Кате любимую картину и книги. Не захочет принять — не надо. Кроме того, следует позвонить в конструкторское бюро и рассказать товарищам о своих замыслах. Больше никаких дел не было. Все в жизни известно и понятно...

Екатерина Сергеевна, сказали, уехала в дальнюю командировку. Он знал об этом, Катя перед отъездом приходила прощаться (он и тогда незаслуженно обижал ее, и глаза у нее становились все отчужденней), а до этого много ночей дежурила возле его кровати, но сообщение все равно раздражало. Отношения их стали предельно сложными...

В бюро его попросили сидеть дома. Он открыл форточку, кое-как прибрал постель, с которой его три месяца назад подняли врач и санитары, и лег, не сумев расшнуровать ботинки. Зная, что спать нельзя, он опустил мятые веки, утонул в темноте, а когда вокруг зазвенело, на ватных ногах зашаркал к двери. Сослуживцы принесли фрукты и после делового разговора, во время которого инженер быстро набросал чертежи, предложили путевку в санаторий.

— Чтобы закололи? Ясненько. — Он закурил. — Курить мне можно. Мне теперь все можно. На фронте вы не были, вот что.

Ему посоветовали поехать к морю.

— А я море не люблю. Квартирой желаю пользоваться. Закройте форточку. Откройте окно. Не курите здесь. И до свидания!..

Все понимали, что после болезни характер его должен был сделаться еще хуже.

Он снова лег. Ни разноцветные огни в тумане за окном, ни облака, просвеченные закатным солнцем, не привлекли его внимания: все казалось не интересным по сравнению с негодными вечноными сосудами.

Утром он отдернул занавеску, протер запотевшее окно и с безразличием посмотрел на клен, растущий возле дома. Капля росы шлепнулась на подоконник.

Второй день он жил в недостроенном доме своего товарища, решившего укорениться в деревне. Товарищ, показав, как самому себе делать уколы, без церемоний усадил друга в такси и, бросив в багажник старый рюкзак с продуктами, увез за город. Сначала Иван Иванович отругивался, не подчинялся, но, устав, покорился, а сейчас с сожалением думал, что нужно вставать и медленно гулять по негодному мокрому лесу...

«К черту! Надо убежать!» — он кое-как оделся и открыл дверь.

На перевернутой бочке возле крыльца стоял мальчишка в толстенном бобриковом полупальто с самодельными деревянными пуговицами и внимательно смотрел на крышу.

— Ты чего это? А ну, шпарь отсюда! — сказал Иван Иванович неприветливо.

— Тссс! — мальчишка приложил палец к негритянским губам.

— Тссс! — выйдя из-за угла, повторила девочка, обутая в громадные резиновые сапоги — казалось, будто она идет на ходулях. На толстом носу сидели очки.

— Это почему — тссс? — раздраженно спросил инженер.

— Такую безграмотность я просто не понимаю, — девочка развела руками.

— Что, что?

— А то, что мы за птиц отвечаем, — учительно сказала бобриковое полупальто. — Он даже не знает, что тут под крышей есть гнездо.

Больному были неприятны веселые глаза, белые зубы и здоровая, свежая кровь, засохшая на носу у очкастой девчонки. За нехорошее, злое чувство он резко выругал себя и, ни слова не говоря, закрыл дверь.

— Весь дом затрясся, — сказала девочка. — Так никаких наблюдений не сделаешь.

Мальчик кивнул, вытер нос скомканной тряпочкой и сунул ее под рваную шапку; карманы были переполнены более необходимыми вещами.

— Айда на корвет! — сказала очкастая. — Шагом марш!

Дети зашагали по улице, обсаженной елочками. Иван Иванович знал, что в окрестностях нет даже ручья, решил не обращать на странные слова никакого внимания и поскорее сесть в поезд, который через полтора часа привезет его в теплый город.

На мостике, перекинутом через канаву, он остановился отдохнуть.

— Эй, кто там? Ой, это опять он.

Инженер узнал голос очкастой девочки. Она стояла под мостиком и строго ла щепку. «Корвет» — инженер усмехнулся.

— Товарищ, конечно, думает, что этот мост и есть корабль, — мальчишка засмеялся. — Необразованность! — Вы бы поосторожней выражались. Идет проходжий — вежливо уступи ему дорогу и не задирай.

Голос у него был слабый, говорить не хотелось, но что он, в самом деле, сухарь какой-нибудь? Есть сто грехов, но только не этот.

— Мы никого не задираем. Пожалуйста, сойдите с мостика, если возможно, будьте любезны. Он может рухнуть, — проговорила девочка серьезно.

Мальчик поставил на дорогу большой ящик. Иван Иванович сел: после отдыха до станции можно будет дойти одним духом.

— Ветер — один балл, — неожиданно сказала девочка. — Юго-западный. Скорость четыре километра в час. Рябь.

Инженер посмотрел на нее вопросительно.

— Поясняю. Определяем по вертушке, — малыш острием мизинца показал на ближайший дом. На его крыше неспешно вращался жестяной пропеллер. — Мы знаем розу ветров, умеем веточкой искать воду, дружим с животным и занимаемся гимнастикой. Теперь хвастайте вы.

— С каким животным? — спросил Иван Иванович.

— Тайна, покрытая мраком неизвестности, — важно заявил мальчик. — Меня зовут Коля. А четырехглазая — Нина. Будем знакомиться?

Инженер сказал, что уезжает. Дети помахали ему, отвернувшись, подчеркивая незаинтересованность в знакомстве, и опять взялись за дело. Иван Иванович зашагал к станции. «А почему это им все равно?» — подумал он на платформе и, точно споткнувшись, остановился...

После обеда все пошли в лес знакомиться с животным. Иван Иванович попросил все-таки сказать, с кем предстоит встретиться.

— С лосем, — сказала Нина.

— А что в нем такого уж интересного?

— А все.

Инженер пожал плечами и начал вспоминать, что

знает о лосях. Парнокопытное, с рогами, питается корой. Неожиданно для себя он сказал, что ему все известно о лосях.

— Ура! — тихо произнесла Нина.

Возглас показался ему обидным. Но ведь девочка сразу поняла, что он искусно солгал; Коля, по-видимому, тоже почувствовал это: слишком уж усердно принялся шарить под листьями.

— Смотрите, какая ветка. Она напоминает ракету, — Нина подошла к Ивану Ивановичу и, двумя пальцами поправив очки, подняла глаза.

В них не было насмешки. Он не поверил глазам и снова заглянул в бездонные пропасти. Девочка смотрела на него серьезно и спокойно, он понял, что дети прощают его, и улыбнулся...

На полянах поблескивали озерки с прозрачной водой, которую пили славки и пеночки. Неутомимо стучали дятлы, летали кукушки. Над лесом плыли слоистые облака.

— Вон и Алеша, — сказал Коля.

Громадный серо-бурый лось стоял возле упавшей осины. На его мягкой губе висела веточка. Глаза следили за людьми.

— Мы с ним давно дружим. Это самый крупный представитель оленьих. Вес хорошо питающихся быков доходит до полутонны. Лосихи сейчас тельные. А Алеша только зимой объедает осины. Скоро перейдет на хвощи и тростники, а мы ему подбросим ирисов и вахты. Добрый, если не злится, — нет возможности. И очень умный. К моему участку приходил — обо всем беседовали, — сказал Коля, и инженер понял, чем вызван такой длинный и подробный рассказ.

Дети свернули с дороги и пошли к осине. Зверь не двигался.

— Идите и вы, — Нина оглянулась. — Вот вам сахар и леденец — дадите ему, и все в порядке. Лоси такое отношение ценят. И еще он любит мятные пряники. Учтите.

Иван Иванович шагал не очень быстро: в памяти всплывали рассказы о сохатых, загонявших людей на деревья, и доверчивость детей казалась ему чрезмерной.

— Ничего не случится, я знаю, — сказала Нина. — Видите: Алеша улыбается и думает о нас только хорошее. Мы когда-нибудь еще и взрослого волка приручим. Я лично несколько не боюсь животных.

Слова не прибавили инженеру уверенности. Слишком таяющими, мрачными, непонимающими казались ему Алешины глаза, а острый запах звериный неприятно раздражал.

— Волчонок у нас уже живет, — сказал Коля. — Зимой он Нинку на санках катал. Но жрет много, собака.

Были уже видны все волосы спутанной бороды на шее лося, влажные вздрагивающие ноздри и рыжий лоб. Железные ноги как бы росли в землю. Блестящие глаза показались Ивану Ивановичу еще более дикими и, когда бык неожиданно шагнул, он зажмурился; сердце больно и сильно сжалось. Чем он сможет помочь, что сделает, чтобы спасти детей? Нападение лося беспощадно, удары его смертельны.

Когда он открыл глаза, Алеша неторопливо, со вкусом хрумкал сахар, который взял с Нининой ладони, и облизывался. Иван Иванович принялся разворачивать конфету. Лось подошел к нему и требовательно ткнул теплой пахучей мордой в грудь. Инженер поспешно отдал ему сладости.

Лось проводил их до опушки, а потом тихо пошел в глубь леса.

— А завтра, Алешка, — сказала Нина. — В тот же час.

Инженер посмотрел на небо.

По нему передвигались столбы неяркого света. Ве-

терок лепил из облаков разнообразные фигуры и не спеша нес к горизонту, за линию электропередачи высокого напряжения.

— Вот и ажур. Одно дело сделано, — сказала Нина и начала мыть в луже свои сапоги. Когда она наклонилась, показывались круглые резинки на чулках и зеленые штанишки.

— Совсем у тебя держалки износились. Одежда так и горит! Завтра новые сделаю, — сказал Коля.

Иван Иванович смутился, а Нина проговорила:

— Только розовые. Пожалуйста.

Инженер сделал вид, будто вынимает соринку, попавшую в глаз. Коля произнес:

— Дядя Ваня, помогите? Сделаем крепкие, на всю жизнь. И надо ей где-нибудь достать ботинки. А то такая растрепанная — противно смотреть.

Соринка исчезла: инженер вспомнил, что сам когда-то был мальчишкой, чисто говорящим о простых и естественных вещах.

— Ребята, я отдохну немножко, ладно?

Подойдя к дому, он посмотрел под крышу. В гнезде ничего не было...

Ложал он не долго: его властно позвало на улицу. Он отправился к мостику. В пустом кювете вздрагивали бурые дудки. Поежившись, подумав, что новой встречи и не должно было произойти, трезво взглянув на себя глазами детей, он, опустив голову, зашагал обратно. Нина и Коля сидели на ступеньках его дома.

— Мы думали, вы спите, — сказала девочка.

— И сны за вас придумывали, — добавил мальчик.

— Какие же?

— Про дрессированного волчка, — проговорила Нина. — Должно было бы заинтересовать.

— Сплю без снов.

— Нет, правда? Вот скучно! Да вы шутите! — девочка взглянула на него удивленно.

Он в самом деле не любил сны (устаешь от них и чувствуешь себя разбитым), но сейчас ему показалось, будто очень провинился, и пришлось сказать, что, действительно, пошутил.

— Ну, слава богу, — Коля улыбнулся, а Нина сообщила, что к ней всегда приходят только цветные сны.

— Кстати, почему вы все по сырости бегаєте?

Дети посмотрели на влажные кусты, на лес, из которого шла свежесть, на скворечники и промолчали. Иван Иванович опять почувствовал себя неловко, будто сказал глупую бестактность.

— Я тут уже полгода живу. А Колька — месяцев восемь. А в школу нам только осенью, — наконец проговорила Нина. — Пошли в хлеба? — И крикнула: — Хвостик!

Когда вошли в голые поля, волчонок принялся бегать кругами, а потом лег и заерзал на спине.

— Почему? — спросил Коля.

Инженер не знал. Нина объяснила, что, прибежав к своим, Хвостик рассказал бы запахом о пище, которая была на земле. Потом волчонок покружился на месте и лег.

— Почему? — спросил Коля.

Нина объяснила Ивану Ивановичу, что предки Хвостика обминали траву перед сном.

— И собаки кружатся, — дополнил Коля...

От черного поля пахло ключевой водой. Ребятишки сказали, что озимые в эту пору видят хлебные, мучные и блинные сны, а днем толстеют и водят хорооводы.

— Тихо, слушаем! — распорядилась Нина.

Инженер услышал лишь крики петухов, дребезжание телеги, гудок небольшого грузовика, лязганье железа, доносящееся из машинного сарая, позванивание проводов над дорогой, а дети сказали, что прямо-таки оглохли от пения зерен и от музыки, которой сопровождалась их пляска. Иван Иванович торопливо достал

сигарету, размял ее, сломал, жалея себя, и принялся с преувеличенным вниманием смотреть на Хвостика, спрашивать об охотниках, которые принесли волчонка, и вдруг заторопился, сославшись на занятость.

— А мы пойдем бабочек смотреть, — сказала Нина.

— Да откуда они сейчас? И смотрите, сколько глины на башмаках...

Возле кустов, в затишке, цвели ветреницы, гравилат, сочевичник и пролески. Иван Иванович увидел бабочек. Они летали низко над землей и с важностью показывали крыльями.

— Зимой мы здесь комариков, жуков и блох ловили. В руки так и шли, так и шли, — сказал Коля.

Инженер наморщил нос, хотел возразить, но сдержался.

— Честно! Чтoб мне сдохнуть! — Нина приложила ладонь к груди и принялась чистить пеструю юбку.

— Становись! — крикнул Коля. — На корабль!..

Корветом они называли ветхую землянку, оставшуюся со времен войны. Внутри, как в трюме, стояли ящики, а обрывки веревок напоминали канаты.

Инженер сразу принял нары за матросские гамаки, а колесо от телеги представил просоленным штурвалом.

— У нас двадцать пять пушек, — Нина показала на горюхи чурки, стоящие в строгом порядке у окон, и прибавила к ним обструганную щепку. Их залп невыносим, и мы побеждаем всех.

— Еще бы! Три мачты с новенькими парусами и скорость десять узлов. Сейчас мы в Черном море. Вокруг — дельфины, а над корветом — звезды, — сказал Коля.

— Где моя подозрительная труба? — спросила Нина.

— Пожалуйста, мой командир, — Иван Иванович с поклоном подал ей длинную трубку, по-матросски завязал шарф на шею, сбил шляпу на затылок, за ленточку, сзади, сунул перо и листок, а за пояс вложил кривую ветку орешника.

Форштевень распарывал воду, и она, пенясь, с журчанием обтекала борта и долго мерцала за кормой. Ветер посвистывал в снастях. Скрипела обшивка, в иллюминаторы шел воздух, пахнувший иодом, кричали чайки, трещал флаг, в море плавали звезды...

На другой день, когда покормили Алешу и возвращались в деревню, Нина протерла очки, потрогала ссадинку на носу, вымыла в луже лицо и руки и, нацелив на инженера свои пропасти, сообщила:

— Мы сегодня с Колей договорились, что любим друг друга, и сказали об этом бабушкам.

— А они?

— Дали печенье. Ведь Коля хороший и я тоже. У нас будет семья в двадцать семь человек.

— Матросы, — сказал мальчик открыто и гордо.

— И лесники, и инженеры, — проговорила Нина спокойно и еще раз вымыла лицо. — Родятся, и сразу займут свои должности. Нам будет веселее плавать, а Хвостик и Алеша получат больше конфет.

— Где же все будут жить? — Иван Иванович с удовольствием заглянул в прозрачные ребячьи глаза; на чистом дне радужных оболочек виднелись песчинки.

— В лесах, на лугу, в полях, на корвете, в городе. По всей земле, — сказала Нина.

Коля кивнул и, напевая, принялся прыгать на одной ноге. Ему было приятно чувствовать себя человеком, прыгающим впереди двадцати семи взрослых и сильных матросов, лесников и инженеров. Ему казалось, что они, перепопанные пулеметными лентами, вооруженные охотничьими рожками и циркулями, мерно шагают сзади. Нина подхватила мотив, а инженер, перестав ощущать тяжесть своих старообразных ботинок, принялся насвистывать и, чтобы запомнить этот час, заглянул под рукав. Часов на руке не было. Он зашел в дом, но и там их не оказалось.

— Что случилось? — спросила Нина.

— Будильник, понимаешь...

— Жаль. Вещь необходимая в хозяйстве, — сказал Коля.

— А ну, пошли! — приказала девочка, поправив очки. — Кое-что получше получите...

У корявого дерева, растущего за околицей, ребята остановились. Коля прыгнул, ухватился за нижний сук, подтянулся, полез по стволу, а через пять минут, бережно прижимая к груди снятый с ветки рогожный кулек, уже стоял на земле.

В кулке хранились разноцветные стекла, поломанный калейдоскоп, красивые пустые консервные банки, флаконы замысловатой формы, яркие ленты, блестящие колесики, отвертка с наборной прозрачной рукояткой и струна. Дети восхищенно молчали.

Дыхание у них было частое и прерывистое.

— А это вам, — Нина протянула игрушечный облезлый самолетик и тройку оловянных облупившихся коней. Плоскости самолета блестили, экипаж был готов к полету. У коней развевались гривы, а глаза азартно косили. Инженер почувствовал себя и командиром лайнера и лихим кучером, разбойно свистящим на резвых буланых.

Ребятишки пристально посматривали на него. Он бережно спрятал подарки в боковой карман, ответил детям искренним и благодарным взглядом и сказал:

— На корвет? Скоро Одесса, древний славянский порт Куяльник.

— Побудем там — и дальше, — проговорила Нина. — Топаем. Коля охраняет меня с тыла. Шпаги наголо!

Хвостик побежал рядом.

— Это наш верный пятнистый дог, — инженер почесал волчонка за ушами.

— Скоро он научится лаять, — убежденно произнес Коля и, охраняя капитана, поднял над головой длинную кленовую ветку.

Когда проходили по улице, раздалось мелодичное «тиль-виль-тили-вили-чррр» — синяя касатка сидела на провале возле тарелки фонаря и, поворачивая голову, осматривала окрестности.

— Надоело ей жить в Африке, — сказал Коля и, расстегнув пальто, гордился знаниями, выпятил грудь.

Нина с уважением собственноручно прикрепила перецвет к его шапке. Иван Иванович сказал себе, что такой награды за знания получить бы не смог, позавидовал мальчишке и дал себе слово заслужить на корвете хотя бы поощрение. Постаравшись, проявив отвагу во время схватки, он под ядрами и пулями получил от капитана набухшую почку, которую поклялся хранить у себя веки вечные...

Вечером приехал товарищ, увидел небритые щеки своего друга, грязную мокрую обувь, золотые часы, валяющиеся под столом, исцарапанные руки, слишком блестящие глаза и сказал, что немедленно забирает его. Иван Иванович улыбнулся, попросил пять минут подождать и написал на листке бумаги несколько слов женщине, с которой у него были очень сложные и запутанные отношения. Из-под карандаша вылились ясные, четкие и удивительно простые слова. Он не понимал, отчего давным-давно не сказал их Кате. Передав другу теплый листок, он, зная, что поблизости нет телеграфа, попросил отправить молнию сегодня же.

— Завтра у меня путешествие на лесной остров Тримбомбом, разговор с лосихами, занятия по прыжкам в высоту с неким добрым пятнистым догом, а потом слушание семян и рейс в Севастополь!

Товарищ удивленно поднял брови, хотел что-то сказать, но Иван Иванович остановил его и приложил палец к губам. Фронтальной друг все понял, полубоялся инженера, хитро взглянул на него, легонько тряхнул и заулыбался. Из-под крыши доносилось «тиль-виль-тили-вили-чррр»...

Она и сейчас помнит день распределения. Раскрасневшаяся сокурсница с ликованием сообщает: «Все в порядке. Получила совсем рядом!» И советует: «Ты, главное, на Казахстан не соглашайся».

Вызывают ее — Анохину.

Тогда скорее всего ею двигало упрямство. Кто-то боится, а я не боюсь! Есть возможность устроиться поблизости от дома, но ведь хочется и еще чего-то. Скажут, глупость сделала. Почему глупость?..

Через месяц она была уже в совхозе «Самарский» Целиноградской области.

Было ли у нее призвание? Тут сложная ситуация. Конечно, можно встретить агронома по призванию, человека, которому любовь передана, скажем, по наследству от деда, отца, матери. Или вдруг юное воображение поразило нечто такое, что потом уже не отпустиает, требует развития, влечет к земле. Но, честное слово, таких людей не слишком много.

Вот и Нина Анохина, хоть и выросла в воронежской деревне, в работающей крестьянской семье, однако в сельхозинститут пришла без особого волнения, без сознания того, что сделан единственно правильный шаг. Точно так же могла она стать учительницей, врачом. Пришла сюда она, видимо, потому, что крестьянская жизнь, земледельческое занятие было ей привычнее и ближе, чем что-либо иное. И при всем том проникнуться профессией, беззаветно полюбить ее она в институте все-таки не смогла, и, может быть, именно поэтому ей захотелось проверить себя, и, главное, без промедлений проверить, а это можно только в трудном деле.

Теперь пора сказать, что шел шестьдесят четвертый — нелегкий для целины год. Перед этим — несколько неурожайных лет. Ветровая эрозия. Засуха. Шаблонная система полеводства. Именно тогда некоторые агрономы, много лет отдавшие целине, уезжали в места более благодатные и спокойные.

Вот это и отпугивало многих молодых специалистов от целины. И все же неверно, будто в то время на целине властвовал один лишь шаблон. Нет, всегда здесь были руководители и специалисты, не отказавшиеся от творчества. И в эти трудные годы шел поиск новой, прогрессивной системы земледелия.

Знала ли об этом Нина Анохина? В общих чертах — да.

Когда-нибудь, надо полагать, будет внимательно проанализирована вся польза, которую дала стране целина. Не только в тоннах зерна, мяса, молока, но и в воспитании людей творческих и настойчивых. Потому что целина с первых своих лет и по сегодняшний день строго, даже придирчиво проверяет людей делом. Тут быстро выясняется ценность человека — и нравственная и профессиональная. Очевидно, это оттого, что работы здесь всегда много, условия трудные, ответственность большая. Целина спрашивает строго. Но человеку знающему, твердому, самостоятельному она и щедро воздает — предоставляет широкое поле деятельности, богатейшие возможности проявить себя. Конечно, такие возможности есть в любом другом районе страны, но люди, работавшие и работающие в здешних местах, убежденно скажут вам: в «целинной школе» курс жизненной науки, курс приобщения к земле проходит как бы по уплотненной программе.

В такую вот школу попала Нина Анохина. Ей дали отделение — семь тысяч гектаров пашни, полсотни тракторов, побольше, чем в ином воронежском колхозе. И первая же посевная стала для молодого агронома настоящим испытанием.

Все было сделано как надо. Хорошо подготовили почву, вовремя засеяли хорошими семенами. И сроки вроде бы выбрали правильные. Но жара... Какая жара, какая сушь! Над полями — до горизонта — воздух дро-

путь к профессии

ТРЕБУЕТСЯ ДОКАЗАТЬ

жит и плавится. И пшеница не всходит. Высохшее, пепельно-серое поле.

— Помню, сижу я на кромке поля, — рассказывала Нина. — И реву. Вокруг трактористы, люди бывалые. Да не убивайся, говорят, Антоновна. Перепахшем, пересяем, если что... Береги молодое здоровье. Нет, говорю, и реву еще пуще. Не дам перепыхивать... Казалось, если сейчас ошиблась, не выйдет из меня агронома.

Нет, она не ошиблась. Жара спала, появились всходы, а потом пошел долгожданный дождь. В тот год отделение, где Нина работала, собрало самый высокий урожай в совхозе.

Счастливым, вы скажете, конец? Да не конец, скорее, начало. Потому что еще будут у Анохиной и ошибки, и неудачи, и минуты горьких раздумий. Но все это, вместе взятое, устранило сомнения в себе. Принято считать, что призвание — нечто врожденное, раз и навсегда данное. Это не всегда так. Часто человек через повседневность, через труд, через познание себя и своего дела приходит к призванию.

Нина ведь изучала в институте традиционную систему земледелия. Ту, что распространена в центре России, на Украине. Ей, этой системе, присущи десятилетиями проверенные приемы обработки почвы, сроки сева и способы уборки. Целина — совсем другое дело. По существу, Нине пришлось переучиваться, осваивать новую систему не только приемов земледелия, но и взглядов на земледелие. Причем система эта не была к тому времени чем-то готовым, застывшим, нет, она создавалась совместным поиском местных ученых и лучших практиков. В этом поиске участвовала и Нина Анохина, и чувство сопричастности к большому и важному делу тоже постоянно поддерживало ее.

Как много мы читаем и слышим о пользе и почетности земледельческого труда, о высокой миссии агронома. Все так. Но в этих оценках преобладает некая утилитарность. А ведь до чего же много теряем мы, забывая о таких непреходящих ценностях, как увлеченность, нравственная прочность крестьянского занятия. В нем, между прочим, находили радость и высокий смысл люди большой культуры и глубоких знаний.

Французский философ Габриэль Мабли писал в XVIII веке: «Когда у экономиста спрашивали, какой народ самый счастливый, он отвечал — тот, у которого поля лучше всего обработаны. Какое государство самое могущественное? То, которое способно извлечь наибольший доход из своих земель».

В семидесятых годах прошлого века бывший блестящий гвардейский офицер, а потом профессор химии А. Н. Энгельгардт был выслан из Петербурга в свое глухое имение под Смоленском. Двадцать с лишним лет занимался он земледелием, добился превосходных по тем временам результатов, опередил существующую практику и страстно и серьезно полюбил крестьянскую работу. Вспомните написанную им замечательную книгу «Из деревни» (12 писем).

Выдающийся советский ученый Н. И. Вавилов, президент Всесоюзной сельскохозяйственной академии, очень высоко ценил время, которое проводил в полях, на делянках.

Заметьте: сама работа на земле, наблюдение за природой, несуетливость профессии как бы побуждают человека серьезно думать о жизни, анализировать ее, искать ее закономерности.

И еще не удивительно в этой связи, что многие увлеченные хлебопашеством, селекцией, ботаникой люди искусно владели пером. Котов, Овсинский, Энгельгардт, Тимирязев, Докучаев, Вавилов — как сочно и увлекательно, серьезно и вдохновенно пишут они! Только безраздельная любовь к своему делу, углубленность в него, понимание необходимости его могут продиктовать

такие яркие страницы, которые мы встречаем в книгах, статьях и лекциях выдающихся аграрников.

Конечно, не каждому это дано и не от каждого требуется. Но увлеченность работой на земле, серьезность и вдумчивость всегда приносят агроному творческое удовлетворение. Вот и наша героиня постепенно пришла к нему. Сначала было только стремление утвердиться в профессии, совершенствоваться в ней. Потом — любовь к делу. Потом...

В заботах о семенах, удобрениях, технологических картах Нина сумела найти и свой собственный интерес. Она занялась сильными и твердыми пшеницами. Это те пшеницы, в которых особенно много белка, которые обладают отличными хлебопекарными качествами. Муку этих пшениц добавляют в хлеб обычных сортов, чтобы выпеченный каравай был пышным и вкусным.

Но сильной может быть не любая пшеница, а лишь определенные ее сорта. И очень многое зависит от качества семян, от их класса. Семеноводство — тонкая работа. И вот Нина Анохина взялась за эту работу. Сначала в отделении. Потом ее назначили агрономом-семеноводом совхоза. Теперь она отвечала за качество зерна всего хозяйства. Это уже сродни научной работе, пусть не слишком масштабной, но все же научной. Конечно, было много трудностей, но не о них речь. Важен сейчас результат: стараниями Нины Анохиной и семеноводческих бригад, которыми она руководила, совхоз полностью перешел на сортовые посевы сильных и твердых пшениц. Причем добился этого едва ли не первым в Целиноградской области.

Бывалые целинники вскоре признали за ней характер, упорство при веселом и добром, в общем-то, нраве. Опытнейший хозяйственник директор совхоза «Самарский» Иван Григорьевич Лихобаба, пригласившись к новому своему агроному, заметил в Нине Анохиной качество, которое он очень ценит в специалисте. Для себя Иван Григорьевич формулирует его приблизительно так: «Не бояться своего невежества». Да, специалист, агроном обязан быть честным с самим собой и окружающими, сознавать, что знает мало или недостаточно; это сознание, эта неудовлетворенность собой и есть импульс к самосовершенствованию.

Сейчас Нина Антоновна уже не в «Самарском», она работает в Атбасаре, в управлении сельского хозяйства. Ей трудно было расставаться с совхозом, с товарищами по общему делу. Но и Иван Григорьевич Лихобаба и другие люди, чьим мнением она дорожила, одобрили ее новое назначение. Все семенное хозяйство района — вот за что она теперь отвечает. Поле ее деятельности расширилось.

Ну а дальше что? А дальше что? — может возникнуть у читателя вопрос. Повысится урожайность в районе, все хозяйства будут давать отменное зерно? Для Нины Антоновны и это важно. Но конечную цель она не берет, определить, ибо она постигла логику профессии. У агронома — и в том-то прелесть и великий смысл этого извечного занятия — не может быть конечной цели. Возможность преобразования земли, познания тайн природы безгранична. На нашей с вами земле еще много, много работы, и работа эта сулит человеку, который нашел себя, и радость открытий и мудрое понимание жизни.

О. ПАВЛОВ

Наверное, устроители выставки «Народное образование — США» хотели показать Штаты с самой что ни на есть привлекательной стороны. Но не будем спешить обвинять их в показухе. Понятно, что выставки за рубежом США устраивают не для того, чтобы продемонстрировать на них свои недостатки. А для чего? И здесь я процитирую обращенные к посетителям этой выставки слова президента США.

«Нам нужен новый конструктивный диалог, — подчеркивает в своем приветствии хозяин Белого дома, — который сможет возникнуть только в результате дискуссий, обмена мнениями и идеями».

Мы — за это. Но диалог — это, как говорят американцы, не игра в одни ворота. И поэтому даже теперь, когда выставка в Москве уже закрылась, стоит продолжить тот разговор, что начался в Сокольниках монологом официальной Америки.

Стенды, испещренные цитатами и статистическими данными, машина — оценщик знаний, портреты знаменитых ученых, рекламно-яркие кинокадры... Все это подводит посетителя выставки к, казалось бы, логичному финалу: отрывку из фильма о полете корабля «Аполлон-11» на Луну, к апофеозу американской науки, а значит (по замыслу устроителей выставки), и к триумфу американской системы образования.

Любой факт, а тем более явление, можно повернуть и так и эдак. Стенды, экспонаты выставки были призваны убедить нас, что американские школы, колледжи и университеты — это инкубаторы по производству великих ученых и исследователей. И навряд ли это можно будет полностью отрицать.

Возьмем экипаж «Аполлона-11», отрывки из фильма о полете которого мы видели на выставке в Сокольниках. Нэйл Армстронг закончил университет Пердью в штате Индиана, Майкл Коллинс — фешенебельную среднюю школу Сент-Элбанс и не менее respectable военную академию Уэст-Пойнт, а Эдвин Олдрин, помимо диплома Уэст-Пойнта, еще защитил и докторскую диссертацию в Массачусетском технологическом институте.

Значит, верна официальная схема?

Но школы и вузы США выпускают в жизнь и людей, подобных лейтенанту Келли, который руководил резней мирных жителей во вьетнамской деревне Сонгми и лично пристрелил 109 человек. Келли закончил среднюю школу имени Эдисона (!) в Майами и почти год проучился в младшем колледже в городке Лейн Уорт. Он ничем не отличался от сотен тысяч своих сверстников и, по мнению людей, его знавших, был, как говорят в США, «All american boy», т. е. «стопроцентным американским парнем», — не то чтобы выдающимся, но и не посредственным, нормальным американским парнем, своего рода эталоном выпускника нормальной американской школы, колледжа, университета.

Так что же тогда американская школа — это инкубатор потенциальных убийц?

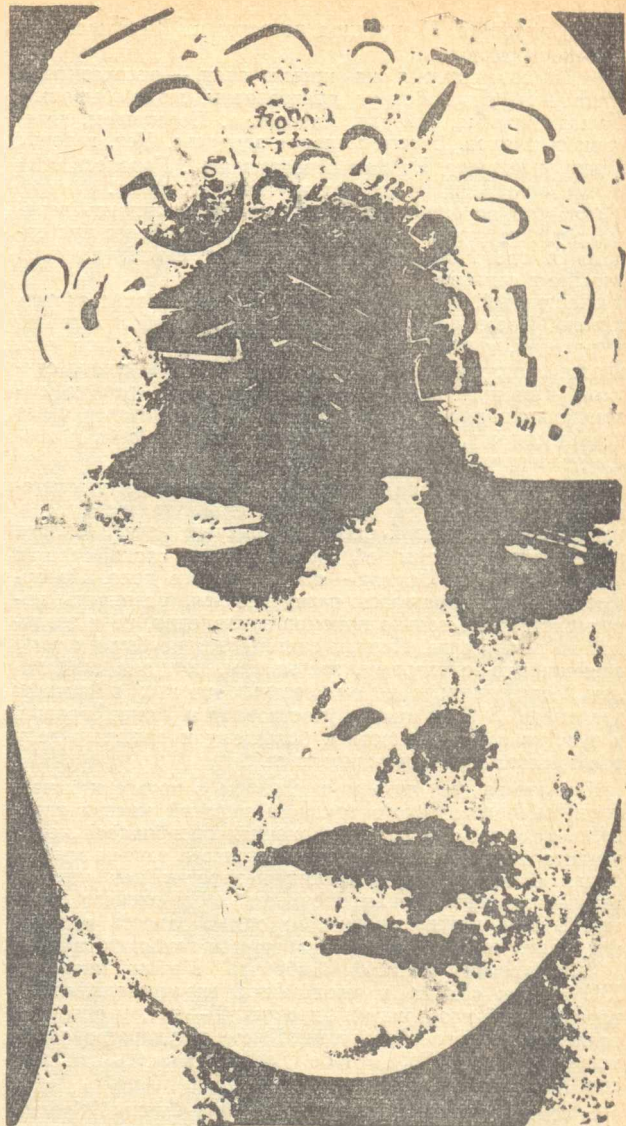
Схемы, как правило, не помогают нам узнать истину. Марксистско-ленинский подход к явлению учит нас всегда и во всем находить классовую суть, различать интересы тех или иных классов за любыми фразами, заявлениями и обещаниями. Это нам помогает понять, почему выпускники одной и той же школы, одного и того же колледжа или университета США могут стать гордостью Америки, но могут и опозорить не только имя своей родины, но и само звание Человека.

Америка, в ее нынешнем империалистическом виде, нуждается и в тех, и в других. И также в широком ассортименте специалистов в самых различных видах и областях человеческой деятельности, расположенных между двумя крайними полюсами — «Аполлоном» и деревней Сонгми. И то и другое — Америка. И кадры, человеческий материал для осуществления того и другого, поставляют американская школа, американский университет.

«В деле народного образования, — читаем мы слова профессора Уильяма У. Брикмана в проспекте выставки «Народное образование — США», — Соединенные Штаты обращают особое внимание на индивидуальный подход к учащимся, стремясь воспитать в каждом гражданине чувства собственного достоинства и независимости, умение мыслить смело и свободно, способность в нужный момент избрать ту идею и тот образ действий, какие он сам считает самыми правильными из всех».

То, как добиваются этого в американской школе, выставка не объясняет. А это небезынтересно.

В американской литературе, специально этой проблеме посвященной, и даже в проспекте выставки то и дело встречаешься с такими терминами, как «отбор», «выявление наиболее способных», «коэффициент умственных способностей», «приспособляемость» и даже «конкурентоспособность». Это не случайно. Система, построенная экономически и политически на принципе так называемого свободного предпринимательства, где действуют неумолимые «законы джунглей», где выживают и процветают только самые сильные, самые ловкие и безжалостные, разрушила латино-европейский образец обще-

НА
КОНВЕЙЕРЕ
СТОПРО
ЦЕНТНОСТИ

образовательной школы, сначала в США привившийся, и приспособила ее к своим конкретным нуждам и целям. Американская школа, как, впрочем, и вуз, стала своего рода центром отбора наиболее жизнеспособного молодняка, отбора по сути своей жестокого, бесцеремонного и чисто делового.

Уже приготовивши в интернатных и начальных школах проехавшую целую серию тестов насообразительность, на КУС (коэффициент умственных способностей) и приспособляемость.

Американские учителя сами говорят, что тесты эти, особенно на КУС, нередко несправедливы и детям именно как к формирующимся личностям, и даже не столько вначале, сколько потом, когда сказываются последствия неминуемого в результате этих тестов иерархического разделения. «От ребенка, получившего 85 на КУС, — говорят американские учителя, — уже многого не ждешь. На таких почти не обращают внимания...» (По системе оценок, способный — 140. Гениальный — уже 180. Но это редко — на 5 миллионов один.)

Боязнь получить это клеймо «ученика, от которого многого уже не ждешь», порой настолько велика, что дети начинают испытывать почти панический страх перед школой. Дело доходит иной раз до того, (как в штате Нью-Джерси), что родители дают детям перед началом уроков сильнодействующие успокаивающие средства, чтобы уберечь их нервы от потрясения.

От этого вроде бы стараются уберечь детей в американских школах. Почти что в каждой есть свой штатный психолог-бихевиорист (специалист по психоанализу и проблемам поведения), которому вменено в обязанность следить за приспособляемостью психики каждого ученика к школе и ко всему американскому образу жизни. «Кому: ВСЕМ УЧИТЕЛЯМ.

Нерпимость по отношению к окружающей в классе среде зачастую является синонимом потенциальной не приспособленности ученика к жизни. В целях воспитания правильного отношения к обязанностям взрослого человека в демократическом обществе прошу направлять ко мне всех новых учеников по вторникам раз в две недели для внесения в карточки личных интервью и подробных аналитических данных.

Элла Фриденберг, советник по воспитанию».

Если помните — это из прекрасной книги американской писательницы Бел Кауфман «Вверх по лестнице, ведущей вниз».

В реальной американской жизни существуют тысячи совершенно реальных мисс Фриденберг, которым вменено в обязанность привить на дичок детского сознания черенок американизма и проследить за тем, чтобы он прижился и дал заранее запланированные плоды.

Видный теоретик бихевиоризма доктор Лаурен Резник дает в журнале «Гарвард эдьюкейшнл ревю» весьма откровенную инструкцию. Роль учителя, по д-ру Резнику, должна быть сведена — как это ни чудовищно — к роли контролера на конвейере по сборке стандартных личностей.

Школа и вуз, таким образом, должны — очевидно, в идеале — превратиться со временем в своеобразные фабрики по производству готовых «человечко-блоков», которые можно будет даже без подгонки использовать в соответствующих узлах американской государственной, экономической, политической и военной машины.

На таких обучающих фабриках будут использованы, очевидно, не только кибернетические машины. По словам профессора Уолфа, в США разрабатываются сейчас проекты, предусматривающие «возможность вводить в тело человека химикалии, способные хранить и передавать информацию». Ребенок, попавший на школьную скамью, будет практически беззащитен в руках американских селекционеров душ, которые уже имеют право на эксперименты над детской психикой. Представим себе, что им дадут право вводить детям инъекции «сывороток знания»! Кто может поручиться, что в ребенке не убьют поэта для того, чтобы сделать его специалистом по заминчиванию гаек на конвейере.

Не случайно писатель Поль Гудман, комментируя изыскания современных бихевиористов, пишет, что «эксперименты по «модификации» человеческого поведения, проводимые в американских школах, есть не что иное, как насилие над личностью».

Гудман и сам понимает, что дело здесь не только в бихевиористах — в конце концов они выполняют данный им свыше социальный заказ. Насилие над личностью так же свойственно американской системе образования, как и всему американскому обществу.

В книге «Обязательное недоразование» Поль Гудман пишет:

«В организационном плане школы играют как необразовательную, так и образовательную роль. В начальных классах они представляют собой своего рода детские сады, где с детьми занимаются нянчки. В средних и старших классах школы выступают в качестве филиала полиции, где есть свои надсмотрщики и концентрационные лагеря, которые оплачиваются из бюджета «Совета по образованию». Образовательная же роль школ сво-

дится к тому, чтобы обеспечить — как за счет родителей, так и за счет общественности — подготовку специалистов для корпораций, правительственных учреждений, новых учителей, а также научить молодых, по выражению уполномоченного по делам образования Нью-Йорка, «конструктивно решать свои проблемы приспособления к власти».

Точнее — приспособления к американскому образу жизни. Школа и колледж учат своих питомцев воспринимать его как нечто неизбежное. Юных американцев приучают смотреть на окружающий их мир свозь звездно-полосатые очки американизма. Это неизбежно приводит к типичной для американцев «нуриной слепоте», возникающей в результате ежедневного потребления направленной информации и препарированных фантов, поставляемых как школами и колледжами, так и средствами массовой информации. Все, что противоречит идеалам американизма, предается анафеме со школьных и университетских кафедр. Мышление миллионов намеренно стандартизуется, унифицируется, сводится к системе стереотипов.

Во многих американских школах — согласно законам, принятым в ряде штатов, — обязательно преподавание «курса коммунизма». Известно, что в качестве авторов учебников для этих курсов выступают такие известные антикоммунисты, как шеф ФБР Эдгар Гувер и лидеры ультраправых организаций США. К чему приводит такая информация о коммунизме, можно судить хотя бы по тем отрывкам из сочинений американских школьников о Советском Союзе, которые приводит в своей книге писатель Бенджамин Апелль:

«Россия — примерно такая же большая, как Нью-Йорк, или немного больше».

«Я слышал, будто в России детей учат становиться диктаторами, если это правда — мир в опасности».

Удивительно ли все это, если даже русский язык в американских школах, как свидетельствует выставка в Союзнаках, изучают в основном по русским эмигрантским изданиям, а не по советским.

Проваленная американская система «индивидуального подхода» к учащимся, широкая сеть школ для особо одаренных детей обеспечивают не только точное воспроизводство стандартизированных «человечко-блоков», но и постоянный приток «свежей крови» для исследовательских отделов корпораций, научных учреждений и правительственных ведомств США.

Талант, а тем более гений стали в США предметом купли-продажи, а также объектом выгодного размещения капитала. В поисках людей с повышенным КУС представители корпораций и правительственных ведомств буквально не вылезают из колледжей и университетов. В своей книге «Оружие, деньги, политика» американский журналист Джулиус Душа пишет, что военное министерство США захватило главенствующую роль в американской науке. Три четверти инженеров и научных сотрудников США работают для военных и космических целей. 80 процентов всех федеральных средств, отпускаемых на научные исследования, поглощаются военной и космической программами Пентагона. Это составляет около 15 миллиардов долларов в год.

Милитаризация науки в США породила особый вид научной интеллигенции — «интеллигентов, специалистов по вопросам обороны», которых «Нью-Йорк таймс» бук реву» язвительно назвал «интеллигентами мегасмерти».

Именно они, «интеллигенты мегасмерти», придумали и шариковые бомбы, и ракеты «Шрайны». Они разрабатывали планы «дефолиации» (уничтожение растений химическими веществами) и строительства «стратегических деревьев». Они же доводили до совершенства «методику карательных операций», в которых, однако, участвовали не они сами, а такие «All american boys», как лейтенант Келли. Возможно, что они пришли в ужас, когда увидели снимки того, что проделала в Сонгми рота «Си». Возможно, нет. Может быть, они просто учили в своей очередной рекомендации «неблагоприятный фактор реакции общественности»...

Честные американцы, порой даже выпускники одного с ними вуза, клеймят этих «интеллигентов» презрением. Издатель журнала «Нэйшн» Джордж Кирштейн писал, что «тот физик, ученый, просто человек, который спойно рассматривает возможность гибели миллионов людей, заслуживает морального отлучения от всего человеческого рода».

И Кирштейн, и тысячи его единомышленников в Соединенных Штатах тоже заканчивали американские школы и вузы. Может быть, их учили не только люди, подобные мисс Фриденберг, но такие, как Бел Кауфман. Такие учителя — хотя их и меньше — тоже есть в американских школах и колледжах.

И может быть, именно благодаря им выходит в жизнь с аттестатами и дипломами не только стандартные «All american boys» и «интеллигенты мегасмерти», но и люди, которыми справедливо гордится Америка и все человечество.

В. БОЛЬШАКОВ
(«Комсомольская правда», 19 декабря 1969 г.)

ЖЕНЩИНА

ЖЕНЩИНА с большой буквы

Эм. Миндлин. НЕ ДОМ, НО МИР. Повесть об Александре Коллонтай. М., Политиздат, 1969.

— Ты только послушай! Это звучит как стихи, — взволнованным шепотом говорит своей сестре молоденькая русская девушка конца прошлого века. Она прелестна, нарядна, она генеральская дочка, жизнь лежит перед ней как ровная, полная солнца дорога.

Что же могло взволновать и восхитить такую девушку? Что прозвучало для нее как стихи? Вот она читает вслух потрясшие ее строчки:

«Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче, угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу...»

Слова «Коммунистического манифеста» тронули не только ум девушки — ум не по возрасту развитый, ищущий, пылкий, — но прежде всего ее душу. От чувства — к мысли, от непосредственного движения души — к жадному чтению, к овладению теорией, а потом и к практическому действию в великом стане борцов за пролетарскую социалистическую революцию.

Девушку зовут Шурочка Домонтович. Первый порыв ее к революции укладывается в известную фор-

мулу Маяковского: «Я с небес поэзии бросаюсь в коммунизм, потому что нет мне без него любви...»

Через несколько лет эта девушка будет известной. Ее будут звать Александра Коллонтай. Ее долгая жизнь в революции, ее борьба, ее творчество, ее раздумья — все это станет одной из страниц в истории большевизма.

Повесть Эм. Миндлина «Не дом, но мир» читается безотрывно. Казалось бы, эпизоды из истории революционного движения, включенные в книгу, хорошо известны читателю. Но это не лишает ее свежести, потому что автору удалось найти живые детали событий, приметы времени и места, а главное, подойти изнутри к сложному и притягательному душевному миру своей героини. Сильный, «мужской» интеллект, самобытность и бесстрашие мысли переплетаются в характере Александры Коллонтай с неувядающей женственностью. Она не просто красива, элегантна, обаятельна, она еще наделена даром душевной грации, которым окрашены все ее литературные и ораторские работы. В разных возрастах, в разных точках мира появляется перед читателем «валькирия революции» в ее озарениях и порывах, в ее самообладании и смелости, в ее ошибках — таких человеческих, в ее мужестве и трудолюбии...

Александра Михайловна Коллонтай принадлежала к той плеяде счастливых, кому судьба подарила личное общение с Лениным. В ноябрьский петербургский свинцово-серый день на конспиративной квартире она впервые увидела и услышала Владимира Ильича. А знакомство состоялось немного позднее, когда Коллонтай принесла зашитое в подкладке муфты письмо, за которое дорого дала бы полиция.

«— Так вы и есть товарищ Коллонтай? Помню ваши статьи о Финляндии. Здравствуйте, товарищ Коллонтай! — ...Она видела, что Ленин внимательно рассматривает ее, изучает и, видимо, одобряет: правильно, что оделась барынькой, за такой не уяжется шпик...»

Ленинское ораторское искусство, неотразимость ленинской аргументации становятся мощными факторами душевного роста героини. Особенно запоминается сцена похорон супругов Лафарг. Убитая неожиданной смертью друзей, Александра Михайловна слушает речь Ленина. В его устах траурная речь звучит жизнеутверждающе. А когда Ленин кончил, заговорила Коллонтай. Она подхватила ленинскую тональность речи: заговорила не о смерти, а о жизни. О счастливой жизни Лауры Маркс-Лафарг, дочери великого отца и жены великого мужа. «Поль и Лаура жили как единомышленники-борцы, умерли как философы. Можно завидовать счастью этой прекрасной пары».

Даже в периоды «кружения сердца», когда повышенная впечатлительность и эмоциональность уводили порой Александру Михайловну в сторону от ленинского курса, она ловила себя на том, что мысленно спорит сама с собой, пользуясь аргументами из арсенала Ленина.

А какое гордое чувство охватывает Александру Коллонтай, когда во время первой мировой войны ей становится ясно, как серьезно смотрит Владимир Ильич на ее работу, какие надежды, в частности, возлагает на ее поездку в Америку!

Вслед за своей героиней автор ведет нас по различным странам, и читатель сталкивается с великими деятелями мира. Перед нами Плеханов, и Карл Либкнехт, и Роза Люксембург, и Инесса Арманд, и Клара Цеткин, и живые Лафарги... Добрая старая Англия. Тихий Хольменколлен. Особенно ярко встает то гостеприимная, то негостеприимная Скандинавия.

динавия, где сначала было вынесено решение шведского правительства о высылке «агитаторши Коллонтай» навеки за пределы шведского государства, но где спустя несколько лет все газеты с изумлением «прокричали неслыханную в мире сенсацию: госпожа Коллонтай (женщина, большевичка) назначена чрезвычайным посланником СССР в Норвегии». Бегло, но достаточно выразительно набросаны силуэты известных русских деятелей культуры, чьи пути пересекались с жизненными дорогами Коллонтай. Татьяна Щепкина-Куперник. Елена Стасова. И даже Игорь Лотарев, будущий поэт-эгофутурист Игорь Северянин.

Без постного морализирования, полнокровно и ярко показана и жизнь сердца этой Женщины с большой буквы. Никаких компромиссов с чувством! Никаких рассудочных натяжек! И читатель принимает все: и безоглядную любовь к молодому Дыбенко, и уход от мужа, порядочного человека, отца ребенка...

Больше других удалась последние главы повести, особенно заключительная, выразительно озаглавленная «Увенчанная старостью». Глава эта проникнута гордостью за то душевное богатство, каким владела «валькирия революции». И на восьмом десятке она не согнута старостью, а увенчана ею. Именно в богатстве духа — секрет энергичного биеия жизни и даже секрет неуядаемой внешней привлекательности.

Мир был домом этой необыкновенной женщины, и мир сохранил восхищенную память о ней.

Е. АКСЕНОВА

НЕБО ВОЙНЫ

Н. Кравцова. ОТ ЗАКАТА ДО РАССВЕТА. Повесть. Рисунки И. Година. М., „Детская литература“, 1969.

Эту небольшую книжку можно начать читать с любой главы, потому что каждая глава — подлинный документ воинской отваги, рассказывающий о подлинных героях.

Герои эти — не какие-нибудь богатыри атлетического сложения, а всего лишь 19—20-летние девушки, озорные и стеснительные, резкие и нежные, отчаянные и скромные, любящие попеть, поплясать, помечтать... В прошлом ученицы аэроклубов, студенты разных институтов. Их благословила в боевой путь сама Марина Раскова, по инициативе которой был создан специальный женский летный полк. И вот после шестимесячного обучения в летной школе они стали военными летчицами. Всю Великую Отечественную войну они сражались с фашистами, освобождали Белоруссию, Кавказ, Крым, дошли до Берлина. Эти необыкновенные девушки на своих ночных бомбардировщиках, беззащитных «ПО-2», «от заката до рассвета» регулярно совершали опаснейшие налеты на врага, бомбя его склады, цистерны с горючим, автомашины.

Книга названа повестью. Название довольно условное. Скорее, это воспоминания, хронологически отражающие отдельные эпизоды войны. Повествование

ведет летчица 46-го гвардейского Таманского полка Герой Советского Союза Наталья Федоровна Кравцова, совершившая 920 боевых вылетов.

Она вспоминает своих боевых подруг, показывая их то в обстановке боя, то в момент отдыха, увлечений, проказ. О самых героических полетах, об отчаянной, невероятной смелости автор пишет очень сдержанно, скуп, суховато, обращая внимание прежде всего на трудность выполнения боевого задания, искусство пилотажа, маневренность и находчивость в воздухе, летное мастерство. Деловой, мужественный тон повествования подчеркивает значительность подвига летчиц.

Но в этот деловой объективный тон то и дело влетает лирическая, задушевная и даже нежная интонация. Каждую из летчиц автор успевает показать как человека с определенным характером и темпераментом. И когда, почувствовав расположение к этим мечтательным, а подчас и своенравным милым девочкам, таким обычным и домашним на земле, вдруг видишь их выдержку, удачу и лихость в бою — это поражает. Даже скупая регистрация боевых дел летчиц глубоко трогает читателя, вызывая и гордость, и горечь сожаления о погибших.

Образ самой Наташи Кравцовой занимает связующее и центральное место в повести. Перед нами проходит военная судьба девушки, ее первая любовь, мечты, размышления о Родине, о друзьях и врагах. Радость и горе, надежда и грусть тесно переплелись и в ее жизни, и в жизни ее подруг.

Рассказывая о любом боевом вылете, Наташа непременно обращается к природе, для нее интересно все вокруг. Кажется, что и профессию летчика она полюбила именно потому, что там, в небе, еще острее ощущает Родину.

Поэтому так органичны заключительные строки повести: «Люди по-разному представляют себе Родину. Одни — как дом, в котором родились, или двор, улицу, где прошло детство. Другие — как берег над рекой в родном краю. Или морской берег с шуршащей галькой и откос скалы, откуда так удобно прыгать в воду...»

А я вот ничего конкретного себе не представляю. Для меня Родина — это щемящее чувство, когда хочется плакать от тоски и счастья, молиться и радоваться.

Родина...»

Э. САНДАЛОВА

ЗЕМЛЮ — ШАГАМИ

Борис Вронский. ТРОПОЙ КУЛИКА. М., „Мысль“, 1968.

Эта история разразилась как гром среди ясного неба. Небо было ясное — в самой середине бескрайней российской Сибири стояло тихое летнее утро 30 июня 1908 года. Грянул гром, и с неба сошел на землю огненный столб. А может, упал огненный снаряд. А может, еще что-нибудь. Никто до сих пор не знает наверняка, что тогда произошло. Но по расходящимся кругам постепенно стал вырисовываться смысл случившегося. В безлюдном районе Подкаменной Тунгуски совершилось событие космического масштаба. Что-то пролетело по небу и, упав, взорвалось в тайге.

В нескольких десятках километров взрывной волной снесло чум со спавшими эвенками, один из ко-

торых сломал руку и от потрясения лишился дара речи.

В нескольких сотнях километров, в Ириутске, директор обсерватории зафиксировал землетрясение, но настолько странное, что он не решился опубликовать данные сейсмозаписи.

В нескольких тысячах километров, вплоть до берегов Атлантики, с 30 июня по 1 июля ночи не было: небо светилось.

Американский астроном Аббот в Калифорнии в течение двух последующих недель наблюдал значительное помутнение земной атмосферы, которое он никак не мог объяснить.

Между тем сибирские звенки, попытавшиеся приблизиться к месту катастрофы, обнаружили, что на огромной площади тайга исчезла, превратилась в обугленную пустыню. Звенки сложили миф о том, что повелитель духов бог Агды посетил землю и опустошил ее. Этот миф вошел в звенный фольклор и позднее был записан филологами.

Российские газеты опубликовали рассказы очевидцев о полете огненного тела над Сибирью. Авторы календарей поместили их рассказы в свои последовавшие издания. Тунгусский метеорит (или то, что было истолковано как метеорит) исчез во глубине России, оставив вопросительный знак в воображении ученых всего мира.

Потом нам было не до космоса. Известно, что вскоре началась первая мировая война, затем две российские революции, затем гражданская война и разруха. Лишь в 1921 году нашелся энтузиаст, который при содействии наркома Луначарского ископал кое-какие средства и поехал в Сибирь искать место происхождения. То был тридцативосьмилетний ученый Леонид Кулик. Он еще не знал, что имя его войдет в легенды, что начинается самый замечательный период его жизни. В бумагах Кулика лежал листок отрывного календаря за 1910 год. На обороте листка сообщалось о том, как пассажиры транссибирской магистрали наблюдали полет гигантского метеорита. Кулик ухаживал за ниточкой. Он стал объезжать Енисейский край, разыскивая очевидцев. Он медленно сужал круг. Шесть лет понадобилось, чтобы на карте была поставлена предположительная точка, чтобы в столице ученые поверили в это дело, чтобы Кулик убедил дать деньги на новую поездку в Сибирь. Он ехал месяц поездом и еще несколько сот километров конным трактом. Потом звенки сказали ему, что дальше пути нет и что шаманы запретили им посещать «закрытое место». Лишь со второй попытки Кулик пробился сквозь тайгу на сотню километров к северу. Последние дни он прорубал путь топором. Потом тайга исчезла, легла к ногам. Тайги не стало. Перед потрясенным Куликом расступился до горизонта вывал леса. Так к месту загадочного падения приблизился первый ученый.

Десять последующих лет, с перерывами, то один, то в обществе временных помощников Кулик прожил в кратере вывала, разыскивая обломки метеорита, исчезнувшие непонятно куда. О Кулике забывали, вспоминали, его ехали спасать, находили живым, потом опять забывали. Вторая мировая война вырвала Кулика из таежной избушки. Он пошел на фронт и погиб в 1942 году. Он не знал, что пробитая им стезя от Ванавары к вывалу станет называться тропой Кулика и что пятнадцать лет спустя, идя по его следам, экспедиции мирного времени с замершими сердцами переступят порог брошенной, почерневшей его избушки и снимут шапки.

Так за звеном вытягивается цепь. Эстафета доходит. В конце пятидесятих годов начинается новый этап в разгадывании тунгусского чуда. Тропой Кулика идут профессиональные экспедиции, оснащенные новейшим оборудованием. Один из участников этих научных экспедиций — Борис Вронский — пишет ту самую книгу, которая сейчас лежит передо мной.

Это не научное исследование, хотя его автор перечисляет, кажется, все возможные гипотезы происхождения тунгусского взрыва: от упавшей на Землю ледяной горы до ядра кометы Понс-Виннеке и от аварии атомного звездолета до облака внеземной пыли, врезавшегося в земную атмосферу. В силу своей специальности геолог и минералог Вронский придерживается классического мнения, что все-таки это был гигантский метеорит, но как автор книги он не делает из этого проблемы, он терпимо, даже весело излагает самые сумасбродные версии, странствуя по мнениям своих оппонентов так же, как он странствует по тайге в поисках обломков космического железа.

Тема и пафос книги другие. Заметьте, она названа не «По следам метеорита» и не «Загадка, прилетевшая из космоса». Вронский назвал свою книгу «Тропой Кулика», и назвал очень точно. Это книга следопытская. Ее герои не космические гипотезы, а зем-

ные люди, колесящие сегодня по тайге в поисках разгадки. По следам Кулика пошли десятки и десятки людей.

Кто? Как?

Когда в 1958 году полувековой юбилей события всколыхнул интерес к тунгусской загадке, Академия наук сформировала и послала в район падения несколько исследовательских экспедиций. Разумеется, они были оснащены лучше Кулика, им уже не приходилось выпрашивать в Ванаваре оленей и уговаривать звенков проводить их в «запретное место». Экспедиции рубежа пятидесятих-шестидесятых годов, возглавлявшиеся Кириллом Павловичем Флоренским (кстати, сыном известного русского философа), шли в тайгу, так сказать, под стрелок вертолетов и кинокамер. И все же, при всей щедрости, Академия наук, конечно, не бросала денег на ветер, так что действовать приходилось весьма экономно. К тому же объем работ был огромный. Кулик открыл место. Теперь нужна была монотонная работа: пробы почвы на тысячекилометровой площади, анализы всего на свете — от грунтов до колец на спиле деревьев и от азимута вывала до состава костей в захоронениях. Работы было столько, что никакая сезонная экспедиция с нею бы не справилась, тем более что вертолет вертолетом, а тайга тайгой — все-таки сотня километров, отдельная место взрыва от ближайшего поселения, была тропой, так что приходилось мерять ее не колесами, а ногами, а дождь летит, и комар ест, и болото хлопает, как пятьдесят лет назад.

И здесь началось самое интересное. На помощь штатным специалистам, обосновавшимся в избушке Кулика, хлынули студенты из крупных университетских городов Сибири и Центра. Сколачиваясь маленькими группами, исхитряясь экипироваться на свои средства, протаскиваясь в байдарках через порожистые речки, продираясь через тайгу, они потянулись к месту падения метеорита. Они являлись к избушке Кулика ободранные, вымокшие и счастливые; они ставили палатки, развешивали на деревьях юмористические лозунги и принимались за дело. Дело было простое: перетаскать на своем горбу рюкзаки с тремя десятками килограммов земли, выкопанной в сотне километров от избушки, исследовать землю на присутствие никеля или стронция и, убедившись, что в данной пробе метеоритного вещества нет, идти за новой порцией... Они не собирались писать о тунгусском феномене научных работ. Что же было их? Чтобы понять это, надобно представить себе дух нашего студенчества начала шестидесятых годов. Русский студент прошлого века вошел в хрестоматию с томом Гегеля в одной руке и прокламацией в другой. Нынешний студент, обросший бородой и горланящий походную песню, войдет в будущую хрестоматию под рюкзаком. Этот дух сохраняется и теперь, только маршруты чуть сдвинулись; сейчас из тайги студенты устремились к старинным памятникам, теперь они, такие же обросшие, обмеряют старые крепостные стены и чистят фрески. Но рубеж пятидесятих-шестидесятых годов был настоящим апогеем лесного следопытства. Исследования тунгусского вывала в значительной мере проделаны руками студентов. Б. Вронский, сам человек другого возраста и опыта, тепло описывает студенческий стиль: живописные дыры на штормовках, гам и гомон, гигантские ностры и громкие песни, непрерывное остроумие и невероятную самоотверженность. Волна за волной сменяется на тропе Кулика: новосибирцы сменяют ленинградцев, москвичи — новосибирцев, студенты из Томска — москвичей; все — рыцари и бесребреники, и надо всем — три буквы: КСЭ — Комплексная самостоятельная экспедиция, совершенно новая форма научного следопытства нашего времени.

А волны все шире расходятся по России. К большому ностру около избушки Кулика подбредают двое, сбрасывают рюкзаки и без сил опускаются на землю. Их кормят, им помогают обсушиться, потом у них спрашивают, кто они и откуда.

Они из Муромы.

Из Муромы! Надо же знать российские расстояния, чтобы понять такое! Это же три тысячи верст! Это же как от Гибралтара до Нарвика — Европа в поперечнике, и это — сквозь тайгу, на свой страх и риск.

Зачем? Просто — дойти. Побывать. «Я там был». У человеческого достоинства своя логика. Двое парней из муромской типографии кладут свой трудовой отпуск, чтобы добраться до Тунгусской Мекки, и падают у костра от усталости. Потом они два дня работают в составе КСЭ и уходят, чтобы за оставшиеся от отпуска полторы недели успеть добраться до Муромы. И они — на вершине счастья.

«Я там был».

Счастливы меряющие землю шагами! Те, у кого есть чем мерить, есть что мерить и есть во имя чего мерить.

Л. АННИНСКИЙ

нужное „слово“

СЛОВО О КНИГЕ. Афоризмы. Изречения. Литературные цитаты. Составитель, автор предисловия и введений к главам Е. С. Лихтенштейн. М., „Книга“, 1969.

К тому, о котором я говорю, очень подходит известное выражение «настольная книга». Его хорошо держать у себя на столе, изредка раскрывая наугад. Прочтешь любую страницу и всякий раз найдутся высказывание, мысль, над которыми задумаешься, иногда поспоришь, а чаще согласишься, запомнишь.

Кто же написал эту книгу? Авторы — четыреста пятьдесят два! Древние греки и римляне, средневековые летописцы, писатели, ученые, деятели культуры прошлого и настоящего. А собиратель этого множества авторов один — советский книголюб, издательский работник Е. С. Лихтенштейн.

Книга организована по разделам. Вы прочтете высказывания о книге как «чуде из чудес», о знаниях, которые дают человечеству книги, об отношении писателей к своему труду, о роли редактора и критика, о читателе наедине с книгой, узнаете много интересного о значении книги в жизни и развитии человечества.

«Без книг мы оставались бы дикарями», — сказал французский философ и поэт XVIII века Гельвеций. «...Книга есть последнее слово множества умов, сказанное одним умом», — это определение Горького вызывает мысль о писателе как выразителе дум и чаяний народа.

Материал работы писателя — язык. От умения пользоваться его выразительностью зависит успех работы писателя, публициста. Но разве только к писателям это относится? Ведь то же можно сказать о педагоге, о каждом, кто воспитывает детей. Точность, ясность, краткость языка — могучие средства воспитания. Каждому необходимо оттачивать искусство свободного распоряжения словами, выбора самых точных, ясных и ярких. Ведь от того, каким языком мы говорим с детьми, зависит, каким языком будут говорить они сами, усвоят ли они мысли и знания, которые мы хотим им передать.

«Нет мысли, которую нельзя было бы высказать просто и ясно», — говорил А. И. Герцен. «Краткое, точно жемчуг, блестящее содержанием. Настоящая мудрость немногословна», — это высказывание Льва Толстого как бы дополняет мысль Герцена. И новое ее уточнение дал Ленин: «...Изыдшие слова только ослабляют совершенно достаточное и рельефное выражение мысли...»

Да, простота, краткость, рельефность обязательны во всяком общении — не только писателя с читателем, но и в нашей устной речи, особенно же обращенной к детям. Тут надо подчеркнуть слово «рельефность». Не всякая коротко выраженная мысль или информация задерживается в сознании слушателя, читателя. В этой связи уместно вспомнить еще одно высказывание Герцена: «Трудных наук нет, есть только трудные изложения».

Думается, что у каждого воспитателя, педагога, просматривающего «Слово о книге», возникнет множество ассоциаций, сравнений, связанных с его собственной практикой, возникнут и новые мысли. Этим и ценно для нас всех «Слово о книге».

По обязанности рецензента должен упомянуть и о том, что, на мой взгляд, не совсем удачно в книге. Составитель располагает внутри разделов высказывания по алфавиту их авторов. Исключение сделано только для классиков марксизма-ленинизма: их высказывания открывают каждый раздел. В остальном — цитаты из произведений XVIII века и даже более ранние соседствуют с современными: Гете рядом с Гладковым, Козьма Прутков между Пришвиным и Пушкиным. Получается своего рода «сборная солянка». Пожалуй, для читателей было бы удобнее иное расположение — например, хронологическое.

Но надо иметь в виду, что составитель адресует свой труд прежде всего тем, кто занят творческой работой «над книгой и с книгой... кто содействует ее

общению с читателем». Для специалистов-книжников, пользующихся этим трудом как справочником, такое расположение, может быть, и удобно, но для множества книголюбов, которых заинтересует «Слово о книге», алфавитный порядок затруднит чтение.

Впрочем, найти расположение, удобное для всех, нелегко — в любом снагнется субъективность составителя. Но, пожалуй, читатель и не посетует на некоторую долю субъективности, если она достигнет цели — сделает увлекательным составление мнений авторов, то согласных друг с другом, то вступающих в разногласие — и тем самым возбуждающих движение собственных мыслей читателя.

Но это вопрос спорный. А вот что кажется мне несомненным упущением — это отсутствие указаний, из какого произведения взята цитата, невозможность для читателей ее разыскать. А ведь иногда очень важно знать, в каком ряду мыслей нашло себе место цитированное высказывание, что дало для него повод или какие следствия выводил из него автор. Этот дефект можно без большого труда исправить в следующем издании книги — оно, вероятно, потребуется.

Александр ИВИЧ

недавно выпущено...

Аким ушкин И. С утра до вечера. Рис. Л. Дуракова. М., «Дет. лит.», 1969. 288 с. с илл. 50 000 экз. 59 к. (Познавательная книга о жизни животных; для детей среднего и старшего возраста).

Амлинский В. Среди людей. Рис. Л. Штайнмеца. М., «Дет. лит.», 1969. 95 с. с илл. 50 000 экз. 28 к. (Для детей старшего возраста).

Бременер М. Присутствие духа. Повесть. Рис. В. Высоцкого. М., «Дет. лит.», 1969. 208 с. с илл. 75 000 экз. 45 к. (Для детей среднего и старшего возраста).

Всегда всем весело. Сборник игр для пионеров и школьников. Сост. Е. М. Минский. Изд. 2-е, переработ. и доп. М., «Мол. гвардия», 1969. 446 с. с илл. 100 000 экз. 1 р. 23 к.

Друг большой, заботливый. Переписка Н. К. Крупской с пионерами. 1924—1939. М., «Мол. гвардия», 1969. 272 с. с илл.; 16 л. илл. 100 000 экз. 44 к.

Кондратьев Н. Идем за Лениным. О друзьях, соратниках, надежных товарищах и связанных Ильича. Л., Лениздат, 1969. 371 с. с илл.; 1 л. портр. 36 000 экз. 81 к.

Носов Н. Иронические юморески. Издание научно-образное, с предисловиями, послесловиями, автокомментариями и комментариями к комментариям. М., «Сов. Россия», 1969. 256 с. с илл. 100 000 экз. 56 к. (Для детей старшего возраста и взрослых).

О войне, о товарищах, о себе. Сост. И. П. Селищев и Б. Ф. Шуканов. Предисл. И. Падерина. М., Политиздат, 1969. 479 с. с илл.; 14 л. илл. 100 000 экз. 1 р. 1 к. (Фронтальные заметки, воспоминания, письма, написанные участниками Великой Отечественной войны).

Пажин В. Н. Как себя вести. Л., Лениздат, 1969. 239 с. с илл. 200 000 экз. 41 к.

Пиаже Ж. Избранные психологические труды. Психология интеллекта. Генезис числа у ребенка. Логика и психология. М., «Просвещение», 1969. 659 с. 10 000 экз. 2 р. 70 к. (Книга швейцарского психолога, крупнейшего зарубежного специалиста по общей и детской психологии).

Прилежаева М. Удивительный год. — Три недели покоя. Повести о В. И. Ленине. Рис. О. Богаевской. М., «Дет. лит.», 1969. 431 с. с илл. 100 000 экз. 1 р. 6 к. (Для детей среднего и старшего возраста).

Рубашкина Л. С. и Петрова Е. А. Вперед смотреть. М., «Знание», 1969. 64 с. 79 700 экз. 12 к. (О воспитании характера детей с малых лет).

Яновская М. А есть ли предел? М., «Знание», 1969. 215 с. 80 000 экз. 35 к. (Научно-популярные очерки по медицинской микробиологии).

Л. Н. ТОЛСТОЙ

«Не было Льву Николаевичу восьми лет, как раз его отец застал его за какой-то хрестоматией, в которой маленький Левочка с большим увлечением и с интонацией читал стихи Пушкина «На смерть Наполеона». Отца поразила, вероятно, верность интонации и увлечение ребенка: он сказал: «Каков Левка! Как читает! Ну-ка прочитай еще раз». Эти воспоминания Толстого записала его жена.

Когда к Толстому обратились с просьбой назвать те книги, «как художественные, так и по всем отраслям знания», которые на протяжении всей его жизни «от самых юных лет» произвели на него наиболее сильное впечатление и способствовали его нравственному и умственному развитию, он ответил, что в возрасте от четырнадцати лет или около того на него произвели впечатление:

История Иосифа из Библии	— огромное
Сказки 1001 ночи	— большое
«Черная курица» Погорельского	— очень большое
Русские былины: Добрыня Никитич, Илья Муромец, Алеша Попович	— огромное
Народные сказки	— огромное
Стихи Пушкина: Наполеон	— большое

Биографы отмечают, что по отношению ко всем этим произведениям Толстой «навсегда остался верен своим детским впечатлениям и до конца жизни сохранил о них самое высокое мнение».

«Песни, сказки, былины, все простое будут читать, пока будет русский язык», — писал Толстой в 1872 году.

В своих занятиях с крестьянскими детьми он обращался к этим произведениям. «Мы с детьми читали «Тысячу и одну ночь». Исключив чувственное, это хорошее чтение: мужественный тон, эпическое изложение».

Произведения народного творчества Толстой использовал в составленных им «Азбуке» и «Книге для чтения».

В черновой редакции повести «Юность» Толстой показал, как постепенно у юного Иртеньева возникает критическое отношение к прочитанному и свое представление о достоинстве художественных произведений. Николенька Иртеньев рассказывает, что он «открыл вдруг, что только тот роман хорош, в котором есть мысль», и что роман Дюма «Граф Монте-Кристо» нехорош, потому что содержание его «не натурально, не могло быть и поэтому неверно», а вследствие этого и «самая мысль романа не может принести пользу».

В списке произведений, произведших на него сильное впечатление в возрасте от четырнадцати до двадцати лет, Толстой среди других отметил:

Руссо, «Исповедь»	— огромное
«Эмил»	— огромное
Пушкин, «Евгений Онегин»	— очень большое
Шиллер, «Разбойники»	— очень большое
Гоголь, «Вий»	— огромное
«Мертвые души»	— очень большое
Тургенев, «Записки охотника»	— очень большое
Григорович, «Антон Горемыка»	— очень большое
Диккенс, «Давид Копперфильд»	— огромное
Лермонтов, «Герой нашего времени», «Тамань»	— очень большое

Позже Толстой на вопрос, какое произведение русской литературы он считает выше других, ответил: «Тамань» Лермонтова. Это совершенство... В повести нет ни одного лишнего слова, ничего нельзя ни прибавить, ни убавить».

Толстой собирал книги около шести десятилетий. В его библиотеке, хранящейся в Ясной Поляне, насчитывается около 22 000 книг и журналов более чем на 20 языках.

Лев Толстой оставлял на многих прочитанных книгах пометки. Иногда он оценивал прочитанное по пятибалльной системе, ставя отметки от 0 до 5 за всю книгу или некоторые места в ней.

Читая, Толстой делал выписки из прочитанных книг и записывал мысли, рожденные этим чтением.

особенно

— Мам, это хорошая книга?

— Да.

— А мне понравится?

Дочь задает важный вопрос. И ответить на этот вопрос не легко.

В прошлый раз мы говорили о книгах, которые живут долго потому, что нужны очень многим людям, — о классике. Но не все классики — одинаково. И не всегда — с первого взгляда.

Ведь то, что мы называем классикой, — великая и все растущая сокровищница. Один читатель изберет из этой сокровищницы спутником на всю жизнь Пушкина, а другой, допустим, Достоевского.

Контакт между каждым начинающим читателем и каждым классическим произведением возникает вовсе не обязательно. Есть люди, которым, к примеру, Шекспир так до конца жизни и останется ненужным. Был же среди таких людей Лев Толстой.

Я имею в виду, разумеется, тот случай, когда человек прочитал или посмотрел на сцене несколько драм Шекспира и не захотел к нему возвращаться. Не стоит в этом обвинять ни Шекспира, ни читателя.

Книгу воспринимаешь зрением и слухом, сердцем и душой. Если различия в слухе и зрении не столь уж значительны, то двух одинаковых сердец на свете не существует.

Анна Ахматова сказала:

А каждый читатель как тайна,

Как в землю закопанный клад.

И правда, у каждого человека — свой психический склад, свои пути восприятия; потому естественна, даже необходима потребность в своих книгах.

Между тем естественно и другое: родители, учителя, библиотекари хотят передать молодежи именно ту радость, которую они в свое время испытали сами.

Я бесконечно перечитывала «Кожаный чулок», я плакала над страданиями Давида Копперфильда, романы Тургенева были событиями моей внутренней жизни. И я с нетерпением ждала: скорее бы мои дочери вырастали и приобщались к радостям моего отчества.

Купер, Диккенс, Тургенев, конечно же, классики. Но вот мои дочери выросли и остались к этим книгам равнодушны. И не только они, но и многие их сверстники. Вкусы меняются. Дети живут уже не в том мире, в котором жили мы. Может быть, жизненный опыт еще привлекает их к Тургеневу и Диккенсу, а может, и нет.

Но дело не только в особенностях поколения — своеобразной «коллективной личности». И среди моих ровесников были люди, равнодушные к моим любимым книгам, а сегодня есть немало горячих молодых поклонников Тургенева. Дело в человеке, в особенностях данной личности. Как в создании книги непременно выражает себя личность автора, так и в восприятии искусства обязательно сказывается личность читателя.

Посмотрите на лица людей в читальном зале. Многие здесь потому, что надо сдать экзамен, надо написать диплом, надо закончить диссертацию. Но есть лица — их можно заметить, — на них словно написано крупными буквами: «Я здесь потому, что не могу оторваться от этой книги. Не могу расстаться с ней». Может быть, именно

близкая

сейчас и произошла первая встреча со своей книгой. Это мгновение глубоко интимное: только со мной сейчас говорят эти страницы...

Простейшую, азбучную истину, что другие люди на тебя не похожи, быть может, труднее всего понять, труднее всего принять. Особенно трудно, если ты этих людей учишь. Как мать, как педагог, как критик.

Школьница подошла к новому преподавателю, который только что продиктовал ребятам список книг для внеклассного чтения.

— А что из этого списка мне читать прежде всего? И что читать кроме списка? Я читать очень люблю, а выбирать не умею.

— Я еще не могу вам советовать, я вас еще не знаю. Вот поработаем немного вместе, тогда вернемся к этому разговору.

Ответ учителя тогда удивил девочку, а ведь это был точный ответ очень хорошего учителя. Он потом помог девочке найти и ее книги, и ее призвание.

Своеобразие читательского лица становится очевидным, когда выбор делается необходимым. Вскоре после запуска первого спутника мы с друзьями проводили игру-анкету «Библиотека космонавта». Условие игры было таким: «Вы отправляетесь в космическое путешествие надолго. С собой можно взять только десять книг. Назовите эти книги». Анкеты возвращались анонимными.

Мы просмотрели более двух тысяч ответов. Там было много случайного (называлась не самая любимая, а просто последняя из прочитанных книг), были курьезы (один читатель решил взять с собой 10 томов Малой Советской Энциклопедии), была дань моде (я думаю, что сегодня книги Ремарка не заняли бы первого места среди произведений зарубежной литературы).

На гораздо более широкой научно-статистической основе подобных опыт провели ученые Новосибирска совместно с «Литературной газетой».

Просматривая ответы, можно кое-что понять и в характере, в нраве, вкусах отвечающего. Вот встречается, например, в списке Короленко — писатель не модный, мало энциклопедизированный, не праздновали его широких юбилеев. Значит, скорее всего, это уже не случайность. Значит, есть в душе у читателя, берущего с собой в космос Короленко, нечто близкое автору «Слепого музыканта», «Сна Макара», «Истории моего современника».

Чем опытнее читатель, тем он становится менее пассивным, перестает быть только объектом воздействия, только потребителем, глотателем все равно каких книг. Тем избирательнее становится вкус, тем сильнее потребность — не просто прочитать, но и постараться достать для себя свои книги. Поставить именно их на полку, чтобы была возможность обратиться к ним за советом, перечитывать вновь и вновь, брать в руки перед сном. А потом давать детям и внукам. Давать, несмотря на то что они не обязательно их примут.

Читая, учишься познавать не только мир, но и себя. Не все великие становятся твоими друзьями, но читательский и жизненный опыт поможет находить именно тех, которые необходимы тебе.

Р. ОРЛОВА,
кандидат филологических наук

А. М. ГОРЬКИЙ

«Сознательно читать я научился, когда мне было лет четырнадцать. В эти годы меня увлекала уже не одна фабула книги — более или менее интересное развитие изображаемых событий, — но я начинал понимать красоту описаний, задумываться над характерами действующих лиц, смутно гадался о целях автора книги и тревожно чувствовал различие между тем, о чем говорила книга, и тем, что вносилась жизнь.

Я, вероятно, не сумею передать достаточно ярко и убедительно, как велико было мое изумление, когда я почувствовал, что почти каждая книга как бы открывает передо мною окно в новый, неведомый мир, рассказывая мне о людях, чувствах, мыслях и отношениях, которых я не знал, не видел. Мне казалось даже, что жизнь, окружающая меня, все то суровое, грязное и жестокое, что ежедневно развешивалось передо мною, все это — ненастоящее, ненужное; настоящее и нужное только в книгах, где все более разумно, красиво и человечно. В книгах говорилось тоже о грубости, о глупости людей, о их страданиях, изображались злые и подлые, но рядом с ними были другие люди, каких я не видал, о которых даже не слышал, — люди честные, сильные духом, правдивые, всегда готовые хоть на смерть ради торжества правды, ради красивого подвига.

Это были поэмы Пушкина. Я прочитал их все сразу, охваченный тем жадным чувством, которое испытываешь, попадая в невиданно красивое место, — всегда стремишься обегать его сразу. Так бывает после того, когда долго ходишь по моховым кочкам болотистого леса и неожиданно разнерзается перед тобою сухая поляна, вся в цветах и солнце. Минуту смотришь на нее очарованный, а потом счастливо бежишь всю, и каждое прикосновение ноги к мягким травам плодородной земли тихо радует.

Пушкин до того удивил меня простотой и музыкой стиха, что долгое время проза казалась мне неестественной и читать ее было неловко. Пролог к «Руслану» напоминал мне лучшие сказки бабушки, чудесно сжав их в одну, а некоторые строки изумляли меня своей чеканной правдой.

— Там, на неведомых дорожках,

Следы невиданных зверей. —

мысленно повторял я чудесные строки и видел эти, очень знакомые мне, една заметные тропы, видел таинственные следы, которыми примята трава, еще не стирнувшая капель росы, тяжелых, как ртуть. Полнозвучные строки стихов запоминались удивительно легко, украшая празднично все, о чем говорили они; это делало меня счастливым, жизнь мою — легкой и приятной, стихи звучали как благовест новой жизни. Какое это счастье — быть грамотным!»

«И с глубокой верою в истину моего убеждения я говорю всем: любите книгу, она облегчит вам жизнь, дружески поможет разобраться в пестрой и бурной путанице мыслей, чувств, событий, она научит вас уважать человека и самих себя, она открывает ум и сердце чувством любви к миру, к человеку».

«К книге вообще Алексей Максимович проявлял невероятную жадность, как продукту своего постоянного потребления. Трудно даже представить себе, как он ухитрялся при широкой его отзывчивости на письменные и устные людские оклики, при обширной литературной продукции и многообразно развешенной общественной деятельности проглатывать такое громадное количество печатного материала. Нужно учесть при этом, что жаден он был не только к литературе художественной, но и к научной книге разных областей и специальностей. Ничто новое в области мысли и культуры не проходило мимо него.

Все новое, интересное, выходящее на русском языке, можно было найти в его библиотеке. Раз книга прочитана им, ее мог брать и уносить кто угодно. Если же книга Алексею Максимовичу понравилась, тогда он действовал как пропагандист и агитатор, усиленно расхваливая ее достоинство и рекомендуя для обязательного прочтения, — вспоминал друг А. М. Горького, профессор В. А. Десницкий.

(Из записей заслуженного учителя
школы РСФСР С. А. Гуревича)

КИНО

Представляем одну из старейших студий страны — Центральную студию детских и юношеских фильмов имени М. Горького. Чем занят сегодня полторатысячный ее коллектив, какие проблемы волнуют ее сегодня?

обдумывающие жизнь

Было время, когда молодые герои, попадая на экран, олицетворяли собой только одну мысль: жить без нотаций и нравучений, без надзора и вечной опеки. Захватив гитары, джинсы и запасы неиспользованной энергии, они разбрелись по фильмам (и по книжкам тоже), независимые, остроумные, немного скептики, немного романтики... Но мы все ждали, что вот-вот они наконец будут не только нападать на авторитеты, но и завоевывать собственный авторитет. Не только не слушаться, но и заставлять слушать себя. Однако в конце концов зритель, который еще вчера готов был симпатизировать им, почувствовал некоторую скуку — семнадцатилетние беспрестанно «впадали в детство».

К счастью, художники увидели в жизни и выступили на экран нового героя. Он тоже много чего не хочет. Но гораздо важнее, что он понимает или пытается понять, чего именно он хочет.

Не так давно режиссер Ричард Викторов был озабочен проблемами переходного возраста. Его последний фильм так и назывался «Переходный возраст». Он смелый режиссер и не боится выносить проблему в название фильма. А переходный возраст — это ведь проблема из проблем, перед которой вечный у нас, взрослых, страх. Новый фильм Викторова по сценарию А. Гребнева называется «Десятый класс» — это тоже открытый диагноз, вынесенный в первые строчки титров.

Это фильм о последнем школьном годе, который, как известно, на пороге в самостоятельную жизнь. Все эти Алики, Эдики, Юры, Лены, Андрей есть в каждом десятом, и каждый из них, хочет он того или нет, обязан ответить на вопрос, который задал ребятам отец одного из них:

— У вас есть серьезные мысли о жизни, о вашем будущем? Скажите, на что вы рассчитываете?

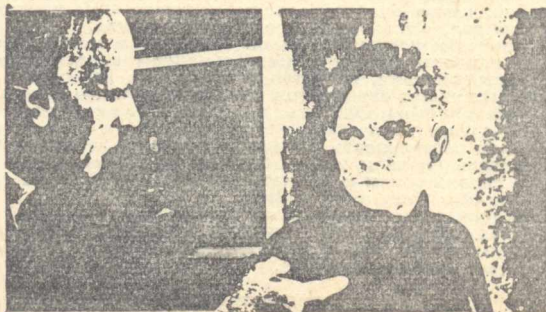
На что они рассчитывают? Кто на чьи-то локти, кто на чей-то уже признанный авторитет, кто на собственный талант, а кто на чужой, уже оплаченный успех («Выйти удачно замуж, чтобы жилось хорошо не в сорок, а в семнадцать»). Их детскость еще обнару-

живает себя в игре во взрослость, в нарочито небрежном: «Привет, старик». Их подлинная взрослость — в нежелании лгать в серьезном, в первой искренней любви, когда по словам героя фильма Алика Тихомирова, «если ты умрешь, то и я в этот момент умру...» Их взрослость в том, что они уже сами себя спрашивают: что же, действительно, делать дальше, на что рассчитывать?

И выясняется, что все они так или иначе рассчитывают на институт. Институт — это отсрочка, временная передышка перед той большой жизнью, которая и манит, и пугает. К сожалению, их так учили. Годы внушали (родители, знакомые родителей, дальние и близкие родственники): можешь — не можешь, способен — не способен, есть призвание — нет его, все равно стремись в вуз. К счастью, десятиклассники в этом сомневаются. Что-то им тут не по душе. Но они не в состоянии противодействовать общей инерции: институт и только институт! Мы видим снятую скрытой камерой измученную переживаниями толпу абитуриентов. Вот он наконец, список, список тех, кому «быть». Глаза, отчаянные и заплаканные, прищуренные и насмешливые, ничего не видящие и счастливые пьянящим счастьем. Неужели проходной балл — единственное обеспечение будущего? Неужели будущее все в этом — попал или не попал?

Алик Тихомиров не попадает в институт. Подвели проклятые запятые. Обидно? Очень. Но еще есть шанс поступить, за него похлопочут. Сам ректор поражен его знанием логарифмической таблицы. И тут происходит почти неправдоподобное — Алик отказывается. Что это? Жертва? Нет, он не выносит жертв. Упрямство? Самолюбие? Нет — убеждение. Не вдруг, а очень логично вытекающее из всех его предыдущих поступков убеждение, что надо сначала понять, чего же ты хочешь и на что рассчитываешь, а потом уже, поняв, этого добиваться. На этом мы расстаемся с Аликом. Что будет дальше, как справится он со своим решением разорваться во всем самому, мы не знаем. Ну что же, тем серьезнее придется думать зрителю...

Актрисе Татьяне Белохвостиковой, блистательно сыгравшей в фильме Сергея Герасимова «У озера», прежде всего веришь. Это редкость на экране, когда каждый взгляд, улыбка, полуулыбка, досада, радость, смущение, страх, недоумение — все правда. Кажется, на наших глазах происходит какая-то загадочная химическая реакция, когда актриса и ее героиня сливаются воедино. Для героини фильма «У озера» Лены Барминой проблема «быть или не быть» вообще не существует. Она заранее отмечает самую возможность сомнений. Быть и только быть, говорить правду и только правду, мечтать о красоте и только о красоте. В устах плохой актрисы все это прозвучало бы назидательно и скучно. Проповедник на экране — и с такими прозрачными голубыми глазами, с таким чис-

тым высоким лбом и белокурыми волосами... Нет, девушка с таким лицом должна не утомлять разговорами, а радовать глаз, не произносить высоких слов, а тихо грустить, или любить, или еще что-нибудь делать такое же, очень женственное. Но Лена Бармина — откровенный резонер. И режиссер Герасимов этого не боится. Его художественное видение молодежи несколько иное, чем, скажем, у Марлена Хуциева и его последователей. Ему противопоставлены все эти сомневающиеся, чуть усталые юные скептики, которые остроумно и легко осуждают, но ничего не утверждают. Ему, как и его героине, ясно одно — правда одна, ложь тоже одна и любовь и ненависть одна — все ясное, определенное, не требующее широких толкований. И прекрасно, конечно, но...

Истина, даже самая мудрая, не берется из набора полезных советов. Слово, даже самое красивое, легко весно, если к нему не пробивались, сбиваясь и ошибаясь, через смутные догадки, через тревожные, долгие мысли. Лена и ее слова — это чудесные сны из чудесной жизни у озера. Из жизни, которая сама почти как сон, как облако, как легкая дымка, которую, увы, так легко развеять, стоит только вторгнуться в нее грубой реальностью.

И поэтому, когда на озере заработали машины, Лена испугалась: гибнет ее Байкал! Летят к черту все красивые слова о гармонии и справедливости. Где у правды, где любви, как выкарабкаться из этих сомнений? Лена не знает. И любовь не укладывается в те представления о счастье, какие она придумала, и любимый — совсем не идеальный герой, а человек житейский, бытовой, несущий в себе фактически то зло, с которым Лена не в состоянии сладить.

А мы уже полюбили девушку у озера и вместе с ней стоим перед противоречиями жизни, нам хочется, чтобы Лена попыталась разобраться в них, а она бежит. Она уезжает. Правда, обещает собраться с силами и приехать обратно. Но ведь везде то же «озеро», везде человеку надо, необходимо понять свое место в жизни и свое отношение к тому, что происходит вокруг. Наверное, не один день будет думать об этом Лена Бармина...

Меня поразили слова одного обреченного на смерть очень молодого писателя о том, что «у него впереди — только день. И потому не завтра жизнь — а сегодня, не завтра дело — сейчас...»

Это заповедь и для здоровых, для нас, часто откладывающих свои главные дела на спастительное «завтра» — и непрочитанную книгу, и трудное дело, и не сказанное вовремя слово, и неоказанную помощь. Еще успеем!

Жить надо сегодня, и дело делать тоже сегодня, чтоб обеспечить, наполнить реальной ценностью тот день, который впереди. Об этом, как мне кажется, будущий фильм молодого режиссера Павла Любимова «Впереди день» (сценарий В. Велембовской).

Сюжет крутится вокруг двух братьев — один воспитывается у матери в деревне, другой усыновлен городской теткой; городской, тетускин баловень, вырастает бездельником, деревенский — трудолюбивым и честным. Деревенского обманывает с распутным братцем легкомысленная красота жена. Но не в сюжете заложена проблема. Главная мысль фильма — человек и его дело. Что бы ни случилось, какие бы испытания ни послала тебе судьба, все отступит, отползет постепенно, если есть у человека его любимое дело. Дело не изменит никогда. Оно много требует, может быть, всего тебя, всех твоих возможностей, но зато уж и тебе даст такую жизненную силу, перед которой меркнут беды и трудности.

Самая подлинная из всех страстей — твоя работа. Об этом фильм, который задумал Любимов.

И я завидую его герою, чуть угловатому, медлительному, немного уявально и медведю, который выстоял против навалившихся на него несчастий. Потому что его подбирало дело, важнее которого у него ничего нет на земле.

Да, он неразговорчив, и не рубаха-парень, и не безумно обаятелен... Зато в нем есть обстоятельность и спокойствие труженика, который уверен в своем завтрашнем дне именно потому, что сегодняшний был не выходным, а рабочим. Он никого не поучает — ни бездельнику жену (он ее трогательно, как-то растерянно и неумело любит), ни шалопая брата, которого тоже любит — ведь родной, не чужой. Он их не презирает, скорее, жалеет. Как это они так, бедняги, живут, мучаются, наверно. Потому что дело — его воздух и он не понимает, как можно без него жить и дышать.

«Быть» для такого — значит работать. «Не быть» — бросить работу. Не случайно через весь фильм проходят кадры отлично снятого, тяжело дышащего карьера. Он как бы олицетворяет собой те возможности человека, о которых он сам не всегда подозревает, и

только вот эта покоренная каменная стихия, эта сдавшаяся под натиском машин земля в состоянии убедить нас, что мы очень многое можем.

Несложно? Пожалуй. Но настанет день, когда Василию придется защищать этот смысл всей своей жизни. Как раз от тех, кто губит дело неумелостью и нерадивостью, презрением и цинизмом.

А пока бульдозер Василия проходит мимо нас, туда, где вскрывают люди новые пласты земли...

К тому времени, когда номер сверстан и напечатан, фильмы, о которых я рассказывала, уже будут готовы, и тогда вы сможете проверить, правильно ли я поняла их.

Алла ГЕРБЕР

ИДУТ СЪЕМКИ

● «Приключения желтого чемоданчика» (сценарий С. Прокофьевой, режиссер И. Фрес) — широкоэкранная цветная музыкальная феерия о старом добром докторе, который хочет самую малость — чтобы дети (все без исключения) были смелыми, правдивыми, мужественными и при этом еще веселыми. В своем желтом чемоданчике доктор носит рецепты от вранья, трусости, зависти. Чемоданчик, конечно, пропадает. Его, конечно, ищут. Чем все это кончается, а главное, что потом начинается — увидите сами.

● «Просто ужас» — действительно, нечто фантастическое (сценарий Ю. Сотника, режиссер Л. Мисский). Представьте себе, что вы, родители, завидуете детям — «ни забот у них, ни хлопот». А ваш сын, напротив, считает, что вполне готов к взрослой, самостоятельной жизни — только, увы, никто этого не замечает. Как в каждой настоящей сказке, все сомнения разрешает фея — она превращает папу и маму в мальчика и девочку, а маленького Гришу — в солидного доктора...

● В морское путешествие ваших детишек поведет в фильме «Свистать всех наверх» режиссер И. Магитон (сценарий А. Медведева, А. Исакова).

● Можно будет снова — на этот раз с помощью молодого режиссера выпускника ВГИКа Е. Фридмана и сценариста Э. Дубровского — заглянуть на «Остров сокровищ».

Интерес у юного зрителя вызывают и те картины, в которых может и не быть героя — их сверстника, но зато есть события и проблемы, волнующие его.

● «Человек с другой стороны» (режиссер Ю. Егоров, сценарий Э. Брагинского, В. Соловьева, В. Семичева) — фильм, который студия готовит к ленинским дням. В 1920 году — в том самом году, когда была прорвана наконец экономическая блокада и буржуазные государства вынуждены были признать Страну Советов, — по личной инициативе В. И. Ленина в Швеции был размещен важный заказ на постройку тысячи паровозов. Дипломату Крымову приходится пройти через сложнейшие, порой драматические перипетии, и все-таки он выполняет поручение Ленина.

● На острых конфликтах и необычных ситуациях строится фильм «Украденный поезд», который снимают вместе с болгарскими кинематографистами.

● Другая совместная постановка (с венгерскими друзьями) — «Держись за облака» — представляет собой полную драматических событий, увлекательную киноисторию.

● Киноповесть «Судьба резидента» — продолжение «Ошибки резидента» (сценаристы О. Шмелев и В. Востоков, режиссер В. Дорман) — рассказ о дерзкой, талантливой операции, осуществленной нашими органами госбезопасности. Иностраный агент Михаил Зарков, пройдя отнюдь не легкий путь внутренней борьбы и сомнений, все же понимает, где его настоящая Родина и кто — настоящие друзья.

● По законам любого повествования самое увлекательное и неожиданное должно быть в конце. Двухсерийная лента Л. Кулиджанова «Преступление и наказание» (по одноименному роману Ф. М. Достоевского) вполне достойна заключить и завершить этот неполный перечень работ студии им. М. Горького, которые она намерена представить в 1970 году на суд зрителей.

остается прекрасное

«...На полуденном небе ни облачка. Тихо вокруг. Только два-три яблока мягко бухнули где-то в траву и все. Даже подсолнечник ни один не шевельнулся. Весь праздничный подсолнечниковый мир стоял недвижно подобно хору красивых детей, устремивших ввысь свои радостные золотистые лица...»

Красиво. Сотни раз видел все это Геннадий, а по-настоящему увидел это только сейчас. Удивительный все-таки художник Довженко: ведь смерть человеческую описал, а словно ничего и не произошло в залитом солнцем мире: по-прежнему торжествует жизнь. «От человеческой жизни и даже от жизни целых людских поколений остается на земле только прекрасное», — пишет он. Это же надо вот так все воспринимать и видеть!..

Говорят иные: Довженко риторичен, декламационен. А он попросту неисправимо молод — навсегда. И Геннадию он дорог, потому что Геннадий тоже молод. И товарищам его дорог, они знают и любят все, что написал и сделал Довженко, — недаром с гордостью называют себя довшенковцами.

— У вас бывает такое ощущение, — спрашивает сейчас у меня Геннадий, — словно озноб по голове проходит? Именно так было у меня, когда Тимош не умирал, — помните, в «Арсенале»? В него стреляют, а он стоит, в него стреляют, а он стоит... Гайдамаки испугались, кричат ему: «Падай, падай!..»

Тяжелое детство выпало на долю Геннадия Ильичева. Был он пятым в семье, а младше его — еще трое. Восемь детей — это и для хорошей, дружной семьи трудновато, а тут не было помощи ниоткуда — бьющаяся в одиночку несчастная женщина. И были попреки, и были унижения, и побои даже, и ложился Геннадий спать впроголодь и донашивал чужие обноски. И работал подпаском, и гонял коней в ночное, и спешил нянчить младшеньких, когда товарищи неспешно и беспечно возвращались из школы.

В общем, неизвестно, как сложилась бы дальше его судьба, если б не устроили его в городе Калинине в интернат. Здесь и познакомился он с учителем физики Олегом Александровичем Барановым.

— Ведь это какой человек? — вспоминает Геннадий. — Строгий, серьезный, мы его больше других учителей боялись. Но ни с кем так не посмеялся и не подшутил, как с ним. Он выдумщик. Перед сном, бывало, пойдем гулять — и снежки, и возня, и разговоры интересные. А больше всего мы любили, когда он ночевать оставался с нами. Позвонит домой — «остаюсь, дескать», — придет к нам в спальню. А мы уж койки сдвигаем, чтоб к нему быть поближе. Очень его любил! А потом организовали кружок киномехаников при физическом кабинете...

Ну, про это я, гость в Калинине, уже знаю: был кружок киномехаников, потом организовался на базе кружка собственный пионерский кинотеатр, а потом — года не прошло — образовался знаменитый калининский школьный киноclub имени Довженко, киноclub, о котором столько написано и в киноведческой, и во всякой иной нашей прессе. Бессменный руководитель киноclubа О. А. Баранов выпустил книжку («Киноклуб в Калинине», М., «Просвещение», 1967), в которой рассказал, как наладил с ребятами

планомерное изучение киноискусства и всяких смежных с кино искусств, как от простого переходили к сложному, а от теории — ко всяким общественно полезным делам, и многое другое, что небесполезно прочесть всем, имеющим дело с молодежью. А искусствовед Я. Варшавский, предпосылая книге Баранова предисловие, писал в нем: «Думаю, секрет калининцев вот в чем. Они поняли, что любовь к искусству должна чего-то требовать от человека, как и всякая настоящая любовь... Надо что-то сделать для своей любви, тогда она растет, захватывает человека. Может быть, она тем сильнее, чем большего требовала, взяла от тебя».

Нет, не о киноclubе начали мы говорить. Мы начали говорить об одной человеческой судьбе. Геннадий Ильичев. Видел он в жизни и много горького, но об этом он и слова сейчас не говорит: скучно — да и незачем. Вот о дружбе — да! Прекрасная была в киноclubе дружба. Как сблизилась между собой ребятка вокруг большого, увлекательного дела, как духовно обогатились! Какую великолепную переписку вели с интересными, с хорошими людьми! Каких друзей завели за пределами Калинина, за стенами собственного интерната! «Библиотеку по искусству собрали — видели? Видели наш киномузей? А в каких поездках мы были вместе!..»

И рассказывает: хата на Украине, где вырос когда-то Довженко, лунные ночи, когда, как в песне поется, «хоть иголки собирай», все видно. Не в такую ли ночь шел со свидания Василий, шел и плясал на ходу, и вытанцовывал, вытанцовывал вдоль спящего села, пока кулацкий выстрел не оборвал его молодую жизнь... А знаменитая лестница в Одессе, по которой навстречу солдатским штыкам катилась, подрагивая и подпрыгивая, детская коляска! Вот здесь стоял воспетый Эйзенштейном броненосец «Потемкин». А море! То самое море, о встрече с которым мечтал Геннадий! А как в Крыму наблюдали восход солнца с горы Ай-Петри! Незабываемо. Спускались, помнит, с горы, и каждый мальчик подстраховывал какую-нибудь из девочек: «Олег Александрович сам джентльмен и нас приучал к тому же». А Севастополь! «Знаете, что меня там, кроме всего прочего, потрясло? Чистота! Один прохожий окуроч бросил, так другой его тут же остановил...»

Можно подумать — эстеты и снобы, кроме высокого искусства, ни до чего и дела нет. Как бы не так! Откуда в клубе своя кинокамера? Грузчиками работали — на арбузах, на разгрузке дров. Откуда поездки эти — в Киев, в Кишинев, в Крым, в Прибалтику? Поросят откармливали для мясозавода. Так что высоколобые эстеты не гнушались, как видите, навоз за свиньями убирать, что делает им честь, как мы понимаем. А сколько практически важных для города Калинина дел! Вспоминается «Педагогическая поэма» Макаренко, макаренковские советы командиров, коммунарская деловитость и подтянутость, неизменный макаренковский мажор.

Автору этих строк довелось присутствовать на юбилее киноclubа. Дата была не бог знает какая круглая, но круглые даты отмечаются, как известно, в старости, а в ранней юности дорог каждый прожитый год. Свой тринадцатилетний юбилей довшенковцы отмечали со всей возможной торжественностью. Одна из старейших наших киноактрис Галина Кравченко, верный друг киноclubа, перерезала ленту в дверях и открыла таким образом заново реорганизованный, тщательно собранный ребятами, размещившийся в нескольких комнатах киномузей. Заплясали указочки в руках юных экскурсоводов. А потом все собралось тут же, в музее, на торжественную линейку... Вручались памятные значки, зву-

чали приветствия. А потом было просто весело — и кто-то танцевал в зале, и кто-то демонстрировал свою эрудицию у окна в коридоре — там шла киновикторина...

Ах, да, мы ведь о человеческой судьбе! Офицер Советской Армии Геннадий Ильичев, как и многие другие, давно окончившие школу, приехал в Калинин специально к этому дню. И на торжественном вечере в зале, где кино клубу преподносились в подарок различные сольные и коллективные номера, Геннадий Ильичев выступал тоже. Он рассказывал, как попал из военного училища в свою часть. «Странно мне было, — говорил он. — Живут люди — и не знают, какая удивительная есть вещь на свете — искусство, как содержательно и прекрасно можно жить. Начал делиться тем, что имею, рассказывать, — а как же иначе? Кружок организовал. Если что-то знаешь, чего другие не знают, — непременно надо делиться...»

Он говорил все это, уверенный в себе, сдержанный человек с мягким и одновременно настойчивым взглядом, говорил с той чистосердечной убежденностью, с которой только в юности и говорят, — а я вспоминала один киносеанс. Битком набитый молодыми парнями громадный кинозал свистел, кричал, веселился; каждый из ребят самовыражался, как умел, — демонстрировал невысокого полета фантазию и невысокого качества юмор. Ни о каком приобщении к искусству и речи быть не могло — потерянное время! И я думала сейчас: вот повезло кому-то! Пришел человек, навсегда потрясенный искусством, из нелегкой и непростой своей жизни упрямо вынесший только прекрасное, — пришел человек, искренно убежденный, что всем приобретенным надо делиться. И значит, пойдет и пойдет она дальше, эстафета красоты и добра, начатая учителем из города Калинина, физиком.

Чем же кончить? Тем и кончить: счастливого пути вам, друзья, — бесстрашные и бескорыстные, готовые к черному труду и к щедрой отдаче, — милые люди довженковцы! Счастливого пути, Геннадий!

Л. ДИМКИНА

А вот как откликнулись довженковцы на призыв нашего журнала написать о „своем“ фильме. Олег Александрович очень просил сказать, что это совсем молодые довженковцы, те самые, что только-только принесли присягу.

мой фильм

В. НЕЧАЕВ:

Фильм, о котором я хочу рассказать, перевернул мою душу, показал узость моего прежнего кругозора, заставил меня искать новое в советской кинематографии... Это фильм «Отец солдата». После просмотра подолгу сидел я в библиотеке, читая легенды, сказки, произведения грузинского народа. Увлечен искусством грузинских мастеров. Меня поразили грузинские люди с их серьезным характером, с их любовью к земле.

На руках отца умер сын, когда, казалось, встреча близка. Встреча должна была принести много радости, но она принесла горе и вечную разлуку. Но это не сломило духа отца, он по-прежнему остался верным солдатом Родины.

О том, как сыграл эту роль С. Закариадзе, много сказано добрых и хороших слов. Он создал замечательный образ, и за это ему хочется сказать огромное спасибо.

А. КОЗЛОВА:

...Мне действительно понравился фильм «Доживем до понедельника». Понравился не потому, что о нем слишком много говорили, и не потому, что он явился победителем VI кинофестиваля. Просто помню, когда мы еще смотрели этот фильм всем классом, то буквально все были возбуждены, никто не остался равнодушным к событиям, происходящим на экране.

Фильм мне понравился тем, что режиссер сумел правдиво и смело показать нам взаимоотношения не только учеников, но и самих учителей, их поведение, скрытое от глаз воспитанников. Размышляешь над Генкой, которому кажется, что счастье заключается в том, что тебя понимают. А по-моему, для полного счастья надо еще очень многое. Вообще, счастье — понятие растяжимое. И у каждого оно свое, это счастье. Один видит счастье в личном благополучии, а другой — в том, что всем людям радостно жить на земле.

Учительница литературы вдруг обрушивается на Надю, которая просто оказалась самой чистосердечной. Я не стала бы на месте учительницы громкоglasно оглашать сокровенные мысли девичьей души. Можно было бы поговорить с Надей после уроков и объяснить, что такое счастье с педагогической точки зрения. Именно поэтому я даже не осуждаю поступок Генки, когда тот сжег сочинения.

Скажу еще о Наталье Сергеевне. Ведь это даже здорово — пронести любовь со школьной скамьи и сохранить ее...

Больше всего мне понравилась сцена, когда Светлана Михайловна просматривает сочинения ребят, когда она чисто по-женски завидует Наташе, этой молодой учительнице, у которой еще все впереди. Ведь она тоже любит Мельникова, но не получает ответа на свою любовь. Над этим фильмом следует подумать не только нам, ученикам, но и учителям, которые подчас во многом обвиняют нас и не замечают своей вины. А ведь ученики — это такой народ, который с трудом прощает даже мелочи.

Но этот фильм заставляет подумать о том, как тяжела и ответственна профессия учителя. Особенно нас, десятиклассников, ведь многие из нас хотят повзятить себя школе. Так вот, фильм помогает еще раз взвесить свои силы, задуматься — сможешь ли справиться...

Г. КОРШУНОВА:

Мне очень понравился фильм «Коммунист». Очень понравился он мне с идейной стороны, потому что показал, как шла борьба за светлое будущее и что это будущее достается нелегко. Очень понравился коммунист Василий Губанов. Именно таким должен быть коммунист. Он не ждал ни наград, ни почестей, он просто делал все, чтобы не было страданий, нищеты, голода.

А. МЕЛЬНИКОВ:

...Таким фильмом для меня является «Гамлет». Я поражен великолепной игрой Смоктуновского.

Н. БАРДУКОВ:

Не знаю, считают ли выдающимся фильм «Неуловимые мстители», но мне он понравился больше других.

Л. ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ:

Очень запомнился фильм «Незабываемое», хотя я его видела очень давно.

Еще до выхода фильма на экран я была знакома с повестью А. П. Довженко «Мать». Ее нельзя забыть, нельзя забыть ее героиню, обыкновенную женщину, женщину-мать, вырастившую сыновей, которые встали на защиту Родины. Эта женщина становится матерью для всех сынов Украины, она не жалеет жизни во имя свободы.

Этот же идеал украинской женщины нашел свое отражение в фильме «Незабываемое» Ю. И. Солнце-вой.

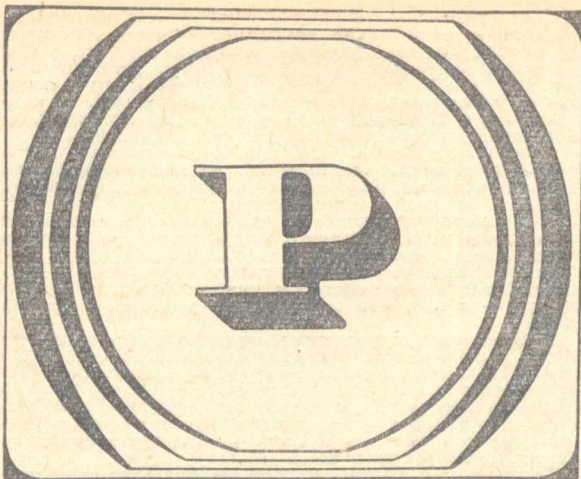
СЛОВО ПРЕДСЕДАТЕЛЮ КИНОКЛУБА

Н. Н. КЛАДО:

Пишут, какой кинофильм понравился. Это хорошо. Еще лучше, когда объясняют подробно, чем понравился, потому что это помогает разобраться и другим. Но ценнее всего было бы, если бы читатели журнала рассказали о том, чем помог фильм в жизни, как вошел в вашу жизнь, как он в ней соучаствовал.

Напоминаем: дорогие читатели, пишите нам, участвуйте в работе кино клуба!

Вот уже около шести лет дважды в месяц звучит в эфире радиопередача «О событиях невероятных» (КОАПП). Каждый репортаж с очередного заседания Комитета охраны авторских прав природы (так расшифровывается КОАПП) — результат труда большого коллектива. Это автор текста Майлен Константиновский, бессменный редактор передач Татьяна Красина, режиссер Владимир Иванов (сменивший на этом поприще Нину Анатольевну Герман, которая записала первые 32 репортажа). Это актеры, играющие постоянных участников заседаний, то есть членов КОАППа, — заслуженный артист республики Михаил Погорельский (Кашалот), заслуженная артистка республики Юлия Юльская (Стрекоза), Зинаида Нарышкина (Сова и Мартышка), заслуженный артист республики Сергей Цейц (Гепард и Рак), Константин Устюгов (Человек и Птица-Секретарь), заслуженный артист республики Борис Иванов (Рыба-Удильщик), а также «непостоянных», то есть персонажей, появляющихся только в данной передаче, — Ирина Карташова, заслуженный артист республики Анатолий Щукин, Валентин Португалов и многие другие, сыгравшие целый зверинец. Это, наконец, главный редактор Главной редакции радиовещания для детей и юношества Анна Александровна Меньшинова, главный режиссер той же редакции Николай Владимирович Литвинов, вся редакция научно-популярных передач — на их строгий суд выносятся окончательный вариант очередного выпуска КОАППа. Нельзя не упомянуть и ученых, консультирующих эти передачи и scrupulously проверяющих достоверность использованной в них научной информации (в их числе, например, известный орнитолог Петр Петрович Смолин — один из основателей юннатского движения), а также биологов Валентину Бибинову и Надежду Балухову, отвечающих на письма корреспондентов КОАППа — юников, то есть юных биоников...

На заседаниях КОАППа животные, растения и даже бактерии демонстрируют свой образ жизни (порою очень странный), свои паразитические органы чувств, самые разнообразные способы передвижения, умение ловить добычу, защищаться от врагов, узнавать друзей, находить дорогу, предсказывать погоду (причем не только на Земле, но и на Солнце!), опреснять морскую воду, вырабатывать электрический ток, предчувствовать стихийные бедствия, изменять свою окраску и множество других необычайных способностей. В свою очередь Человек помогает коапповцам, выражаясь словами древних философов, «познавать себя», рассказывая им об исследованиях в области экспериментальной биологии, физиологии, генетики, эволюции — науки о поведении животных — и, конечно, бионики, а также знакомит своих коллег по КОАППу с последними достижениями кибернетики, радиоэлектроники, биофизики, биохимии — применительно к изучению и моделированию жизни. И — предостерегайте! — даже сами животные, видя и слыша все это, не могут скрыть изумления и восхищения перед сложностью и красотой Живого...

Птица-Секретарь неуносительно фиксирует в протоколах все происходящее на заседаниях — слово в слово! Так что мы имеем возможность предложить вашему вниманию текст одного из репортажей КОАППа. (Он войдет, кстати, в готовящийся сейчас издательством «Искусство» сборник).

Из него видно, что передача ставит перед собой не только познавательные, но и воспитательные цели...

М. КОНСТАНТИНОВСКИЙ

коапп. „репортаж о событиях невероятных“

КАШАЛОТ. Открываю очередное заседание Комитета Охраны Авторских Прав Природы.

ПТИЦА-СЕКРЕТАРЬ. КОАПП! КОАПП!

КАШАЛОТ. Друзья, на мое имя поступило заявление... вот оно, в этом письме... Здесь сообщают о фактах настолько возмутительных, настолько противоречащих нашей морали, что я... что мы... Гепард, прочтите вслух.

ГЕПАРД. Давайте его сюда, дорогой Кашалот... Так, «Донесение». Почерк довольно корявый, но как-нибудь разберу: «...Как я являюсь примерным семьянином, то и не могу глядеть без душевного несоответствия на безобразия соседа моего по Индии, Птицы-Носорога, который над законной женой куражится...»

УДИЛЬЩИК (с любопытством). А как... как куражится, написано?

ГЕПАРД. Разумеется, дорогой Удильщик, и довольно подробно — вот, читайте.

УДИЛЬЩИК. Ага... ага... так: «Из дому ее никуда не выпускает, выход из дупла глиной замазал и вовсе перья у бедной отобрал, чтобы летать не могла и на улику не в чем было выйти».

СТРЕКОЗА. Какой ужас!

УДИЛЬЩИК. Слушайте, слушайте дальше: «И кто ему, Птице-Носорогу, дал такие права? Нет такого закону, чтобы у родной жены последние перья отбирать, и какой пример для молодежи, а у меня дочери растут». Мм-да... что тут скажешь!..

КАШАЛОТ. Как... вам нечего сказать, Удильщик?! Замуровать в дупле жену, мать своих детей?! Да это же, это... типичные феодально-байские пережитки, отрывка прошлого! (Возгласы возмущения). Птица-Секретарь, подготовьте карикатуру на Птицу-Носорога для стенда «Не проходите мимо!» Только выясните сначала, как эта птица выглядит.

СОВА. Да обыкновенно выглядят — клюв огромный, книзу загнутый... Ну-ка, Гепард, а письмо кто подписал?

ГЕПАРД. Сейчас, скажу, Сова... ага, подпись: «Доброжелатель»...

СОВА. Слышь, Кашалот, ты бы погодил с этой... карикатурой... Надо бы узнать, что за зверь такой — Доброжелатель...

СТРЕКОЗА. Наверное, Человек знает... А почему его до сих пор нет?

КАШАЛОТ. Человек предупредил, что сегодня не будет. У его мамы день рождения, и он, естественно, отложил все дела, даже самые важные... Но мы узнаем, кто такой Доброжелатель. Для проверки письма я командировал нашего собственного коррес-

пондента по суше Мартышку. А пока нам следует провести среди животного населения разъяснительную работу. Пора заострить внимание на проблеме семейных отношений и вообще на нашем отношении к женам, матерям, сестрам и подругам.

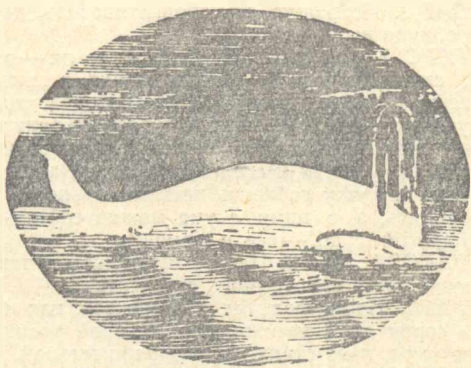
СОВА. Ой, пора, Кашалот, давно пора.

КАШАЛОТ. Совершенно верно, дорогая Сова, эта проблема существует давно — с тех самых пор, как на свете появились матери, жены, сестры и подруги. Отношение к ним делится на проявление: а) внимания, б) чуткости и в) заботы. Начнем с внимания. Какими могут быть знаки внимания? Это, прежде всего, исполняемые в честь подруги песни, именуемые серенадами, — их поют, кроме птиц, кузнечики, цикады, сверчки, лягушки, жабы и многие другие. Затем это, конечно, подарки — не обязательно дорогие, но от всего сердца. Удильщик, вы недавно брали интервью в магазине подарков и в салоне для новобрачных. Что рекомендуется дарить женам и невестам?

УДИЛЬЩИК. Минутку... сейчас достану блокнот... не взыщите, это черновые наброски. Я собираюсь написать статью «Для вас, молодожены». Итак: «В период насиживания яиц у серебристых чаек принято, сменяя жену в гнезде, преподносить ей веточку или пучок травы. Если же вы не Чайка, а Баклап с Галапагосских островов, вы должны подарить подруге пучок водорослей. Ну, а если вы Крачка, ваше подношение — маленькая рыбка».

СТРЕКОЗА. На эту пару нежную
Нельзя смотреть без слез:
Он рыбку белоснежную
Подружке преподнес.

УДИЛЬЩИК. Помолчите, Стрекоза, я еще не прочел до конца: «В свою очередь ваша супруга, сменяя вас в гнезде, сделает вам точно такой же ма-

ленький подарок». Вот еще один набросок: «Что надо знать жениху о свадебных обрядах». Читаю: «В последние несколько десятков миллионов лет у некоторых пауков стало хорошей традицией подносить своей избраннице муху. Этот милый сердцу и желудку любой Паучихи подарок, помимо его эстетической роли, является также некоторой гарантией того, что при знакомстве с невестой жених не будет ею съеден». Так... «Пингвин Адели дарит Пингвинихе камешки», угу... Слушайте! «Птица-Садовник из Австралии каждый день украшает место свиданий с подругой свежими лесными цветами, а его родственник, Шалашник из Новой Гвинеи, — дикими розами!»

СТРЕКОЗА. «В ночных девичьих грезах мечтала я о розах...»

КАШАЛОТ. Теперь переходим к чуткости. Чуткий сын или муж никогда не позволит своей матери или жене таскать тяжести. Далее, если он сидит, при ее появлении он обязан встать и уступить ей место.

СОВА. Что верно, то верно. Только смотря какое место, Кашалот. Ежели ты этот... жентельмен, так нипочем жене места в гнезде не уступай, когда пришло время яйца насиживать. Или по очереди с ей насиживай, как голубь, гусь, лебедь, журавль али там чайкин супруг. А коли сам в гнезде не сидишь, так корми жену-то, как у нас. Сов, заведено, да и у всех хищных птиц, а окромя у Воробьев, Дроздов, Грачей... если уж не кормишь, так хоть гнездо стереги — вон как Вороны, к примеру, али мужья у Ворон да у Куропаток. А то ведь есть такие муженьки — к гнезду и близко не подходят, жене уступают — садитесь, мол, пожалте, милости просим, насиживайте, а самих — поминай как звали, им дела нет ни до жен, ни до детишек... вот на кого карикатуру-то надо делать...

КАШАЛОТ. Кто же эти эгоисты? Назовите их, Сова, мы создадим вокруг них атмосферу общественного презрения!

СОВА. Кто, спрашиваешь? Петух, Селезень — уткин супруг, Тетерев, Глухарь, Фазан, Павлин... да что всех называть, ты вот что приметь: ежели муж птичий разодетый-расфуфыренный, а у жены его нарядов никаких, одета во что бог послал — серенькое там али пестренькое, — значит, семьянин он никудышный. Ему не то что яйца насиживать — близко к гнезду подходить нельзя, потому как приметный он очень — неровен час хищник углядит. Та-то...

КАШАЛОТ. Смотрите, Сова, вон там, в конце поляны, две птицы появились... как раз такие, как вы сейчас сказали, разодетые в пух и прах (*злорадно*) а-а... попались, голубчики... ну я вас сейчас... Послушайте, вы... да, да, это к вам относится, — разгуливаете тут в цветастых костюмах, а в эту минуту ваши подруги — голодные, незащитные — насиживают яйца. Разве это по-мужски? Позор и презрение! Вы не мужчины!

ЦВЕТНАЯ БЕКАСИХА. Что верно, то верно, Кашалот, не мужчины мы. Наши мужчины в гнездах сидят как миленькие. Мой муж — Цветной Бекас с Дальнего Востока и вот ее муж — Трехперстка, из тех же краев. Мы свое дело сделали: яйца отложили, теперь гуляй — не хочу!

КАШАЛОТ. Постойте, постойте, вы все перепутали... или это я перепутал? Ничего не понимаю... из одной крайности в другую...

ЦВЕТНАЯ БЕКАСИХА. А чего тут понимать? У нас мужья что надо: сами кое-как одеты, а у нас видите какие платя? Мужья наши смиренные, нас без звука отпустили, а сами насиживают и не пикнут! А все почему? Потому что мы сумели себя поставить, не то, что другие. Равноправие так равноправие! Жалуются — свободного времени нет... Сами виноваты. Мужей надо во как держать, нечего их распускать, тогда и время свободное будет. Привет!

КАШАЛОТ. Они мне испортили всю схему... все было ясно — надо призвать мужчин к чуткости... а теперь кого к чему призывать?

СЛОНИХА. К четкости!

КАШАЛОТ. К чему, к чему, уважаемая Слониха?

СЛОНИХА. К четкости, Кашалот. Каждый в семье и в стаде должен четко знать и выполнять свои обязанности, тогда у всех будет свободное время. Возьмите медведей: мать, уходя, может спокойно

оставить родившихся зимой медвежат на старшего годовалого, родившегося в прошлом году, — его называют пестун. А возьмите австралийских волнистых попугайчиков: старшие птенцы не только не отнимают у младших еду, которую приносят родители, а наоборот, кормят маленьких. Возьмите, наконец, нас, Слонов: когда стадо идет, слоненок четко знает свое место в строю — под матерью, а годрастет немного — между матерью и отцом, там он в безопасности. Все дело в четкости.

КАШАЛОТ. Птица-Секретарь, запишите: все дело в четкости.

СЛОНИХА. И в доверии.

КАШАЛОТ. В доверии... к кому, дорогая Слониха?

СЛОНИХА. К слабому полу — так Слоны называют нас, Слонов.

ГЕПАРД. И вообще справедливо называют. Глядя на вас, так и хочется воскликнуть: вот представительница слабого, но прекрасного пола!

СЛОНИХА. Прекрасного — да, Гепард, но слабый пол... нет, это нечеткое название, хотя мужчины говорят, что в нашей слабости — наша сила. Кто чаще всего возглавляет слоновий коллектив? Мы, Слонихи! Мне тоже оказано это высокое доверие — я избрана предводительницей.

УДИЛЬЩИК. Как, дорогая Слониха, Слоны не побоялись возложить такую ответственность на ваши хрупкие женские плечи?

СЛОНИХА. Не побоялись, Удильщик, и это самое умное, что они сделали за всю свою жизнь. Никто не станет отрицать, что у нас гораздо больше здравого смысла, чем у представителей так называемого сильного пола.

КАШАЛОТ. От кого-то я уже слышал эти слова...

СЛОНИХА. Вероятно, от вашей жены, Кашалот. Но, к сожалению, эту простую и очевидную истину усвоили далеко не все. Много ли животных, которые во главе стада ставят своих подруг? Их можно пересчитать по хвостам: северные олени, горные бараны и козлы, серны, дикие ослы и самые дальновидные животные — жирафы... да, еще зубры — эти могучие звери тоже не считают обидным для мужского самолюбия подчиняться вожаку женского пола, то есть зу... зу...

СТРЕКОЗА. Зубриле!

СЛОНИХА. Пожалуй, лучше сказать — Зубрице. А теперь извините, я должна вернуться в стадо: эти мужчины как дети, их нельзя надолго оставлять одних. Запомните: доверие и четкость, четкость и доверие, а потом уже все остальное — серенады, цветы, вздохи при луне и не очень четкие клятвы отдать нам всю кровь до последней капли.

ГЕПАРД (кричит вслед). Но почему же, милая Слониха, если понадобится, мы, мужчины, отдадим вам всю свою кровь!

ОЛЕНЬ. И не только кровь, но и рога! (Колокольчик).

КАШАЛОТ. Позвольте, какие рога, Олень? При чем тут рога?

ОЛЕНЬ. Дорогой председатель! Посмотрите на семью южных оленей: у него — великолепные ветвистые рога, у нее рогов нет. И после этого говорят о равноправии! Или более близкий вам пример — ваши родичи Нарвалы. У него — прекрасный витой трехметровый бивень, у нее — вообще нет зубов. Почему? Разве она, как и он, не относится к отряду зубатых Китов? Рыцарское сердце не могло бы примириться с такой несправедливостью! У нас, Северных Оленей, все по-другому: мы преклоняемся перед нашими дамами не только на словах! Мы единственные из оленей, у кого рога украшают не только го-

ловы мужчин, но и головы наших милых повелительниц — Оленей! Рыцарские чувства мы воспитываем у наших мальчиков с самого раннего детства. А сейчас, если вы позволите, дорогой Кашалот, мы отдадим дань старинному оленею обычаю.

КАШАЛОТ. Какому еще обычаю?

ОЛЕНЬ. Каждую осень мы устраиваем в честь наших подруг рыцарские турниры. О, не беспокойтесь — правила поединка не допускают увечья или смерти побежденного. Ну, а победитель получает высшую награду — ему Олениха отдает копыто и сердце. Лишь он достоин продолжить наш род.

СТРЕКОЗА. Ах, турнир — это так романтично! Если вы хотите сделать нам, дамам, Кашалот, приятное, пусть Олени проведут турнир — я с детства обожаю турниры! Ну, пожалуйста, дорогой Кашалот!

КАШАЛОТ. Ну, хорошо, хорошо... Начинайте, Олень...

ОЛЕНЬ. Благодарю. Дайте сигнал! (Фанфары).

Разрешите нам
В честь прекрасных дам
Наш начать турнир!
Вместо шпаг и рапиры
Мы будем с врагами
Сражаться рогами!

(Стук рогов, «реагаж» публики, фанфары).

ОЛЕНЬ. Слава победителю!

ВСЕ. Слава победителю!

ОЛЕНЬ. По традиции после поединка менестрель поет старинную рыцарскую балладу.

КАШАЛОТ. А кто менестрель? Вы? Олень, пове-
леваю вам исполнить балладу! (Аккорды гитары).

СТРАУС. Эй, берегись! Расселись тут, ни прой-
ти, ни проехать...

КАШАЛОТ. В чем дело?

СТРЕКОЗА. Это Страус, он катит яйцо.

ГЕПАРД. Позвольте полюбопытствовать, дорогой Страус, куда вы его катите?

СТРАУС. Куда, куда... Не видите, что ли — в гнездо. К сожалению, я не просто Страус, а южноамериканский страус Нанду. Сколько раз говорил Страусихам — кладите яйца аккуратно, в одну кучку, так нет же... Все Нандик, Нандик... побросали яйца как попало, а самих и след простыл. А Нандик должен яйца в кучку собирать, насиживать, потом страусят водить, а с ними с ума можно сойти — один туда, другой сюда, — все в мамочек.

СТРЕКОЗА. Милый Нанду, зачем же вы так раздраженно говорите о своих страусятах?

СТРАУС. Посмотрел бы я, Стрекоза, как бы вы почти сорок дней насиживали, маковой росинки во рту не имея, и не стали бы раздражительной.

СТРЕКОЗА. Говорят, подолгу не есть очень полезно, сейчас все врачи рекомендуют лечебное голодание.

СТРАУС. Что-то по вас не видно, Стрекоза, что бы вы пользовались этой рекомендацией. Проклятая жизнь... У всех жены как жены... у африканского Страуса жепы уж на что серая, — я имею в виду цвет ее перьев... так ведь насиживает, хотя бы днем. Ему только ночная смена остается — и то почернел от такой работы.

ГЕПАРД. А не кажется ли вам, дорогой Нанду, что африканский Страус почернел для того, чтобы быть незаметнее ночью, когда он насиживает яйца?

СТРАУС. Не знаю, не знаю. Эх, почему я не родился Павлином — вот была бы семейная жизнь: жена сидит в гнезде, а ты идешь куда-нибудь. Ага, вон еще одно яйцо. Посторонись!

КАШАЛОТ. Мм-да... Совсем не заботиться о жене — плохо. Чересчур заботиться — тоже плохо: могут сесть на голову, что мы и видим на примере страуса Нанду. Где же выход, я вас спрашиваю? Как соблюсти золотую середину?

ЯЩЕРИЦА (*приближаясь*). Выход есть, председатель, причем удивительно простой! Его нашли мы, скальные ящерицы, живущие в горах Армении, неподалеку от озера Севан. У нас никогда не возникает споров, кто кому должен помогать, — никогда! Спорить попросту не с кем: у нас совсем нет мужчин.

ВСЕ (*потрясенные*). Совсем нет мужчин?! Совсем-совсем?!!

ЯЩЕРИЦА (*гордо*). Да, никаких — ни молодых, ни старых.

ГЕПАРД. Очевидно, у того, кто вас посетит, дорогая Скальная Ящерица, будут все основания воскликнуть: «Не слышу речь ни мальчика, ни мужа!..» Но как же вам удалось достичь такого благополучия?

ЯЩЕРИЦА. Элементарно. У каждой из нас всегда рождаются только дочки. А когда они становятся взрослыми, у них тоже рождаются одни лишь дочки — и так из года в год. Кстати, среди беспозвоночных животных это не такая уж редкость, а вот среди позвоночных наша группа скальных ящериц — приятное исключение. Вы знаете, когда в 1957 году зоолог Даревский открыл наше женское царство, ученые были потрясены не меньше вас: они и предположить не могли, что на свете есть и позвоночные животные совсем без мужчин!

КАШАЛОТ (*взволнованно*). Нет, нет и еще раз нет — мы не можем пойти по этому пути!!!

МАРТЫШКА (*издали*). Да, да, не можем, и не пойдем! (*Приблизившись*). Это по какому пути? О чем речь, а?

КАШАЛОТ. О, Мартышка вернулась... ну говорите скорее, что вы там узнали насчет Птицы-Носорога? Скорее доложите о результатах проверки фактов, изложенных в заявлении Доброжелателя... подтвердились они?

МАРТЫШКА. И да, и нет.

КАШАЛОТ. Выражайтесь яснее, Мартышка.

МАРТЫШКА. С одной стороны, жена Птицы-Носорога действительно замурована в дупле и сидит там без перьев...

КАШАЛОТ. Значит, феодально-байские пережитки...

МАРТЫШКА (*смеется*). Какие там пережитки, милый Кашалот, факты-то правильные, но перевернуты.

КАШАЛОТ. Как это перевернуты?

МАРТЫШКА. Дупло ведь замуровано временно — только на два месяца, для того чтобы, пока Птица-Носорожиха насиживает, к ней не могли проникнуть змеи и хищные звери. Она там в прямом смысле как за каменной стеной — словно в крепости. Но в стене есть малюсенькое окошечко, через него Птица-Носорог кормит жену. Знали бы вы, какой он заботливый муж, какие вкусные плоды ей носит!

СТРЕКОЗА. А если он вдруг погибнет, кто же будет ее кормить, замурованную?

МАРТЫШКА. Другая Птица-Носорог. Она не даст умереть с голоду жене товарища!

КАШАЛОТ. Вот это по-мужски! Ну, а... история с перьями?

МАРТЫШКА. Так Птица-Носорожиха сама их сбросила! Муж ее меняет перья постепенно, иначе он не смог бы летать, а ей, пока она насиживает, можно и разом подлечь — так ведь быстрее. Это

донесение — типичная клевета! И я узнала, чьих это лап дело, — письмо Павлин написал!

КАШАЛОТ. Теперь понятно, почему Павлин не помогает жене — ему некогда, он письма анонимные пишет. На стенд его «Не проходите мимо!» Немедленно!

СТРЕКОЗА. А как же баллада? Олень ее так и не спел по традиции, а мне так хотелось ее послушать по традиции!

(*Возгласы: Да, да, нельзя нарушать традицию!*)

ОЛЕНЬ. Конечно, о друзья мои, я спою. (*Перебор струн*). Старинная «Баллада о животных-джентльменах». (*Поет*).

Конечно, мы не люди, а животные — Млекопитающие, птицы, земноводные, Моллюски, рыбы, змеи, насекомые, И нам обычай людские незнакомы.

Мы не целуем лапок, не умеем бриться,

Но и у нас среди мужчин немало рыцарей!

Пусть красотой они не блещут и талантами,

Зато их с детства научили быть галантными.

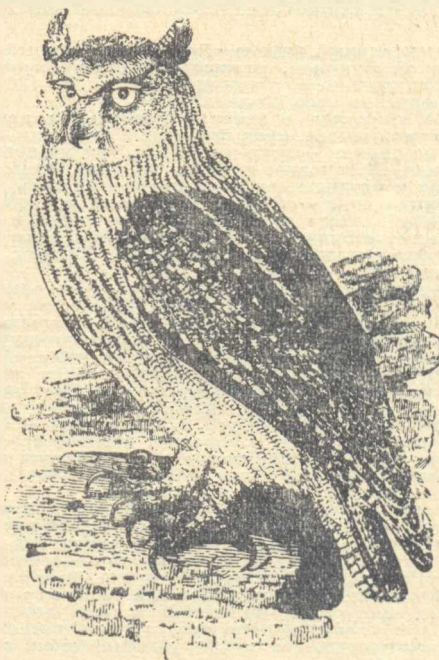
Не знают наши мальчишки грамматики,

Не пишут сочинений наши мальчишки,

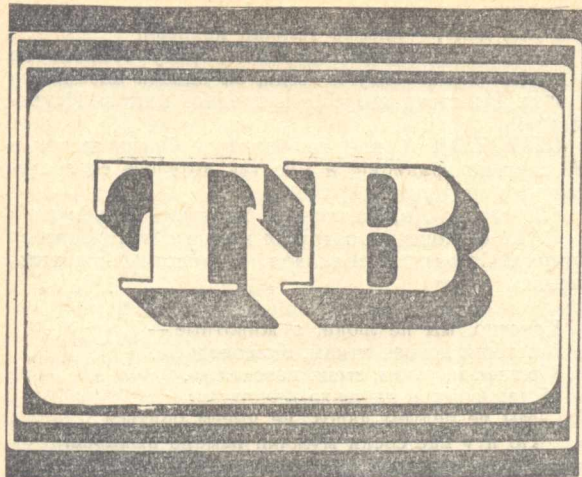
Задачек не решают даже простеньких,

Но девочек не дергают за хвостики.

КАШАЛОТ (*проникновенно*). Хорошая песня... под такую песню приятно закрыть заседание КОАППа.
ПТИЦА-СЕКРЕТАРЬ. КОАПП! КОАПП!

уроки доброты учителя

Документальный фильм «Почему снег белый» снят Екатериной Лукиной, режиссером объединения «Экран» Центрального телевидения зимой 1969 года в красноярском селе Шивера.

Фильм снимался в течение нескольких недель в двухэтажной школе, куда приходили на уроки — а теперь и на съемки — дети и учителя. Там их встречала необычная обстановка: провода на полу, ослепительный свет и остановленная ради съемок на весь январь наряженная елка — все это несколько оглушало детей: они образцово раздвигались у вешалки и образцово, чинно стояли толпой на перемене, хотя Екатерина Лукина и затевала с ними разговоры с целью растопить лед.

Екатерина Лукина, правда, когда-то и сама вела уроки истории, еще до того, как поступила учиться во ВГИК. Кроме того, она сняла уже несколько фильмов, снимала старуху бабу Улю, игрушечницу в Каргопольском районе, снимала скрытой камерой детей и родителей, нашедших друг друга через двадцать лет после войны. Опыт работы у нее был, тяжелый довольно опыт работы режиссера телевизионных фильмов, который мотается с крошечной киногруппой по разным селам и городам, возит с собой громоздкую аппаратуру, которая в самый нужный момент может отказать. И вот Лукина приехала снимать фильм о сельских учителях в Шиверу.

Через некоторое время после приезда все привыкли и к Лукиной, и к звукооператору, который приставил магнитофон под галстук у директора школы, то за книгой где-нибудь на полке, то подвешивал его к поясу старушки, которую учитель пригласил на урок рассказать о древнем способе выделения пряжи. Старушка прятала на прялке и пела детским голосом, а в классе царил безудержное веселье еще и по тому поводу, что от старушкиной юбки отходил провод к магнитофону.

Таким образом, дети привыкли, и учителя привыкли к Лукиной, к ее вечному насморку, к ее тихому голосу, и уже учительницы присматривали за ней, говоря, что ей надо себя беречь, но она по обыкновению отмалчивалась.

Дети писали сочинения, она снимала, а затем дети прочли эти свои сочинения на тему «Если бы я был волшебником» в классе перед микрофоном, и в фильме эпизод «Сочинения» идет под чтение на разные голоса: «Если бы я был волшебником, то взлетел бы на ковре-самолете...», «Если бы я был волшебни-

ком, я был бы очень добрым волшебником...», «Если бы я был волшебником, то взлетел бы на ковре-самолете, прилетел бы я в город Арсеньев, взял бы свою маму и прилетел бы с мамой обратно домой и стал бы с ней жить-поживать...»

Это была неожиданная история с этим мальчиком, которого бросила мама, и с его сочинением, потрясшим всех учителей. У директора школы был по этому поводу длинный разговор с Лукиной, разговор, который перешел затем в общие рассуждения о том, как все-таки это прекрасно, что ребенок доверяет учителю. Гаврила Станиславович Крот, директор школы, сидел при этом у огня, у печи, и так все и попало в фильм, только Лукиной не видно на пленке, а виден сам директор, устало сидящий у печи. Директор, очевидно, был в том настроении, которое бывает у всех молодых людей, вдруг нашедших хорошего друга-собеседника, и хотя директор совсем не походил на восторженного идеалиста, любящего поговорить о прекрасном, однако разговор вышел именно такой. Директор, сдержанный, умный человек, студент-заочник, рассказывал об учениках, и об этом мальчике, ждущем маму, и о другом мальчике, которого не любили за грубость и плохую успеваемость, а он однажды на экскурсии, далеко от Шиверы, подобрал на дороге какую-то больную собаку, скрытно привез ее домой и стал лечить и воспитывать.

Лукина, конечно, сняла и того одинокого мальчика — он оказался веселым, круглощеким, он попал на пленку, когда шел по тропинке рядом с директором школы; этот мальчик счастливо смеялся, запрыкивая и директору голову, пока директор тоже со смехом что-то ему говорил. И второго мальчика, собачника, Лукина тоже сняла, конечно, вместе со спасенной собакой и еще с какой-то другой собакой. Они втроем играли на снегу, две собаки и мальчик, и мальчик непрерывно смеялся. И так это и есть в фильме: непрерывный смех и три играющих существа на белом измятом снегу. Чрезвычайно красивый эпизод, чрезвычайно естественный, как будто мальчик с собаками и забыл думать о существовании камеры и микрофона, через который записывали его смех.

Лукина и к директору пришла на его урок географии со своей аппаратурой, и директор дал показательный урок о родном Красноярском крае. Но неважно, о чем говорил директор (хотя действительно Красноярский край — это грандиозный край, величественный и просторный), — но как директор говорил! Оплыв-таки ничего особенного — указка в руках, сутулая фигура, напряженный голос, но в фильме это одна из лучших сцен. В фильме почему-то все обернулось уроком чрезвычайно доброго, любимого учителя. Учителя любящего. Вдруг вспоминается, как он шел с мальчиком по тропинке в снегу, как смотрел на этого мальчика, как вообще он говорил на протяжении фильма с детьми — и как все учителя в этой школе рассказывают детям и о детях: с любовью.

В конце фильма учителя сидят за накрытым столом под елкой, несколько смущенно едят и пьют, чувствуя себя в центре внимания, — и вдруг речь заходит о том, кто как в первый раз проводил урок. И после других вдруг поднимается молоденький учитель и признается, что когда в первый раз вел урок, то не мог сдержать дрожь. Положил руки на стол — дрожат. Тогда взялся за спинку стула (вот так, воскликнул рассказчик, в самом деле держась за спинку стула) и так простоял весь урок. Потом ему сказали: «Ладно, что у тебя на столе руки дрожали. Но ты вцепился в стул, и стул у тебя трясся весь урок...»

Раскрасневшиеся учительницы смеются, каждый вспоминает свое. На вопрос, поставленный впрямую директору, что, по его мнению, главное в учителе, директор усмехается, опускает голову, молчит, а потом говорит: «Быть учителем...»

Екатерина Лукина вернулась из командировки и стала работать над фильмом. К весне можно было начать монтаж, и Лукина по своему обыкновению просидела с монтажной по десять-двенадцать часов, чтобы скорей закончить фильм. Она даже не пошла в полагающийся ей отпуск, успела вовремя закончить фильм, а через два дня после окончания работы родила сына.

На Лейпцигском международном фестивале советская делегация показала фильм Лукиной, только что отпечатанный.

В Москве в это время было начало новой зимы. Катя Лукина катала коляску взад-вперед по улице Гастелло. У газетной витрины она остановилась и простояла довольно долго, а потом тронулась с места и пошла дальше. В «Правде» было напечатано сообщение из Лейпцига о том, что фильму из СССР «Почему снег белый» присужден главный приз «Золотой голубь».

Л. СТЕФАНОВА

В арсенал новичка

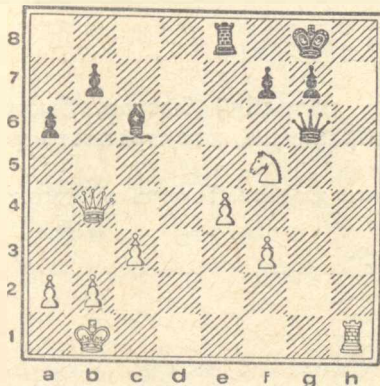
Расставьте фигуры так — белые: Крd5, Лс5, п. b6 (3); черные: Кра6, п. b2 (2). Это позиция итальянского шахматиста Лолли, жившего в XVIII веке. У белых лишняя ладья. Однако как парировать угрозу черных — превратить пешку в ферзя? Взять под удар поле b1 ладья не может... А если зайти ею с тыла?

1. Лс8 b1Ф 2. Ла8+ Крb7! Черные не бьют пешку, не позволяя противнику добиться цели (2... Кр: b6? 3. Лb8+ и 4. Л: b1).

Выходит, несмотря на лишнюю ладью, белые проигрывают? Нет. Нужно только немедленно пожертвовать ее —

1. Лb5! Черные вынуждены взять ладью, иначе она побьет их пешку. 1... Кр: b5. А теперь черный король и пешка оказались на одной вертикали, что позволяет белым применить двойной удар — 2. b7 b1Ф 3. b8Ф+ и затем 4. Ф: b1.

Ради чего белые жертвовали ладью? Чтобы зазлечь черного короля на невыгодное поле b5. Такой прием называется завлечением и является важным тактическим оружием.

Тут, завлекая короля на f8, белые жертвуют ферзя —

1. Фf8+! и на 1... Кр: f8 следует 2. Лh8X.

Но черные не обязаны бить ферзя королем! Они побьют ладью, — возразит кто-нибудь.

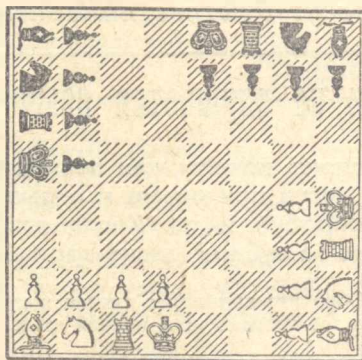
Это верно. Но ведь и такой ответ устроит белых! Вы согласны?

И еще пример. Белые: Кра1, Фс2, Cf3, п. a2 (4); черные: Кра8, Фа5, Cd5, d6, п. a7 (5). Здесь белые первым ходом завлекают на нужное им поле одного черного слона, вторым ходом — другого, а третьим — дают мат. Покажите эти ходы.

если оглянуться назад

Знаете ли вы, что шахматам уже более пятнадцати сотен лет? Что их родина Индия?

У индусов они назывались чатуранга, что означает четырехсоставное войско: в виде фигур были представлены пехота, конница, слоны и боевые колесницы. А «предном» шахматного короля в чатуранге был полководец. Фигуры расставлялись так:

Вас удивляет деление на 4 лагеря? Да, за доску садились четверо, и фигуры были четырех цветов — белые, черные, красные и зеленые. Мат не объявляли, а уничтожали всю армию противника. Но игра обеднялась применением костей: игроки бросали их, чтобы определить, чем и куда пойти. Значит, решало не только умение, но и везение.

ссора королей

Ход был белых. Но прежде чем отдать о нем приказание, белый Король обратился к черному:

— Право, я бы на вашем месте сдился, Ваше черное Величество! На что вы надеетесь? Только время теряем...

— Вот еще придумали! — завопил тот. — Сдаваться! Новости такие!

— И вовсе не новости. Порядочные короли всегда так поступают. Ладья! Правильно я говорю?

— А моя хата с краю — ничего не знаю, — отозвалась Ладья, которая, и верно, стояла на краю доски.

Тут в спор вступила белая Пешка:

— Он никогда не сдается, всегда тянет, — проворчала она. — В новой партии я бы в Королевы прошла, а теперь по его милости торж здесь на h3...

— Что ты там бормочешь, дрянная Пешка! — закричал черный Король. — Мало тебя били? А вам, Ваше белое Величество, не пристало позволять какой-то Пешке делать замечание мне — Королю!

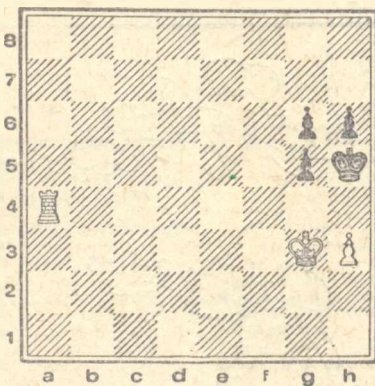
— А как вы, Ваше черное Величество, держались в прошлый раз? Я слышал, как вы нашептывали Коню: «Шахни его! Шахни его как следует!»

— Он вообще себя особенным считает: ему можно все, а другим — ничего, — опять вмешалась белая Пешка. — А чем он отличается? Деревянный, как и мы! Разве только повыше, да пластмассовый шарик наверху. Так его ли это заслуга?

— Ну подожди у меня! Я тебя научу обращению с королями! Уж ты станешь когда-нибудь проходной — дожидаясь! Уж я...

— «Уж ты... уж я», — прервала Пешка. — Не боюсь я вас нисколько... Подумаешь, важная фигура! Мат объявлю, тогда узнаете. Тут! Сейчас! В четыре хода объявлю!

— Нет, вы слышите?! — взорвался черный Король. — Она мне мат объявит?! Да где это видано, чтобы мне — Королю, который на пол-

тора, а то даже на два миллиметра выше любого из королей, — объявила мат какая-то Пешка! Если этот белый Король не пресекает ее дерзостей, так хотя бы ты, Ладья, сделала это!

— А моя хата с краю, — отозвалась Ладья. — Мне каной линии держаться прикажут, я и держусь.

Между тем белая Пешка что-то зашептала стоявшему рядом белому Королю, а тот, довольный, кивал своим шариком. А потом... потом белые, несмотря на отчаянное сопротивление черного Короля, точно четвертым ходом объявили ему мат. И действительно, объявила Пешка! f'о вот как?

Ю. БАРСКИЙ

НЕ ОПАЗДЫВАЙ

Р

Звук **р** для многих детей труден. И осваивают они его часто позднее других звуков. Упражнения и игры помогут быстрее наладить отчетливое произношение.

Рисунки Л. Филипповой

если не слушается язычок

Хочешь покажу, как лошадка стучит копытами? Смотри, я часто, часто прижимаю и отрываю язычок: цок-цок-цок.

Попробуй и ты. Когда язычок поднят и прижат к верхней десне за зубами, легче произнести **р**.

Обратите внимание: язычок показывает беспокойный характер звука **р** — когда его произносишь, кончик языка все время колеблется, дрожит.

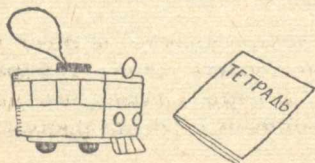

Чтобы научить дрожать язычок, попробуй быстро, быстро сказать «ды-ды-ды», как будто изображаешь, как стреляет игрушечный автомат.

Вот и научились правильно ставить язычок. Теперь он сможет выговаривать **р**.

Как шумит мотор самолета? **Р-р-р**.

Как сердится собака? **Р-р-р**.

Чтобы закрепить звук **р** в словах, поставим с ним рядом звук **д** или **т**. Посмотри на картинку и скажи громко: **дрова, ведро, трубочист, трамвай, тетрадь**.

Для сноровки и тренировки вот вам

скороговорки

Проворонила ворона вороненка.
Все бобры добры до своих бобрят.

загадки

Кто без бревен через реки мосты строит?
(Мороз)

Два брюшка, четыре ушка.
(Подушка)

Пришла Таня в сарафане.
Стали Таню разряжать,
Стали плакать и рыдать.
(Луковица)

Перья есть, да не летает,
Ног нет, да не догонишь.
(Рыба)

храбрый мышонок

В этой игре-сценке взрослый задает вопросы, а ребенок отвечает.

— Мышонок-трусишка,
ты треска боишься?
— Ни крошечки не боюсь!

— А громкого топота?
— Ни капельки не боюсь!
— А страшного рева?
— Нисколько не боюсь!
— А чего же тогда боишься?
— Да тихого шороха...

шутка

За уши зайца
Несут к барабану.
Заяц ворчит:
— Барабанить не стану,

Нет настроения,
Нет тренировки,
Нет подготовки,
Не вижу морковки.

кто победит?

Ребенок и взрослый становятся рядом. Они должны по очереди называть фрукты, овощи, ягоды, где встречается звук **р**: груша, морковь, смородина и т. д. Кто не успел вовремя сказать свое слово (можно считать до трех), делает шаг вперед. Тот из играющих, кто пять раз проштрафился и сделал пять шагов вперед, проигрывает. В игре могут участвовать несколько человек.

огурец и капуста

Однажды кочан капусты и огурец пошли вместе на реку. Огурец сразу в воду бросился, а кочан капусты стал на бережку раздеваться и раздевался до самого вечера. Огурец его дождался, дожидался и от холода весь покрылся пупырышками. Спросите ребенка:

Куда пошли вместе огурец и капуста?

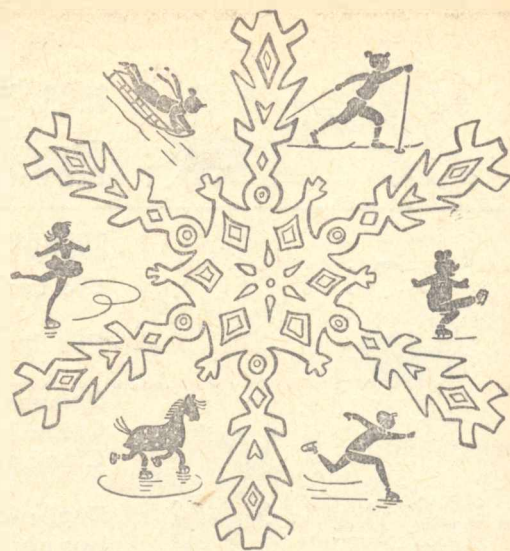

СНЕЖИНКА

спортивный клуб читателей

проводы зимы

Зима на исходе. Позади хонейные баталии, штурмы крепостей, увлекательные лыжные прогулки, головокружительные спуски с гор. Но во многих местах еще лежит снежный покров, не стаял лед. Можно устроить праздник «Проводы зимы».

Рисунки А. Орлова

эстафета

В состязании могут участвовать конькобежцы, лыжники, саночники. Первыми стартуют саночники. Желательно, чтобы санная трасса вела к озеру или реке. Стартовать могут представители нескольких команд. Каждый из участников имеет цветной флажок. Если снат узкий, то стартуют попарно или в одиночку. Судьи фиксируют время спуска по секундомеру. По договоренности в зачет идет суммарное или лучшее время.

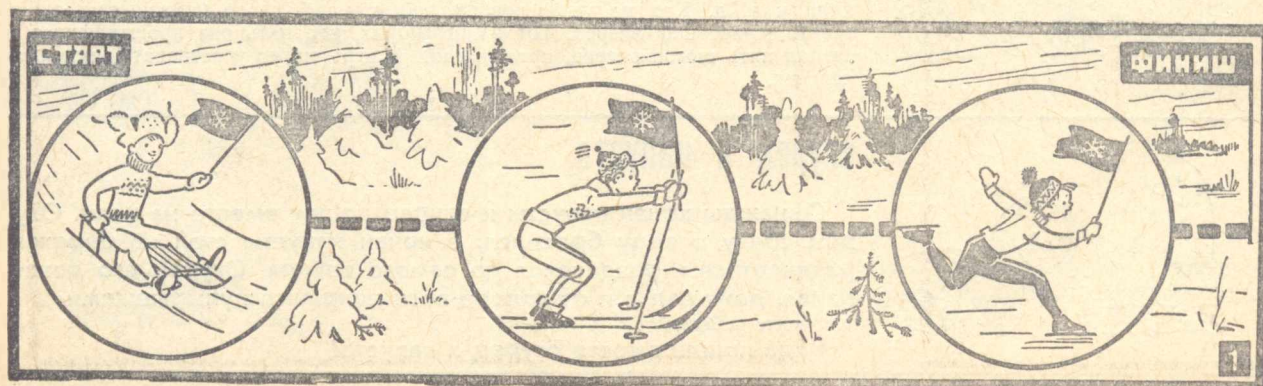
Саночники, спустившись с горы, передают флажок лыжникам. Их дистанция должна быть не менее километра. Финишируя у катка, лыжники передают флажок конькобежцам. Задачи конькобежцев могут быть различные: скоростной бег, выполнение фигур и т. д.

По желанию в эстафету вводят дополнительные элементы: метание копья, пересечение снежной полосы без лыж, метание снежков в цель.

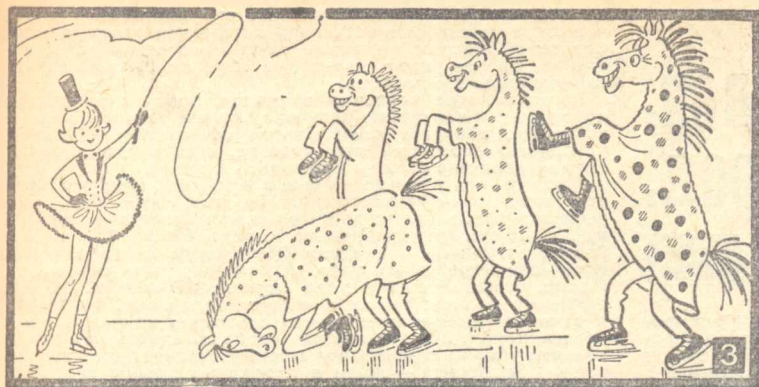
Побеждает команда, которая затратит меньше времени на выполнение всех заданий (рисунок 1).

мишка и книжка

Участники этой игры должны хорошо кататься и уметь выполнять различные фигуры. Играет музыка. На лед выходит мальчик или девочка в костюме медвежонка. Мишутка учится кататься. Его движения неуверенны, он часто падает. Вот Мишутка замечает, что на санках лежит огромная книга «Азбука фигуриста». Он начинает листать страницы и четко выполнять различные упражнения. Покидая каток, Мишутка увозит книжку (рисунок 2).

конный цирк

В этой интермедии участвуют семь-девять человек (рисунок 3). Прежде чем выходить на лед во время праздника, спортсменам следует потренироваться. По указанию дрессировщика они должны скользить друг за другом, танцевать вальс, подниматься «на дыбы» (стоящий сзади поднимает того, кто изображает передние ноги).

ледяной столб

Его высота зависит от возраста ребят. За несколько дней до праздника столб несколько раз обливают водой, чтобы образовалась ледяная корка. На вершине столба укрепляют приз (рисунок 5). Кто сумеет добраться до вершины, тот им и овладеет.

нанайская борьба

На лед выбегают два маленьких нанайца. Они борются, подставляют друг другу подножки и т. д. (рисунок 4). После окончания номера выясняется, что номер выполнял один человек.

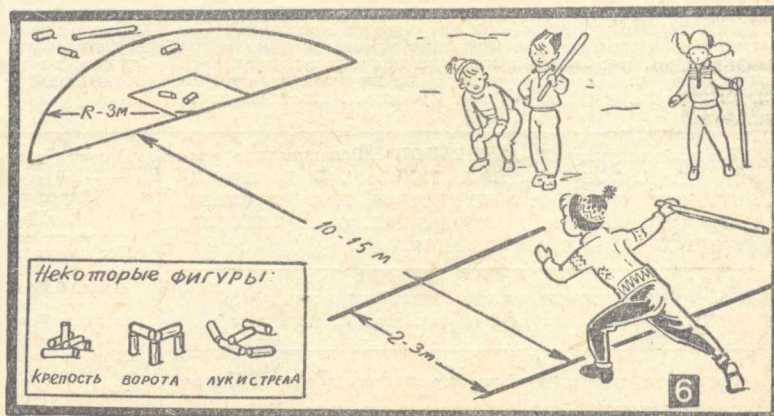
дигало

Эта игра очень популярна в Дагестане и немного напоминает наши городки. В книжке «Игры и спорт в Дагестане» автор М. Дебитов пишет «В дигало играют только мужчины с 10 до 50 лет...» Как же играют в дигало? На снегу чертится полукруг «моци» (полумесяц) радиусом 3 метра. Внутри полукруга квадрат, в котором ставятся фигуры из пяти городков. Последовательность установки фи-

гур: крепость, миномет, плот, сноп, ворота, лук и стрела, россыпь. Последнюю фигуру не устанавливают, а разбрасывают все городки произвольно.

Задача — выбить городок не только из квадрата, но и из полукруга. Побеждает тот, кто затратил на вышибание фигур наименьшее количество бит.

С. ГЛАЗЕР,
мастер спорта СССР

Человек. Народ. Мир

В поисках подробностей истории написания Мартиросом Сарьяном картины «Армения» я перелистывала дневник художника. В ближайшее время он должен выйти в переводе на русский. Меня остановили страницы с рассказом в диалогической форме, чем-то напоминающим «Диалоги» Платона. Один из героев — спокойный и мудрый Вартеван — говорит, что страстная любовь к природе заставляет его думать о земле как о гигантском существе, осознающем себя через человека. Для земли человек — это она сама и есть. Самодовольный Крат смеется: природа существует постольку, поскольку люди безвозмездно пользуются благами ее. И разве человек делами не доказал свою роль господина и властителя!

То, что говорит Вартеван, очень близко Сарьяну. Любимые мысли Сарьяна — о земле... Сколько раз на протяжении всей своей жизни художник доказывает, убеждает: «Мудрая, чудесная природа — Я. Мое Я — это весь мир, ибо Я — весь мир... Моя деятельность художника — благодарность природе за все ее чудеса». Мысли удивительно простые, но, может быть, именно в силу этой простоты они оказываются непонятными. Когда совсем недавно хотели опубликовать ранний автопортрет художника «Я — солнце», смутило именно название его: слишком уж самонадеянно...

Свою большую программную картину, написанную в 1923 году, художник, наверное, тоже мог бы назвать «Я — Армения».

Важно ли для нас, что она была создана в годы, когда армянский народ горячо взялся за строительство новой жизни, когда сам художник покидает свою мастерскую, чтобы председательствовать на собраниях, произносить речи, дискусировать, возглавлять организацию художественного музея Армении, художественного техникума, общества художников?.. Важно ли, что по мотивам этой картины создавался громадный занавес, который должен был украсить новый зал Армянского драматического театра имени Сундуняна? Несомненно. Время дало жизнь полотну, определило его пафос, монументальную силу. Но, как у каждого подлинного произведения искусства, у этой картины есть история, и началась она значительно раньше.

Сарьян был студентом Московского училища живописи, ваяния и зодчества, когда впервые в 1901 году попал в Армению. Родился он и рос в степях Приазовья, под Ростовом. И вот — пестрые базары, шумная открытая улица, горячий, цепкий гортанный говор, сверкающие медной посудой, свист гончарного круга, врожденная грация смелых движений, синие, почти фиолетовые тени. Быше в горах — храмы, как будто выросшие из скал, — суровые, чистые линии. Или это скалы стараются быть похожими на храмы? Еще выше — ощущение полета, парения. Вот она, страна, потрясавшая воображение людей еще со времен библейских пророков...

Сарьян никогда не утверждал этого (и позволительно ли нам говорить об этом с такой определенностью?) — и тем не менее думается: в Армению привел его не голос крови, не то, что здесь жили предки его предков, эта страна была как бы реализацией его внутренней сущности. Ее характер, душа, лицо ее красоты настолько соот-

ветствовали его мироощущению, его пониманию мира, что он должен был в 1921 году с первыми эшелонами из Советской России приехать сюда и остаться здесь навсегда. Он не мог через два года не взяться за это монументальное полотно.

Когда занавес повесили в театре, зрители неизменно приходили в состояние экстаза. Антеры уверяли, что полотно это обладает магическими свойствами — снимать усталость, обострять все чувства. Как будто дыхание жизни, дыхание страны врывалось в театр.

Даже те, кто никогда не был в Армении, понимают, что это полотно — фантастично. Те же, кто был, углубляют: такие причудливые скалы можно встретить в Зангезуре, удивительный столпообразный холм — в Гарни, отсюда не видно гор Армянского нагорья, а они вот — в центре, и, конечно, всю композицию увенчивает Матис, ставший своего рода символом Армении. Впечатление от разных районов и мест сплавлено, соединено в такой гармонии целого, что слышишь звучание могучего аккорда. Эта творческая свобода, власть над своим полотном дали художнику преимущество как композитору. Посмотрите — люди в пляске на крыше глинобитного дома закружились самозабвенно, и ритм их движения как будто повторяют горы, деревья, холмы и вершины, сверкающие розовыми, оранжевыми, желтыми красками, нарядные, пришедшие на праздник. Это и есть праздник — праздник природы, мира, народа.

Почему народа? — могут удивиться некоторые. — Зачем говорить так расширительно — ведь в картине только и изображена группа женщин на крыше? И тем не менее эта картина-пейзаж достигает такой силы обобщения, такой значительности, что конкретная мелодия поглощается «музыкальной сферой».

Особенность ли это только данной картины? Другие пейзажи Сарьяна — портреты какого-либо определенного места: «Совхоз Коринджи в горах Туманяна», «Вид на гору Арагат из Двина»... Можно даже найти то место, где художник расположился со своим походным этюдником и мольбертом. И тем не менее достоинство лучших работ Сарьяна не в умении передать сходство, передать игру света, солнца, волшебство красок природы — достоинство это ощущаешь в этической широте, в умении каждый раз сказать о мире, земле, народе, национальности. Да, это возвращение к эпосу в самом древнем его понимании.

Вглядитесь еще раз в картину «Армения». Гармония этого полотна рождается из соединения противоположных начал: ощущение величия и величавости — мы как будто поднимаемся выше и выше, один план сменяется другим, раздвигается подобно кулисам на сцене — и в то же время звучит плясовая мелодия, волнующий ритм праздничного движения, обжигают жаркие, страстные краски...

Для меня всегда была в этой противоположности загадка Сарьяна. Умение охватить взглядом целое, постигнуть мир дается тогда, когда смотришь сверху. Но заметили ли вы, что из окон самолета земля похожа на макет, что-то незнакомое есть в картине сменяющихся друг друга геометрически очерченных лесов, холодных линий рек... Космичность же Сарьяна сплавлена, соединена с земной, почти плотской радостью, упреком от земной красоты.

Как это объяснить?.. Наверное, только словами Вартевана — земля, заброшенная во Вселенную, осознает себя и всю Вселенную через человека-творца. «Мудрая, чудесная природа — мое Я. Мое Я — это весь мир, ибо Я — весь мир...»

Думается, творчество Сарьяна доступнее, понятнее тем, кто знает и любит одно из самых замечательных его полотен — «Армению».

Это полотно послужило основой для недавно выполненных художником витражей, которые украшают интерьер нового здания театра имени Сундуняна.

Оно стоит первым в списке картин цикла «Моя Родина», за который художник удостоен звания лауреата Ленинской премии.

Л. ОСИПОВА

Главный редактор Л. М. ИВАНОВА. Редакционная коллегия: Е. И. ВОЛКОВА, С. А. ГУРЕВИЧ, Б. В. ИГРИЦКИЙ, Н. П. КУЗИН, Р. А. КУРБАТОВА, Т. В. МАТВЕЕВА, Р. М. РОГОВА, П. К. ХОЛМОГОРЦЕВ, О. Э. ЧКАЛОВА, М. Ф. ШАБАЕВА, Л. А. ШНАЙДЕР.

Оформление номера Юрия Колюшева
Художественно-технический редактор А. К. Ершов

Рукописи и фотоснимки не возвращаются. Литературных консультаций редакция не дает.

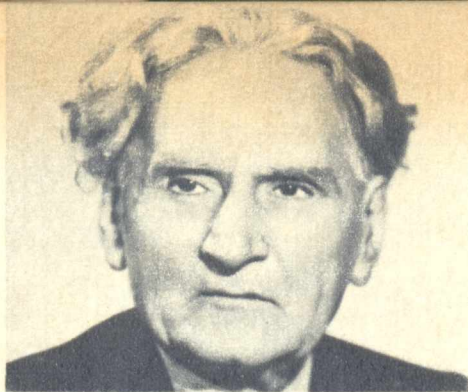
Издательство «Педагогика» Академии педагогических наук СССР и Комитета по печати при Совете Министров СССР
Адрес редакции: Москва, Г-117, Погодинская ул., 8
Телефоны редакции: 245-03-73, 245-12-14, 245-23-69

Подписано к печати 6/II 1970 г. А-11504. Тираж 1 655 630 (1—700 000) экз. Зак. № 935. Бумага 84×108/16. Печ. л. 4 + вкл. 0,25 (6,72+вкл. 0,42). Бум. л. 2,13. Уч.-изд. л. 11,31

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР, Ленинград, Гатчинская ул., 26.

Обложка и вкладка отпечатаны в Ленинградской типографии № 3 имени Ивана Федорова, Звенигородская ул., 11.

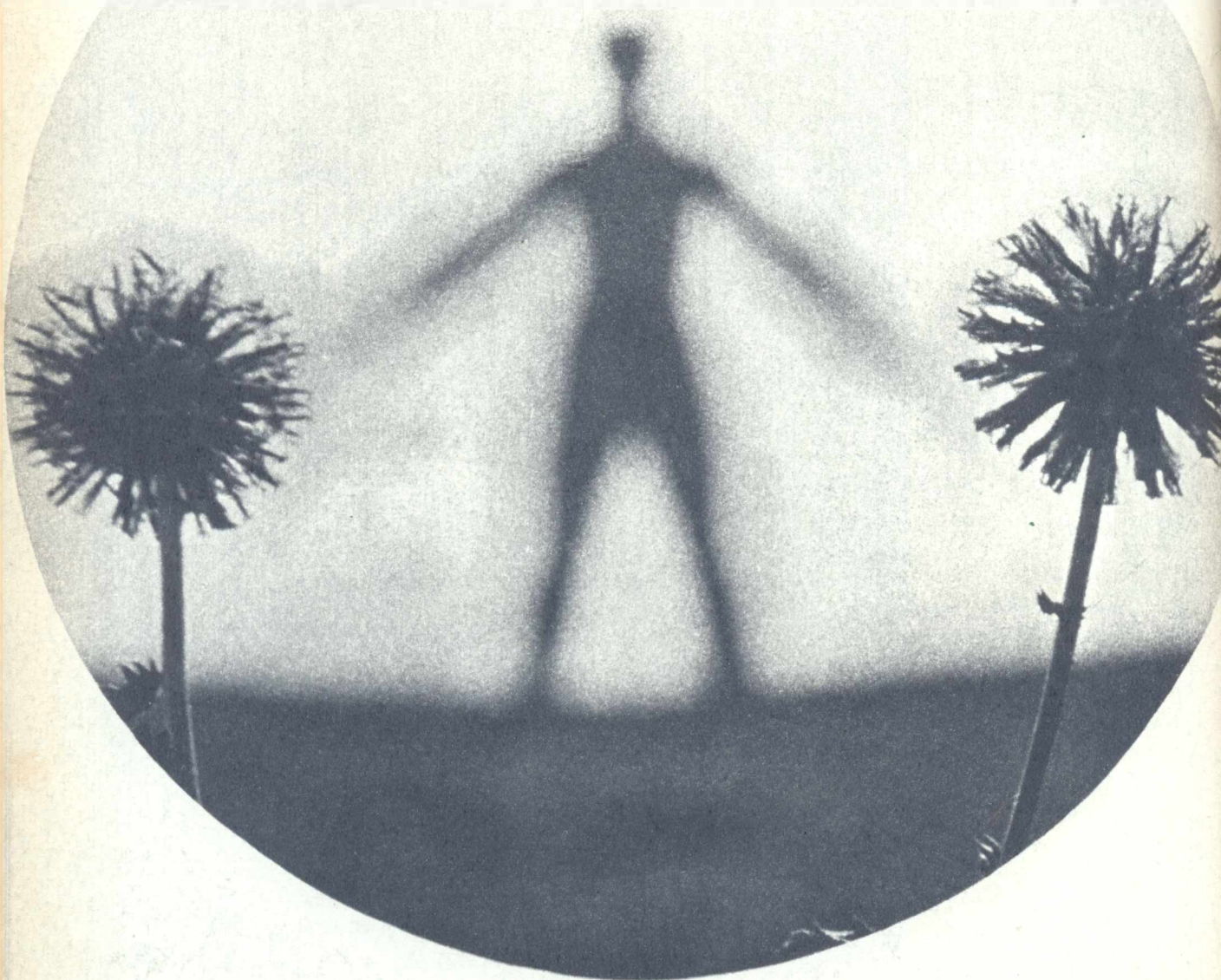

Мартирос Сарьян. Армения (1923 год).

*Тебе принадлежит земля —
И голубым, огромным шаром,
И тем, беспомощным и малым
Зерном, упавшим на поля.
Не победить, не обладать,
А понимать, любить и видеть...
Не растерять и не обидеть
И в руки детям передать.*

*В следующем номере журнала открываем
рубрику „Природа“.*

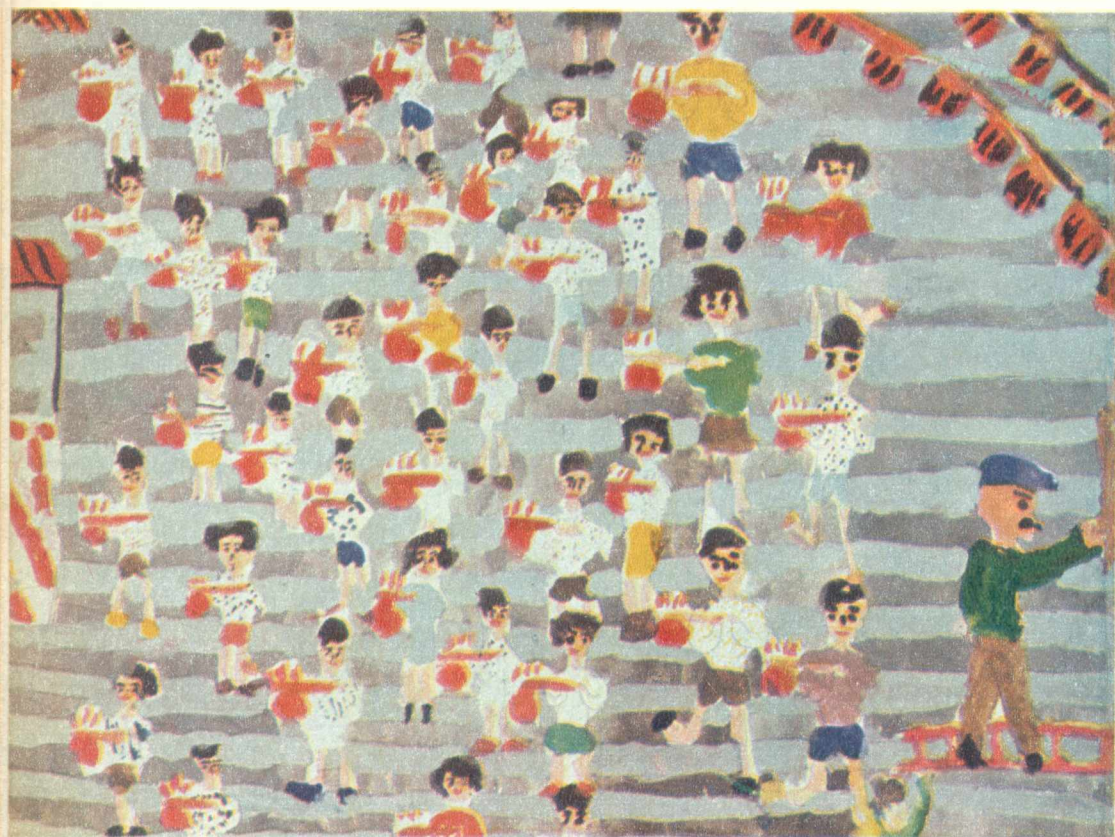

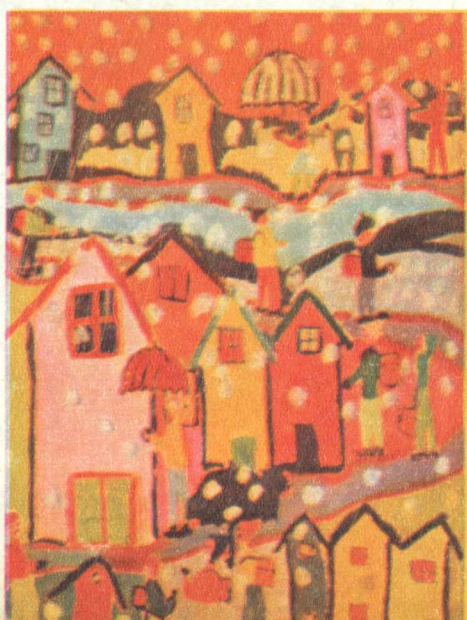

Цена номера 25 копеек
70909

„Я вижу мир“ — так названа международная выставка детского рисунка в Москве. В сотнях рисунков ребят всех стран земли открывается перед нами мир как его видят дети — люди и города, леса и реки. Он широк, многоцветен, радостен, полон чудес и надежд.

Шмыкова Ира, 6 лет (Советский Союз). Наш повир.

Сакураки Кэйко, 8 лет (Япония). Праздник.

Козлов Володя, 14 лет (Советский Союз). Матросы с „Авроры“.

Птижак Ринальдо, 7 лет (Италия). Как радостно идти в школу, когда идет снег!